

HORROR

КНИГА, ЛЕДЕНЯЩАЯ КРОВЬ

МОРТ, ОХОТА НА КОЛДУНА

Иван Булавин

23+ ADULTS ONLY

Охотник на людей, отдавший жизнь преследованию слуги Сатаны, не догадывался, что победить демона может только тот, кто сам станет демоном.

Действие романа происходит в альтернативном мире, похожем на наш во второй половине XVII века. Отличие составляют только некоторые географические особенности. Например, вместо Священной Римской Империи есть королевство Германия, примерно в сегодняшних границах. Англия и Шотландия ещё не объединились. Реформации не было, а католическая церковь всё ещё сохраняет сильные позиции в мировой политике. Существует и Святая Инквизиция, вот только дела её большей частью секретны и касаются не одних только ересей.

Иван Владимирович Булавин

Морт. Охота на колдуна

Глава первая

Северная Германия, недалеко от границы с Бургундией. 3.07.1698 г.

Это был тихий уездный городок, никаких достопримечательностей, просто поселение ремесленников и мелких торговцев. Церковь, кабак, да почтовая станция. Местную власть представлял градоначальник, именуемый по-деревенски головой, да два десятка королевских солдат, под командованием сержанта.

Единственным преимуществом этого городка была дорога, королевский тракт, проходящий через всю страну. Широкая дорога на четыре повозки, мощёная камнем, с вырытыми по бокам канавами для стока воды. Именно по этой дороге сейчас шёл неприметный человек, одетый в поношенный дорожный плащ и широкополую шляпу. За спиной у него висел тощий мешок с пожитками. Был он невысок ростом и болезненно худ, лицо отливало желтизной, словно у человека с больной печенью. Глаза были блёклыми и бесцветными, как у глубокого старика, хотя на вид ему было лет тридцать, не больше.

Звали этого человека Петер Морт, откуда взялось это имя, кто его родители, где он родился и как попал сюда, оставалось тайной. Неясной оставалась и причина, побудившая его посетить столь дальний уголок королевства. Лишь немногие люди по долгу службы знали, что этот неприметный человек — первый среди самых опасных на свете убийц.

Поравнявшись с крайними домами, он остановился и осмотрелся. Увидев городской колодец, он медленно подошёл к нему и, с помощью ведра добыл себе воды, напился и наполнил поясную флягу. Потом взгляд его упёрся в самый конец улицы, где под вывеской с тремя поросятами, державшими кружки с пивом, расположился кабак. Долгая дорога отняла у него много сил, определённо следовало подкрепиться, прежде, чем начинать работу.

В кабаке, по причине рабочего дня было пусто, местные работяги и торговцы любили выпить, да только сделать это могли в выходной день, или ближе к ночи, ибо любая работа требует ясной головы. Открыв дверь, он осмотрелся и, разглядев за стойкой хозяина, направился к нему.

— Водки, — глухим бесцветным голосом сказал он, бросив на стол медную монетку.

— Да, пожалуйста, — кабатчик быстро налил порцию крепкого пойла в оловянный стаканчик и поставил его перед гостем. Посетитель ему не нравился, чутьё, выработанное за долгие годы общения с пьяницами, подсказывало, что от него будут большие проблемы. Но и прогнать такого посетителя он не решился, встретившись с ним взглядом, хозяин заведения почувствовал, как его обдало морозом.

— Будьте здоровы, — всё с той же интонацией проговорил странный гость, после чего медленно, со вкусом, выпил водку.

Пойло было крепким, как раз такую выпивку любят местные, виноград здесь не растёт климат не тот, привозное вино они могут позволить себе только в праздник, а пиво считается баловством, им сложно упиться. Тем не менее, прищелец выпил до дна, несколько не поморщившись и вообще никак не отреагировав. Поставив стакан обратно на стойку, он медленно проговорил:

— Я хотел бы отобедать, если вы не против, есть что-то стоящее?

— Да, конечно, — кабатчик вдруг встряхнулся, словно только сейчас вспомнил о своих

обязанностях. — Завтрак закончился, а для обеда ещё рано, но что-нибудь обязательно найдём.

С кухни, где печь топилась круглосуточно, была вызвана повариха, немолодая женщина, худая и со злым выражением лица. После краткого допроса, она призналась, что есть половина варёной курицы, малосольные огурцы, яйца и почти свежий хлеб. Гость снисходительно кивнул и отошёл от стойки.

Прежде, чем сесть за стол, он скинул заплечный мешок, расстегнул плащ и снял его, повесив на спинку свободного стула. Шляпа заняла своё место на столе. Под плащом была простая серая рубаша, поверх которой был надет прочный кожаный жилет. Внимательный наблюдатель сразу бы заметил, что между слоями крепкой кожи вшиты металлический пластины. На левом боку висел пехотный тесак с лезвием длиной в локоть, а на правом — нож со странно изогнутым лезвием. Отсутствие шляпы сообщило бы нашему наблюдателю, что гость обладает блестящим черепом, выбритым до синевы. Интересны были и его сапоги, в отличие от большинства путников, которые, ради сохранения своей обуви используют железные подковы, на нём были сапоги охотника, из мягкой коричневой кожи со шнуровкой, с едва заметным каблуком и мягкой подошвой, позволяющей ходить совершенно бесшумно.

Присев, наконец, за стол, он, в ожидании обещанных блюд, предался размышлениям. Хотя, невозможно было сказать, какие мысли появляются в голове у человека, который просто сидит на месте и смотрит в одну точку. Может быть, что и никаких.

Долго так сидеть не получилось. Снова появившаяся повариха поставила перед ним небольшую чугунную сковороду с шипящей яичницей на сале, рядом с ней заняла своё место корзина с хлебом, деревянное блюдо с кусками варёной курицы и миска с огурцами. У кабатчика она взяла полупустой штоф с водкой поставила с краю, прибавив к нему всё тот же оловянный стаканчик.

Пока гость ел, кабатчик о чём-то совещался с поварихой. Стараясь говорить тихо, они обсуждали, не стоит ли оповестить господина сержанта о таком странном госте. Гость имел острый слух, он прекрасно разбирал слова, но никак на это не реагировал, поскольку и сам собирался с этим сержантом поговорить.

К сержанту был отправлен мальчик лет десяти, служивший помощником здесь же, сейчас он спал, это заметно было по его помятой физиономии и едва открывшимся глазам. Впрочем, своё задание он понял хорошо и, быстро проскочив мимо гостя, выбежал на улицу и побежал в направлении казармы. К этому времени гость уже расправился с яичницей и огурцами, последняя порция водки была вылита в стакан, а последний кусок курицы лежал на последнем ломте хлеба.

Откинувшись на стуле, он снова погрузился в размышления. Прерваны они были появлением сержанта, который, в сопровождении двух солдат в давно нечищенных кирасах и с короткими алебардами в руках, громыхая сапогами и отдуваясь (плотный тёмно-синий камзол — не самая удобная одежда в жаркий летний день), вошёл в дверь заведения. Это был человек очень высокого роста, упитанный и уже немолодой. Седые волосы он зачёсывал назад, а пышные усы топорщились в стороны. Будучи сержантом пехоты, положенную саблю он не носил, зато в кобуре на боку висел пистолет. Морт ещё подумал, что пистолет у него не заряжен, или заряжен месяц назад, порох уже сто раз успел отсыреть, так что, чёрта с два он теперьвыстрелит. Кабатчик молча указал глазами на сидевшего за столом Морта.

— Эдвард Алоис, сержант Его Величества двадцать шестого пехотного полка, — он

грузно уселся за стол, возраст и комплекция его не располагали к пешим прогулкам, а камзол был сшит давно, когда сержант был значительно более худым, поэтому теперь трещал по швам, грозя порваться. Чтобы не допустить этого, Виллис поспешно расстегнул пуговицы и облегченно вздохнул, выпятив пузо. — Чем могу служить?

— А с чего вы взяли, сержант, что можете мне чем-либо служить? — Морт поднял стакан, выпил остатки водки, а следом бросил в рот кусочек хлеба с курицей.

— А с того, дорогой друг, — сержант, в отличие от кабатчика, несколько не испугался грозного вида гостя, — что позавчера я получил депешу, точнее, две депеши, одна расписывала мне похождения банды, которая ограбила уже два почтовых дилижанса, похитив целый мешок казённых денег. А вторая говорила, что сюда будет послан какой-то странный хмырь, который поможет мне в поимке банды, и что без него мы ни за что не справимся. И вот теперь сюда приходишь ты, спрашивается, кто ты и зачем?

— Петер Морт, — гость вдруг стал серьёзным, он вынул из кармана документ и протянул его сержанту, — я действительно послан к вам для оказания помощи в поимке банды. А ваша квалификация не вызывает сомнения у командования, вот только банда очень серьёзная, ловить её можно долго, месяц, год, два. А каждый упущенный день — это новые преступления, грабежи и убийства.

— Про убийства я пока не слышал, — сержант, узнав, что гость на самом деле тот, кого послало командование, стал гораздо вежливее.

— У Симона-сапожника сын пропал позавчера, сегодня, если не вернётся, пойдём искать, — осторожно напомнил кабатчик.

— По девкам бегаешь, — равнодушно ответил Алоис.

— Нет, — кабатчик покачал головой, — девка, к которой он бегал, домой вернулась, а сам он неизвестно, где.

— Допускаю, что конкретно с ним всё в порядке, — сказал Морт, — но прошу вас, господин сержант, отнеситесь к этому делу серьёзно, я уверен, что скоро трупы появятся, и их будет много.

Сержант вызвался сопроводить Морта до постоянного двора, что примыкал к почтовой станции. Нужно было оставить немногочисленные пожитки и снять место для ночлега. Солдат он за ненадобностью отпустил. По дороге охотник внимательно осмотрел крупную фигуру сержанта и внезапно спросил:

— Вы сказали, что служите в пехотном полку, так?

— Именно, — невесело ответил тот.

— А почему не в гренадёрском?

Вопрос был к месту, в Королевской армии распределение было строгим, человек таких габаритов просто обязан был пополнить армейскую элиту, пять элитных гренадёрских полков, расквартированных в столице и рядом с ней.

— Изгнан с позором, — нехотя ответил сержант и сплюнул в сторону, — отказался выполнять приказ одного высокородного слизняка во время провалившегося мятежа двадцать лет назад. Звание получил обратно за храбрость в битве при Шембери. Но при этом так и остался в пехоте, никому не нужен такой сержант, который отказывается выполнять грязную работу. Осталось только сидеть до старости в захолустье и представлять власть Его Величества.

Комнату снять получилось быстро, от наплыва посетителей гостиница явно не страдала. Мельком осмотрев помещение, где в середине стояла прочная деревянная кровать, а в углу

таз для умывания, он присел на стул и развязал мешок.

— Я вам ещё нужен? — напомнил о себе сержант.

— Разумеется, — охотник улыбнулся и вынул из мешка непонятный свёрток, где глухо звякнули металлические предметы. — Сейчас мы отправимся к упомянутому Симону, подробно расспросим его о сыне, найдём девушку, с которой он встречался, а поговорив с ними, будем делать первые выводы.

— Что не так с этой бандой? — сержант присел на единственный табурет и вынул из кармана трубку, — табаку не желаете?

— Потом, — отмахнулся Морт, снова набрасывая на себя плащ. — Нам пора. Что именно с бандой я вам точно сказать не могу. Пока не могу. Меня отправили для того, чтобы разобраться. Если это окажутся обычные преступники, то никаких проблем они нам не составят, я с ними разберусь быстро. Однако...

— Что? — подозрительно спросил Алоис.

— Пока ничего, — Морт перестал откровенничать и вдруг задал неожиданный вопрос, — священник в городе есть?

— Ну, да, отец Йоганн, но он уже стар и немощен, не думаю, что стоит его тревожить.

— Всё же пусть держится поближе к нам, пока не уверен, но возможно, нам понадобится его помощь.

С этими словами Морт вышел на улицу, а окончательно сбитый с толку сержант пошёл за ним следом, бормоча себе в усы разные непристойности. Первым пунктом расследования был сапожник Симон, немолодой худощавый мужик в кожаном фартуке работал у себя в мастерской, на вошедших гостей он поначалу не обратил внимания, продолжая вгонять молотком шпильки в подошву сапога, но, стоило ему поднять глаза, как рука его дрогнула, и молоток ударил по пальцу. Выругавшись, он отложил сапог и молоток, выплюнул изо рта оставшиеся шпильки, а потом сердито проговорил:

— Слушаю вас, если нужны новые сапоги, то заказ на неделю вперёд, сейчас я занят.

— Нет, Симон, — спокойно объяснил сержант, — нам не нужны сапоги, нам нужен твой сын. Где сейчас Хуго?

— Мне он самому нужен, — грустно ответил сапожник, — вот только с позавчера его не видно, куда делся, одному богу ведомо.

— Когда вы видели его в последний раз? — спросил Морт, глаза которого блуждали по мастерской сапожника, словно надеясь увидеть там ответ на вопросы.

— Позавчера, — ответил Симон, — как отужинали, так он подскочил и помчался куда-то, а с тех пор...

— Куда-то?

— Известно, куда, у него с Анной, дочкой мельника, шуры-муры, молчит, правда, да я и так знаю.

— И больше вы его не видели?

— Нет, ещё день выжду, созову соседей, да искать пойдём, мало ли, может, волки напали.

Учитывая редкие леса в этих краях, к мысли о том, что парня задрали волки, Морт отнёсся скептически.

— Где нам найти Анну?

— Так вы мельницу найдите, а рядом дом отца её, там она и живёт, дома должна быть сейчас.

Мельница, как и положено, стояла на окраине города, точнее, даже за его окраиной. А рядом стоял крепкий кирпичный дом, по которому сразу видно было, что семья мельника отнюдь не бедствует. Навстречу им вышел хозяин — крепкий мужик лет сорока, с короткой бородой и большой залысиной. То, что он был мельником, сомнению не подлежало, мука покрывала его одежду толстым слоем. Неизвестно, чем он сейчас занимался, но вид имел бодрый.

— Доброго дня, Клаус, — поприветствовал его Алоис.

— Здравствуйте, сержант, — так же радушно отозвался мельник, — с чем пожаловали?

И кто это с вами?

— Человек из столицы, — объяснил сержант, Морт, собственно, прибыл не из столицы, но возражать не стал, пусть будет так, — мы тут разбойников ищем, вот и ходим по домам, спрашиваем, кто и что видел.

— Меня можете не спрашивать, я никаких разбойников не знаю.

— А ваша дочь? — вступил в разговор Морт.

— А что с моей дочерью? — мельник вдруг насупился.

— Хотелось бы задать ей пару вопросов, если вы не против, разумеется, — Морт был сама вежливость, правда, улыбка его больше напоминала волчий оскал.

Мельник поморщился, Морт ему явно не нравился, но сержанта он знал давно и уважал. Вздохнув, он махнул рукой в сторону дома.

— Она там, вместе с матерью, спрашивайте, что хотите.

Анна и её мать хлопотали по дому, увидев вошедших, обе встrepенулись и отложили посуду и тряпки. Сержанта Алоиса они тоже знали, а вот второй посетитель вызвал беспокойство и страх, но, такова уж была его судьба, он давно привык и смирился.

— Добрый день, дамы, — сержант слегка поклонился, — простите великодушно, что отрываем вас от дел, но так уж получилось, что нам нужно задать вам несколько вопросов. Точнее, не вам, а именно тебе, Анна.

— Что случилось? — девушка побледнела.

— Думаю, нам лучше продолжить разговор во дворе, — внезапно предложил Морт.

Все присутствующие недоумённо на него посмотрели, но возражать не стали. В итоге беседа состоялась за пределами двора, во время прогулки. Родители прекрасно видели Анну, но не могли слышать то, о чём она говорит с гостями.

Вопросы задавать начал Морт.

— Я прислан сюда для поимки банды, юная госпожа, мне нужно знать всё. Хуго, сын сапожника, он пропал позавчера вечером, думаю, что вы можете что-то об этом знать.

— Я уже всё сказала его отцу, — девушка поджала губы и замолчала.

— Пойми, дитя моё, — сержант пытался казаться ласковым, — с ним могла случиться беда, а мы только хотим помочь. Где вы с ним расстались?

— Мельница, — медленно проговорила она, — а за ней склад, задняя дверь со стороны леса, там мы стояли, чтобы отец нас не увидел.

— Как долго? — снова вмешался Морт.

— До заката и ещё часа два, вряд ли больше, потом я ушла. А он сказал, что тоже пойдёт, только чуть позже, чтобы его мой отец не видел, он ходил вокруг, вдоль леса.

— Что-то странное было? — охотник задавал вопросы, не глядя на девушку, его, казалось, полностью поглощают свои мысли.

Она на несколько мгновений задумалась, потом неуверенно произнесла:

— Когда мы стояли там, я была спиной к лесу, а он смотрел туда. Однажды он вздрогнул, потом сказал, что видел два огонька, видимо, чьи-то глаза. Но когда я обернулась, там уже ничего не было. А когда я уже вошла в дом, слышала вой в лесу, правда очень далеко.

— Волки? — предположил Морт.

— Последнего волка в этих местах уже лет сто, как застрелили, — объяснил Алоис, — разве что, приبلудился откуда.

— Больше вы ничего не заметили?

— Нет, всё было обычно, — ответила Анна и на глаза его навернулись слёзы, — что с ним?

— Он мёртв, — сухо сказал охотник, после чего развернулся и быстро пошёл к мельнице.

Потратив несколько минут, чтобы успокоить девушку и ровным счётом ничего не добившись, сержант бросился догонять Морта. Догнать получилось у самого склада. Действительно, дальний торец обращён к лесу, там темно, и никто не ходит, идеальное место для любовных свиданий. Охотник присел на корточки, пристально глядя на землю. Глаза его бегали, стремясь разглядеть каждую травинку, ноздри раздувались, втягивая запахи, вроде, даже уши шевелились, как у зверя, но сержант всё же предпочёл думать, что последнее ему показалось.

— Что-то нашёл? — в нетерпении спросил сержант.

— Я надеялся на лучшее, — Морт скрипнул зубами и, казалось, побледнел ещё сильнее, хотя, казалось куда уже, — но теперь ясно, что парня мы больше живым не увидим.

— Это ты по следам определил?

— По следам, запаху и кое-чему ещё, — Морт повернулся к сержанту, — если бы ты хотел пойти домой, не попадаясь на глаза отцу Анны, какой путь бы выбрал?

Алоис осмотрелся и начал строить догадки:

— Дом вон там. Над дверью фонарь, хоть и светит себе под нос, но лучше на свет не выходить, значит, отсюда пошёл бы к лесу, потом налево, до конца забора, а там уже по улице и к себе домой.

— Отлично, — Морт как-то невесело улыбнулся, — а теперь иди, только медленно.

Тяжело вздохнув, сержант поплёлся в сторону леса, не доходя до крайних деревьев несколько шагов, он повернул налево, и прошёл ещё немного.

— Стой, — Морт, который шёл по пятам и, не отрывая глаз, смотрел на землю, внезапно остановился, — вот, здесь его взяли.

С этими словами он подобрал с земли какой-то мелкий предмет, вроде травинки, и поднёс его к глазам.

— Смотри внимательно, вот здесь, — он обвёл рукой круг в пару футов диаметром.

Алоис посмотрел на землю в том месте, куда указывал охотник, ничего подозрительного он там не увидел, трава, да прошлогодние листья. Впрочем, нагнувшись пониже, он всё-таки рассмотрел какие-то вмятины и комья вывороченной земли. Словно кто-то стоял в сапогах, а потом резко развернулся.

— А потом... — Морт замолчал и медленно пошёл к лесу, всё так же не отрывая взгляда от земли.

— Его не так просто взять, — напомнил сержант, — я знал Хуго, парень он был крепкий, да и подраться любил.

Морт невесело улыбнулся, он, как никто другой, знал, что сила, по большому счёту, мало чего стоит, а умение драться и вовсе ничто, по сравнению с умением убивать, каковому сын сапожника никак обучиться не мог. Они вошли в лес. Снова ничего подозрительного. Обычная редкая роща из лиственных пород, осина и бук, чуть дальше — ясень. Морт снова присел, осмотрел землю, поднял сломанную ветку, поворошил листья пальцами, потом уверенно показал вперёд. Шли медленно, после каждых пяти-шести шагов приходилось уточнять направление. В одном месте, посреди высохшей лужи остался след, заставивший сержанта грязно выругаться. Это был отпечаток лапы, причём, отнюдь не собачьей. Собак в городке набиралась всего дюжина, да и были они мелкими, способными только разбудить хозяина лаем. След же размерами превосходил человеческую руку. Морт специально приложил пятерню сверху, чтобы показать сержанту масштаб проблемы.

Прошли они довольно далеко, дальше началась чаща, настолько густая, что идущий первым охотник достал свой тесак и начал ловко срубать ветки, мешавшие ему пройти. Следы под ногами он более не искал, теперь, казалось, что путь для него ясен. Так оно и было, скоро, продравшись сквозь заросли, они вышли на поляну, где на деревянном алтаре, залитом кровью, валялись смердящие остатки того, что ещё совсем недавно было сыном сапожника.

Сержант побледнел и перекрестился. А Морт, который не отличался ни трусостью, ни набожностью, ни брезгливостью, подошёл поближе и стал внимательно рассматривать место преступления. Алтарь был сколочен из тёсаных брёвен, которые неизвестно, как протащили по зарослям. Над алтарём стояла деревянная же статуя, искусно сделанный идол, изображавший одного из древних языческих богов, образ которого впоследствии христиане отождествили с сатаной.

— Позовите сюда священника, — спокойно сказал он.

Глава вторая

Всё, что осталось от несчастного Хуго, сына сапожника Симона, поместилось в небольшой ящик. Кости ещё раз осмотрел Морт со специально приглашённым доктором, это был спокойный худощавый мужчина лет тридцати, который представился, как Генрих Штольц, они о чём-то посоветовались вполголоса, после чего закрыли ящик и сказали безутешному отцу, что можно готовить похороны.

Старый священник, отец Иоганн, седой и сгорбленный, в помятой сутане, которая никак не хотела расправляться на его тощей фигуре, обратился одновременно к Морту, доктору, и сержанту Алоису:

— Господа, я понимаю, что я всего лишь священник, и это не моё дело, но, может быть, у вас есть какие-нибудь предположения о том, что за исчадие ада могло такое сотворить с бедным Хуго?

— Святой отец, — хмуро сказал Алоис, прикладываясь к кружке с пивом. Они сейчас сидели в приёмной постоялого двора, и пили пиво в полном молчании. — Лично я видел, как сами люди творят такое, от чего даже исчадия ада придут в ужас.

— Святой отец может быть прав, — задумчиво сказал Морт, — что-то не так в этой истории. Доктор, что вы скажете?

— Тот, кто вынимал органы и выпускал кровь, был, если и не хирургом, то, по крайней мере, хорошо знал анатомию. Что касается самого тела, то разобрать что-либо невозможно, там почти не осталось плоти.

— А сами кости что сказали?

— На них следы зубов, впрочем, зубы это не человеческие, я бы сказал, что собака. Крупная собака. Челюсть в полфута шириной. Или волк.

— Или волк, — задумчиво повторил Морт. Видно было, что мысли его были где-то далеко отсюда.

— Господа, — отец Иоганн хлопнул себя тонкой сухой ладонью по тонзуре, — простите старика, я совсем забыл. Мне пришло послание, срочное, голубиной почтой, которую используют крайне редко.

Все присутствующие синхронно подняли головы.

— Так вот, — продолжал священник, — его прислали из отделения Святой Инквизиции, — там было сказано, что скоро сюда прибудет их посланник, а до того я должен всеми силами помогать расследованию господина Морта. Не знаю только, чем я могу помочь, кроме заупокойной мессы.

— Это уже немало, святой отец, — успокоил его Морт, — занимайтесь своим делом, а я вас обязательно позову, как только нам понадобится помощь.

— Я не знал, что Святая Инквизиция ещё работает, — сообщил всем Штольц, когда священник ушёл, — неужели в современном мире ещё популярны процессы ведьм и колдунов? А последние ереси, насколько я знаю, были выведены ещё лет пятьдесят назад, кроме тех нескольких сект, с которыми проще было примириться.

— Святой Престол никак не ограничивал деятельность этого органа, — спокойно объяснил Морт, — просто они стали более разборчивыми, теперь их цель — случаи, подобные этому.

— Вы всерьёз считаете, что здесь имело место колдовство? — доктор усмехнулся, —

позвольте, я считал вас образованным человеком.

— Увы. — Морт равнодушно развёл руками, — нет никакой разницы, что именно считаю я. Можно верить в существование колдовства, можно не верить. Но что следует делать с теми, кто не только верит, но и активно действует? Кто совершает сатанинские обряды, приносит жертвы и молится дьяволу? Прикажете оставить их безнаказанными?

— Это преступления, — не стал спорить Штольц, — но при чём здесь колдовство? Просто эти злодеяния, как и любые другие должны быть наказаны светским судом.

— Так и будет, но вы ведь сами видели алтарь в лесу, — напомнил Морт, — когда мы поймаем банду, а я уверен, что мы её поймаем, они будут переданы Инквизиции для допроса и следствия. Потом, когда всё будет выяснено, их передадут светскому суду для наказания. Не забывайте, что именно Святая Инквизиция за века накопила большой опыт исследования улики, сбора показаний, свидетельств, очных ставок и перекрёстных допросов, они справятся лучше других.

— Просто пытками вырвут признание в чём угодно, — фыркнул Штольц, — в чём смысл такого допроса?

— У вас странные сведения, доктор, я лично присутствовал более, чем на ста допросах. Пытки при этом применялись в семи случаях, ещё троим хватило угрозы применения пыток. Пытка — скорее исключение из правил, она нужна только для получения срочной информации, которую при этом легко проверить. Разум человеческий устроен так, что воздействовать на него можно исключительно словами. Тем более, если это разум человека неграмотного и слабохарактерного.

— Так когда прибудет посланник? — сержант Алоис решил сменить тему разговора.

— Думаю, завтра утром, — Морт задумался, прикидывая время, необходимое посланнику, чтобы добраться в эту глушь, — но тебе и твоим людям не стоит расслабляться, держитесь поближе ко мне. И пусть уже возьмут мушкеты, алебарды хороши для парадов.

Ранним утром, как только солнце показалось из-за горизонта, в городок прибыла подмога на лошадях. Взвод королевских драгун во главе с капитаном, которые спешили и стали занимать место у коновязи. С ними прибыла карета, запряжённая четвёркой лошадей. Оттуда с большим опозданием вылез человек в сутане священника. Он был прямой противоположностью отца Иоганна, это был достаточно молодой человек, высокий, крепкий, подтянутый. Волосы на голове были коротко подстрижены, тонзура, как ни странно отсутствовала, а на лице оставалась небольшая бородка и усы. Живые серые глаза цепко обшаривали окрестности в поисках интересного.

Интересное он нашёл во дворе гостиницы, где мальчик слуга помогал Морту умыться. Тот был полуголым и босиком, в одних только исподних штанах. Посмотреть было на что, худая мускулистая фигура удивления бы не вызвала, бросалась в глаза другая примета, всё его тело было покрыто татуировкой. Письмена на мёртвых языках и страшные картины ада, жертвоприношений и убийств. Эти узоры покрывали его от края шеи до запястий и пояса, возможно, под штанами тоже были рисунки.

Увидев вошедшего инквизитора, Морт быстро вытерся полотенцем и радостно его поприветствовал:

— Брат Доминик, рад вас видеть, я уже боялся, что пришлют старого брюзгу Алана. Вы не против, если я закончу свой утренний туалет?

— Мне глубоко плевать, Морт, — строго сказал брат Доминик, — можете делать, что хотите, говорить вам это не мешает. Расскажите, что удалось выяснить?

— Это не просто банда, подозреваю, что эти люди — наши клиенты.

— Подозреваете?

— Да, подозреваю, — Морт вытерся махровым полотенцем, но одеваться пока не спешил, — зачем столько солдат, можно ведь спугнуть банду, а потом они объявятся в другой области и продолжат начатое?

— А вы знаете, сколько человек в банде? — с недоверием спросил Доминик.

— Не имею ни малейшего представления, — Морт установил на небольшом столике таз с мыльной пеной, поставил небольшое зеркало и разложил бритву, — но вы сами понимаете, что это и неважно, меня самого интересует только один человек, или два, я пока не понял. Остальные только дадут работу судье и палачу.

Размазав пену по голове, он взял бритву и начал с громким скрежетом скоблить щетину, ловко превращая свою голову в подобие гладкого яйца, через пару минут, когда брить было больше нечего, он вылил на голову ковш воды и провёл ладонью по лысине проверяя качество бритья, не удовлетворившись результатом, он спокойно протянул бритву отцу Доминику и с какой-то издевательской улыбкой попросил:

— Если вам не трудно, святой брат, вот здесь на затылке, слева.

Доминик поморщился, но отказывать не стал, лезвие ещё несколько раз прошло по коже, удаляя остатки щетины. Потом настал черёд бороды, Доминик терпеливо присел на большой дубовый чурбак, что использовался хозяином для того, чтобы рубить дрова.

— Так вот, — продолжил Морт, проводя лезвием по щеке, — вы тоже не рассказали мне, что это за банда и чем она интересна, просто отправили сюда и велели заняться расследованием.

— Мы сами точно не знали, — Доминик развёл руками, — деньги были похищены так ловко, что даже охрана не успела среагировать, они только стреляли вдогонку, но не попали.

— Отвели глаза?

— Возможно, а возможно и другое. Людей, ответственных за отправку денег, потом нашли мёртвыми. На теле не было ран, но их внутренние органы превратились в золу, как такое возможно?

— Вам лучше знать, святой брат, вы ведь грамотный, — Морт промокнул лицо тем же полотенцем, ещё раз посмотрел в зеркало и, удовлетворившись результатом, убрал туалетные принадлежности.

У отца Доминика было своё мнение на этот счёт, но он предпочёл промолчать.

— Нужен подробный отчёт о найденных уликах, — напомнил он.

— Если вы про тело несчастного парня, то его завтра похоронят, отец Иоганн готовит церемонию, что касается алтаря, то я запретил его трогать, он так и стоит в лесу, можете сходить и посмотреть.

— Надписи?

— Есть несколько древних рун, но их, похоже, нанесли для порядка, никакой смысловой нагрузки они не несут.

Морт, наконец, оделся, хотя плащ держал в руке, а шляпа и вовсе осталась в номере.

— Давайте обсудим всё подробно, — предложил он.

Следственная группа, в лице Морта, брата Доминика, капитана драгун Эрнеста Рау, доктора Штольца и сержанта Алоиса, собралась в церкви, время молитвы закончилось, прихожане разошлись, поэтому можно было спокойно обсудить все детали. Где-то поблизости суетился отец Иоганн, готовясь к похоронам и отпеванию. На небольшом

столике отец Доминик разложил подробную карту.

— Вот этот участок дороги, оба раза было одно и то же, поломка у дилижанса, слетает колесо, встают на ремонт, потом некто уводит деньги из кареты. Сопровождающий теряет сознание, подозреваю, яд или гипноз, кроме того, охрана никого не видела, только потом, на окраине леса разглядели каких-то людей, которые тут же скрылись.

— А сундук нельзя было приковать цепью? — спросил капитан.

— Второй раз так и поступили, — объяснил Доминик, — но цепь была перекушена.

Капитан некоторое время смотрел на карту, потом начал осторожно делать выводы:

— Скорее всего, банда действует с опорой на этот город, возможно, здесь у них есть свой человек. Просто сидеть в лесу они не могут, нужна еда и вода. Кстати, как тут с источниками?

— Есть довольно большой ручей, вот тут, — Алоис провёл пальцем по карте, — но он течёт издалека и сильно изгибается, брать воду можно везде.

— У кого какие предложения? — спросил Доминик.

— Мои люди прочешут лес, — сказал капитан, — отсюда и досюда. Какие-то следы мы обязательно найдём.

Он показал на карте сначала места ограблений, а потом границу городка, получалось довольно большое расстояние.

— Это не лишено смысла, — согласился Доминик, — пусть вы не найдёте их самих, но какие-то следы их пребывания должны остаться. Если, конечно, банда не из местных, что маловероятно. Что у вас, Морт?

— Хочу проверить одну зацепку, — задумчиво сказал охотник, — думаю, сержанта Алоиса и его людей мне для этого хватит. Если он не против, конечно.

— Разумеется, не против, — возмутился сержант, выпятив грудь, — я, конечно, напрямую Инквизиции не подчиняюсь, но когда во вверенном мне городе какие-то засранцы режут людей на части, готов сделать всё, чтобы поймать их и познакомить с палачом.

— Вот и отлично, а я пока опрошу свидетелей, увидимся через четыре часа.

Разговор был окончен, участники совещания разошлись. Капитан поднял свой отряд, и они поскакали на прочёсывание леса. Доминик начал обходить дома, а Морт с Алоисом, остановились посреди улицы.

— Так что у тебя за зацепка? — спросил сержант.

— Сосны, где найти сосны? Спросил охотник.

— Не понял?

— Сержант, ты всё прекрасно понял, есть у вас такое место, где растёт хотя бы одна сосна? На месте похищения Хуго я нашёл сосновую хвою, а сосен поблизости нет. Где они есть?

Алоис задумался, перебирая в голове породы дерева, которые где-то тут произрастали. Наконец, его осенило.

— На горе, там точно растут сосны, ну, или не сосны, но уж точно что-то хвойное.

— Здесь есть горы?

— Ну, не горы, конечно, так, каменистый холм, там земля бесплодная, но сосны растут.

— Поднимай своих людей, идём туда.

Поднимать людей долго не пришлось. Полтора десятка мушкетёров вышли из казармы через две минуты, все были вооружены мушкетами, а кирасы свои оставили. Правильно, их уже никто и не носит, пережиток прошлого, тяжёлые и не спасают от пуль. А вот мушкеты

Морту понравились, новые, довольно лёгкие, начищены до блеска, замки в порядке и кремни на месте. Видимо, Алоис не забывал гонять подчинённых, а королевский арсенал исправно обновлял вооружение. Сам Алоис быстро заряжал пистолет, потом второй, при этом, не забывая давать указания солдату, оставшемуся на хозяйстве. Потом ещё повесил на пояс пехотный тесак, а затем объявил о готовности.

Выдвинулись они в пешем порядке, лошадей можно было достать на почтовой станции, но решили обойтись, тем более, что все они были плохими наездниками.

Гора, про которую говорил Алоис, оказалась в пяти-шести милях от границы города, дошагали часа за полтора, сержант быстро выдохся, снова расстегнул мундир и тяжело дышал. Сосны здесь действительно росли, пусть и нечасто.

— Рассыпаться цепью, — скомандовал негромко сержант.

Солдаты послушно выполнили приказ, живая цепь двинулась вперёд, удерживая мушкеты на весу и готовые стрелять на любой шорох. Сам он вынул один из пистолетов и шагал в той же цепи, обшаривая взглядом пологий склон. Рядом с ним, неслышно перепрыгивая с камня на камень, двигался Морт.

Вряд ли они здесь кого-то найдут, любые разбойники, услышав стук кованых сапог по камням, сбегут отсюда за пару миль. Впрочем, необязательно искать их самих, даже если найдут только их логово, — это уже будет успех.

Подняться успели примерно до середины склона. Морт внезапно остановился и стал втягивать ноздрями воздух. А через пару секунд из-под ног одного из солдат вывернулся крупный бородатый мужик в рваном кожаном плаще. Он кинулся убежать, но, сообразив, что быстрее пули бежать не сможет, развернулся, выхватил нож и бросился в атаку.

— Не стрелять! — крикнул было Морт, стоявший слишком далеко от места событий, но было поздно, половина солдат успела спустить курки, свинцовый рой просто смёл разбойника со склона, частично разорвав его на части.

Выругавшись вполголоса, он подбежал к убитому, а сержант спокойно велел солдатам перезарядиться и продолжать поиск. Осмотр трупа ничего не дал, мужик был беглым каторжником, в пользу этого говорило старое клеймо и не до конца зажившие шрамы на запястьях, оставленные кандалами. В карманах его не нашли ничего, только свой нож он всё ещё сжимал в руке. На шее нашёлся странный амулет, который Морт прихватил с собой, бережно завернув в носовой платок.

Дальнейшие поиски вывели их на место, которое можно было условно назвать логовом. Глубокая нора в камне, куда можно было войти, только согнувшись. Внутри был очаг, котелок с похлёбкой и лежанка на одного. Логово бандитов? Неизвестно.

Разумеется, ничего полезного они здесь не нашли, а потому собрались уходить, прихватив труп разбойника. Вот только Морт не унимался. Со стены он снял несколько клочков шерсти, которые потом старательно обнюхал. Некоторое время поразмышляв, он подошёл к убитому и, ухватив его за воротник, поднял и тоже обнюхал. Алоис, наблюдая за ним, непроизвольно отметил про себя, что тщедушный с виду охотник на самом деле силён, как портовый грузчик. Некоторое время постояв на месте, и ещё раз поглядев на амулет убитого, Морт велел собираться.

Их процессия двинулась обратно, унося с собой труп на сколоченных наскоро носилках. По дороге на них никто не напал, до города добрались благополучно. Вот только, когда увидели возвращавшихся драгун, им стало не по себе. Три лошади ехали пустыми, ещё на двух седоки едва держались, будучи тяжело ранены.

Капитан был зол, как демон, на вопросы Доминика он пообещал ответить позже, а пока направился напрямиком в кабак, туда же направились Морт с сержантом, отдав солдатам труп убитого разбойника, который следовало потом передать доктору.

— Водки, — прорычал капитан, подходя к стойке.

Посмотрев ему в глаза, кабатчик с трудом подавил желание убежать, дрожавшей рукой он налил в стакан крепкого напитка, протянул его капитану, а сам постарался скрыться за стойкой.

Капитан залпом выпил водку, потом смял стакан в руке и тяжело сел за стол. Некоторое время он молчал и тяжело дышал. Это был довольно крупный мужчина лет сорока, гладко выбритый, с широким лицом и большими серыми глазами, которые сейчас были налиты кровью, словно у бешеного быка.

— Теперь вы можете доложить о случившемся, — спокойным голосом проговорил Доминик, присаживаясь рядом. — Раненых солдат я сдал доктору Штольцу, он говорит, что их жизням ничто не угрожает.

— Спасибо вам, святой брат, — сдавленным голосом проговорил капитан, — но, если вы спросите меня, кто или что их ранило, я не смогу вам точно ответить. Те, которые выжили, говорят об...

— ...огромном волке, — закончил за него Морт, — которого, к тому же, не брали пули.

— Да! Дьявол меня раздери!!! — рявкнул капитан, хлопнув ладонью по стойке. — Всё так и было, когда мы заехали в чащу, всадника, ехавшего первым, он просто снёс, в прыжке умудрившись перегрызть горло, потом ещё двоих, а когда мы зажали его в угол, прорвал нашу цепь, изодрав когтями двоих, и скрылся. Хотя я отчётливо видел попадания, в грудь, в живот и в заднюю лапу. Сам я его полностью не разглядел, а вот солдаты, которые были ближе, говорят, что таких крупных волков просто не бывает. Эй, ты, налеп ещё!

— Сейчас не время напиваться, — спокойно напомнил Доминик.

— Не напьюсь, — проворчал капитан уже спокойнее.

Кабатчик, стараясь быть как можно незаметнее, подошёл к столу, поставил штоф с водкой и несколько стаканов, на этот раз стеклянных. Решив, что этого достаточно, он незаметно просочился в сторону кухни.

— Петер, ты думаешь о том же, о чём и я? — спросил Доминик, пока капитан разливал водку.

— Именно, а значит, мы не зря сюда прибыли. Солдат жалко, но теперь мы станем умнее.

— А кого убили вы?

— Сложно сказать, человек находился в логове монстра, возможно, ухаживал за ним.

— Оборотень плохо себя контролирует, когда находится в зверином обличье, — напомнил Доминик, — почему он его не сожрал?

— Оборотень? — хором воскликнули Алоис и Рау.

— На шее убитого висело вот это, — Морт выложил на стол амулет.

Брат Доминик аккуратно взял его за шнурок и поднёс к глазам. Амулет имел вид деревянной пластинки треугольной формы, в центре которого был вставлен зелёный кристалл. На дереве был нарисован глаз, зрачком которого этот кристалл и являлся.

— В любом случае, это не оберег от оборотня, у амулета другие функции, — Доминик завернул амулет в плотную ткань и спрятал в карман.

— Что будем делать дальше? — спросил капитан.

— Надо узнать, что их здесь держит, — задумчиво проговорил Доминик, — они взяли большой куш, но не уходят.

— Деньги больше не возят этим маршрутом? — уточнил капитан.

— Разумеется, в департаменте финансов дураков не держат, перевозят другими маршрутами, а вдобавок, поменяли всех чиновников, отвечающих за отправку денег.

— В городе есть, кого ограбить? — Морт повернулся к Алоису.

— Есть зажиточные мастера, кабатчик, торговцы, но, думаю, что добыча не идёт ни в какое сравнение с уже украденным, да и не держат они дома мешок с серебром.

Некоторое время все четверо молча размышляли, потом сержант, бывший условно местным, вспомнил:

— Усадьба барона Минца, десять миль к югу от города, если здесь и есть богатства, то они там, барон очень богат.

— Сейчас мы наведаемся в усадьбу барона, а потом...

— Ночью у меня будет дело, — перебил его Морт, — я должен встретиться с оборотнем.

— Уверен, что сможешь его найти? — с сомнением спросил Доминик, в том, что Морт сможет оборотня одолеть, он не сомневался.

— Сегодня как раз начало полнолуния, он обязательно проведёт эту ночь в зверином облики, а значит, и соображать будет, как зверь. Никаких хитростей от него ждать не стоит. Он обязательно заглянет в свою нору.

— Кстати, а тебя не смутило, что он смог обернуться днём?

— Нисколько, тот, кто сделал его таким, может усиливать его способность к перевоплощению, в том числе и днём.

Глава третья

Все четверо, наскоро собравшись, оседлали лошадей и направились к усадьбе барона. Туда вела узкая лесная дорога, заросшая настолько, что ветви царапали бока лошадям и норовили сорвать шляпы с седоков. Дорога много времени не заняла, лошадей гнали нещадно, благо, под боком есть почтовая станция, где всегда есть свежие скакуны.

Остановились у высокой каменной ограды с высокими башенками. Семьдесят лет назад король приструнил всех аристократов и запретил им строить замки. Усадьба барона от замка мало отличалась, впрочем, в этой глухомани его контролировать некому. Ограда была старой, сложенной из покрытых мхом серых гранитных блоков, а сразу за ней начиналась лесная чаща. По словам Алоиса, барон был нелюдим и редко выбирался из своего дома, где жил с немногочисленными слугами. Впрочем, при этом он, будучи уже далеко не молодым, умудрился жениться и привезти в дом юную дочь какого-то разорившегося дворянина.

Пройдя немного вдоль ограды, до верха которой даже сержант не смог бы дотянуться, сидя на лошади, они упёрлись в ворота. Мощные створки из дубового бруса были дополнительно усилены стальными полосами, которые уже сильно поела ржавчина. К счастью, лезть через ограду не пришлось, на воротах висел бронзовый колокольчик, позеленевший от времени.

Доминик, не слезая с лошади, дёрнул за верёвочку, вместо мелодичного звона раздался глухой стук, который вряд ли кто услышит. Святой брат дёрнул сильнее, но сгнивший шнурок остался у него в руке. Капитан Рау, среди множества добродетелей которого терпение отнюдь не числилось, вынул карабин из седельного чехла и принялся бить прикладом в ворота.

После дюжины ударов с той сторону послышалась какая-то возня, на воротах открылось небольшое оконце, откуда выглянула старческая физиономия.

— Чего долбить? Я всё прекрасно слышу, колокольчик есть, в него и звоните. И вообще нечего сюда приезжать, Его Милость сегодня не принимает.

— Если ты не заметил, то я тебе объясню, — капитан начал понемногу закипать, что, учитывая оружие в его руках, могло плохо закончиться, — перед тобой капитан драгунского полка Его Величества и полномочный посланник Святой Инквизиции, не впустив нас, ты навлечёшь такие кары на голову хозяина, что сам он тебя вздёрнет на дереве.

— Всё, всё, открываю, — испуганно забормотал старик.

С той стороны стукнул засов, потом второй, потом раздался лязг цепи. Наконец, одна створка стала медленно открываться наружу. Все четверо смогли проехать внутрь верхом, а уже там спешили. Старый привратник взял за поводья коней и увёл их к коновязи. Попутно рассмотрели самого привратника, это был старик лет шестидесяти, тощий и сгорбленный, ростом он не уступал сержанту, но, из-за сутулой спины, казался на голову ниже. Кроме того, он был явно нездоров, что неудивительно для его возраста, всё время мелко дрожал и кутался в плотный плед.

— Сейчас доложу, — сказал он, не оборачиваясь, и пошёл в дом.

Стараясь держаться позади него, сыщики медленно стали подниматься по лестнице в дом. Неизвестно, что именно сказал старику барон, но тот выскочил им навстречу перепуганный и, сделав над собой усилие, важно проговорил:

— Проходите в гостиную, господа, Его Милость ждёт вас.

В гостиной барона царил полумрак, шторы были задёрнуты, а на свечах барон экономил, несмотря ни на какое богатство. Рассевшись на стульях, они стали ждать. Барон вошёл через десять минут. Это был мужчина лет пятидесяти, довольно толстый и неуклюжий, на голове волосы стояли дыбом, а в стороны ключьями торчали седые бакенбарды. Лицо его, красное и опухшее от любви к вину, выражало крайнюю степень презрения к гостям. Для приёма гостей он соизволил надеть парадный камзол с золотым шитьём, но вот сорочка под ним свежестью не отличалась.

Тяжело протопав через всю гостиную, он уселся во главе большого стола, перевёл дух и только потом, наконец, соизволил поприветствовать гостей:

— Добрый день, господа, я рад вас приветствовать в своём доме, но позвольте поинтересоваться, что вас сюда привело?

— Вам известно о банде грабителей? — спросил Доминик.

— Прислуга принесла из города новости, какие-то бродяги шалят на дороге, но как это касается меня?

— Мы считаем, что следующей жертвой станете вы, — сообщил ему капитан. — Можете стать.

— Бросьте, — лицо барона сморщилось, словно он разжевал лимон, — только конченный дурак полезет ко мне, а если и полезет, то я и вас не стану звать, слуги вздёрнут их на ближайшем дереве.

— Вы слишком самоуверенны, барон, — строго сказал Доминик.

— Что? — барон подался вперёд и выдохнул облако винного перегара, — вы сомневаетесь во мне и моих людях?

— Это не бродяги, — напомнил ему Морт, — взвод королевских драгун не справился и ними, и ваши слуги вам не помогут.

— Щенок, — и без того красное лицо барона стало пунцовым, ненавидящие глаза уставились на охотника, — как ты смеешь?.. Ещё слово и познакомишься с моей шпагой.

— С удовольствием, — Морт осклабился, демонстрируя два ряда крепких зубов, а глаза его как-то странно заблестели, — могу прямо сейчас.

— Петер, держи себя в руках, — поспешно сказал капитан Рау, — а вы, барон, не забывайте, с кем разговаривайте, мы все — люди Его Величества и посланники Святого Престола, оскорбляя нас...

— Я знаю, кто вы, — перебил его барон, — иначе бы на порог вас не пустил, а ваши страшилки меня нисколько не пугают, плевать мне на всех бандитов, вместе взятых.

— Господа, — осторожно сказал Алоис, — думаю, мы зря сюда приехали.

— Умная мысль, сержант, — барон криво улыбнулся и крикнул в коридор, — Ганс, проводи господ к выходу.

Они встали и, не прощаясь, направились на выход, вызванный бароном слуга так и не появился, зато дорогу и пересекла юная девушка, которая сразу скрылась в тёмном коридоре. Морт, шедший последним, внезапно остановился и нагнулся, стряхивая что-то с сапога. Скосив взгляд в сторону, он разглядел девушку, бывшую, видимо, женой барона, совсем юную, лет шестнадцати. Её взгляд, полный ужаса, сообщил ему даже больше, чем поднятая с пола записка, которую он незаметно зажал в кулаке.

Уже начало смеркаться, когда они присели в номере Морта, обсуждая сложившееся положение. Первым делом охотник вынул из кармана крошечный бумажный свиток.

— Это мне дала очаровательная юная особа, видимо, жена Минца, и вид у неё был

испуганный.

— Неудивительно, — отозвался Алоис, — мне рядом с этим куском дерьма сидеть было противно, а она с ним в постель ложится, подозреваю, через пару лет её найдут в петле.

— Но, это, к сожалению, не наше дело, — напомнил Доминик, — прочитай, что там написано.

Морт развернул бумагу и начал читать:

«Добрые люди, помогите мне, я могу сообщить вам страшную новость, мой муж связался со странными людьми, каковые состоят на службе дьявола. Я смогла подслушать их разговор, они предлагали страшные вещи, более того, за неведомые дары мой муж обещал расплатиться мной. Спасите меня, ради всего святого.

Агата Минц».

— Как видите, господа, — сказал Морт, сминая пальцами листок и поднося его к пламени свечи, — внезапно у нас добавилось врагов, а у Сатаны друзей.

— Но мы об этом знаем, а значит, сможем им помешать, — спокойно сказал отец Доминик, — что ты собираешься делать теперь?

— Как я уже сказал, навещу логово оборотня. Сержант, составите мне компанию.

Алоис, услышав такое предложение, побледнел, но быстро взял себя в руки и, устыдившись временной слабости, с готовностью кивнул.

— Отец Доминик, у вас найдётся серебро?

Инквизитор с равнодушным видом бросил на стол увесистый кошелек. Морт достал из рюкзака мощные ножницы, которыми вполне можно было откусывать пальцы на пытке, вытряхнул из кошелька несколько монет и начал их раскусывать на части.

— Порча государственных денег — преступление, — напомнил ему сержант Алоис.

— Совершенно верно, сержант, — с натугой произнёс Морт, раскусывая ножницами очередную монету, — но, думаю, Святой Престол заступится за меня на суде, как уже не раз заступался. А вам я советую разрядить свои пистолеты, серебро для них.

— А ты так и не используешь огнестрел? — спросил Доминик.

— Когда-то давно я неплохо стрелял из карабина, но не теперь. Слишком ненадёжен, бьёт неприцельно, одноразовый, заряжать долго, звук выстрела слишком громкий, короче я больше доверяю своему ножу.

— А вы не пробовали нарезные ружья? — с интересом спросил Рау, — они бьют гораздо точнее и дальше. В подразделениях егерей такие есть. Только с заряданием мороки ещё больше.

— Слышал о них, но попробовать не довелось, как только попадёт в руки, обязательно попробую.

— Что нас ждёт? — спросил Алоис, засыпая куски серебра в ствол.

— Пойдём на гору и посидим при луне, — спокойно объяснил Морт, — я не уверен, что он вообще появится.

К горе они подъехали уже в полной темноте, коней отдали солдату, который увёл их с собой. Им может понадобится средство передвижения, но лучше коней держать подальше, они могут их выдать.

Сержант пытался наступать осторожно, но всё равно производил такой шум, что

оборотень, если он здесь, услышал бы за милю. На всякий случай, шли против ветра, хотя Морт знал, что им это мало чем поможет, слишком сильное обоняние у волка и слишком слабое оно у человека, даже такого опытного, как он.

Расположились они недалеко от входа в нору, охотник точно знал, что там никого не было, оборотень ещё не приходил, или же появился ненадолго, понял, что нужного человека он не дождётся и благополучно ушёл.

С вечера набежали тучи, ожидали дождя, но теперь тучи разогнало ветром, полная луна показалась на небе, стало светлее. Сержант приготовил пистолеты, взвёл курки и прицелился в темноту. Сам Морт был вооружён только небольшим кинжалом, лезвие которого было покрыто серебряной амальгамой. Клинок в длину был не более четырёх дюймов, но этого должно было хватить.

Враг появился ближе к полуночи, несмотря на все его звериные преимущества, охотник почувал его первым, вряд ли по запаху, просто его чутьё на подобных существ граничило с чудом. Легонько тронув сержанта за плечо, он знаком велел ему приготовиться. Тот был давно готов, пистолеты были в руках, курки взведены, а стволы направлены в сторону склона. Палец охотника показал чуть левее, там по склону поднималась большая чёрная тень.

Возможно, монстр заметил охотников, но подумал, что сможет их одолеть. Шансы у него были. Алоис нажал на спуск, но реакция твари была незамедлительной. Услышав только щелчок курка, она прыгнула в сторону, а заряд серебра, вылетевший мгновением позже, прошёл мимо.

Выругавшись, он вскинул второй пистолет, но выстрелил слишком поздно, когда сгусток тьмы уже летел на него. Серебряная картечь лишь слегка оцарапала бок, даже если серебро попало внутрь его тела, нужно время, пока оно подействует, тогда как сам монстр за это время успеет загрызть обоих.

Крупная фигура сержанта кубарем покатила в сторону, а огромный волк, звериным чутьём сообразивший, кто представляет большую опасность, метнулся в сторону Морта.

Хилая с виду фигура должна была превратиться в кровавое месиво под ударами мощных лап, но вышло иначе. Морт действительно упал на спину, сбитый мощным ударом волка, но, уже в полёте, успел воткнуть в толстую лохматую шею блестящий кинжал и обломить лезвие. Монстр подмял его под себя и разинул пасть, пытаясь откусить лицо. Удивительно, но тонким рукам охотника удавалось какое-то время удерживать его на расстоянии. Кровь из раны текла ручьём, а серебро уже начало отравлять его тело. Нужно только время.

Время ему подарил Алоис, поднявшись с земли, оглушённый и исцарапанный, он бросился на выручку и от души рубанул по спине зверя тесаком. Рана получилась глубокой и, несмотря на то, что убить монстра она не могла, отвлекла внимание. В очередной раз щёлкнув пастью у носа охотника, он резко развернулся назад, но тут лапы его предательски подкосились, он начал заваливаться на бок и жалобно скулить, словно побитая собака.

Морт с трудом поднялся на ноги. Удар в грудь оказался такой силы, что целостность рёбер была под большим вопросом. Алоис выглядел не лучше.

— Что с ним? — хриплым сдавленным голосом спросил сержант.

— Мёртв, можешь, конечно, проверить, но я в таких делах редко ошибаюсь.

— Снять бы с него шкуру, — проворчал сержант, разглядывая порванный рукав мундира.

— Попробуй, — охотник попытался усмехнуться, но застонал от боли в груди.

В лунном свете отлично видно было, что там, где только что лежала туша убитого волка, теперь находилось тело голого мужчины могучего сложения. Лишь клочки шерсти, лежавшие рядом, напоминали о его истинном облике. Сержант вздохнул и перекрестился.

— Что теперь?

— Теперь идём домой, дорога долгая, за телом завтра отправим солдат.

Время перевалило далеко за полночь, но в гостинице ещё никто не спал. Отец Доминик и капитан Рау о чем-то оживлённо спорили. Кроме них в номере сидел доктор Штольц, который отчего-то имел на лице свежие следы побоев.

Новость о смерти оборотня они восприняли с удовлетворением, а на встречный вопрос о несчастьях, постигших доктора, отец Доминик начал обстоятельный рассказ:

— Чтобы не сидеть без дела в ваше отсутствие, мы решили произвести вскрытие тела убитого, мне это показалось полезным, а доктор не возражал. Всё шло нормально, его тело было мертво и не внушало опасений. Но потом, когда время перевалило за полночь, он внезапно открыл глаза и схватил его за руку и начал наносить удары кулаком, отбиться было сложно, мёртвый не чувствовал боли и обладал огромной силой. Я пытался помочь, но даже вдвоём мы не могли одолеть мертвеца. Спас нас господин капитан, он, не желая наблюдать за вскрытием, дожидался нас снаружи, а услышав крики, ворвался в операционную и выхватил саблю. Стрелять в ожившего мертвеца из пистолета было абсолютно бесполезно, а вот сабля, напротив, оказалась весьма эффективной. Впрочем, даже отрубленная голова не обезвредила его полностью, пришлось рубить на тело части, которые теперь благополучно догорают в топке печи хозяина гостиницы. Вопрос только в том, что и как заставило убитого подняться?

— Хозяин его, кроме прочих заслуг, оказался ещё и хорошим некромантом, — рассудил Морт, — он управлял им напрямую, такое мало кому из колдунов по силам.

Сидевший в углу капитан Рау сплюнул и выругался, воевать с колдунами он явно не был готов.

— Давайте спать, — предложил Морт, — думаю, нас сегодня больше не потревожат, а завтра предлагаю начать поиски с дома барона Минца. Теперь мы можем не церемониться.

Его предложение было принято единогласно, все разошлись по номерам, Штольц ушёл к себе домой, а сержант Алоис вернулся в казарму.

Глава четвёртая

Утром совет собрался в прежнем составе, нужно было решить, как поступить дальше. С одной стороны, следовало немедленно прижимать барона Минца, но тут вставал вопрос доказательств, записки его юной жены было недостаточно для полноценного обвинения, кроме того, у барона имелись довольно серьёзные покровители в столице, которые сумели бы отравить жизнь даже инквизитору такого уровня, каковым был отец Доминик. В-третьих, арестовав барона, они окончательно спугнут того, за кем сюда и прибыли, он сбежит или затаится так, что они вынуждены будут уйти ни с чем.

Ситуацию спас человек, постучавший в двери номера. Это был молодой подмастерье, которого послал мастер, велел сказать им, что ему сказал его сын, который ходил сегодня на реку ловить рыбу, что в сторожке у самого озера кто-то есть. Короче, речь его была запутанной, а из всех присутствующих только сержант Алоис мог похвастать знанием города, причём только самого города, за его пределы он выбирался редко, и тем более, не слонялся по местным лесам.

Остановив сбивчивый рассказ парня, они хором потребовали от него конкретики.

— Так вот, — парень набрал в грудь воздуха и начал объяснять заново, — меня послал мастер, его сын сегодня пошёл на рыбалку, но рыба клевала плохо, и он не поленился спуститься по течению ниже, далеко, миль на десять. Там есть озеро, проточное, река течёт дальше, до самого моря, по крайней мере, так рассказывают.

— И что там? — поторопил его Доминик.

— Там раньше жил лесничий, сейчас-то их нет, за порубки леса королевская власть карает, — он как-то недоброжелательно кивнул в сторону Алоиса, — так вот, сторожка осталась, где лесничий жил. Старый домик, там уже давно никого нет, уже бы давно на дрова растащили, да очень уж нести далеко.

— Давай к делу, — капитан Рау стал снова закипать.

— Так вот, Пауль, сын его увидел, что там печь топится и человек какой-то вышел, а потом зашёл, не наш человек, понимаете, не из города.

Теперь они всё поняли отлично, на последних словах парня, вся группа уже собиралась в путь, а капитан, выскочив во двор, громким криком поднял драгун, которые бессовестно дрыхли, хотя солнце встало уже часа два как.

Вывалившись наружу, оставшиеся следователи гурьбой понеслись к коновязи, только брат Доминик на мгновение задержался, чтобы сунуть парню серебряную монетку. Не зря ведь он старался.

Коней гнали нещадно, зато к месту прибыли уже через час. Драгун Доминик велел оставить в тылу, чтобы они постепенно обходили сторожку, охватывая её кольцом. Перестраховка, на случай, если кто-то всё же убежит. На все возражения Рау, твердившего, что разбойников может быть много, и драгуны должны идти вместе с ними, инквизитор спокойно кивнул на Морта. А с охотником в этот момент творилось что-то странное, он побледнел ещё больше, левый глаз слегка подёргивался, ноздри раздувались, а руки начали слегка дрожать.

Подойти получилось тайно, здесь не было густой чащи, но вот кустарник рос вполне приличный, а потому, слегка пригнувшись, все пятеро смогли подкрасться почти к самому входу. Сержант вытащил пистолет, но Доминик остановил его.

— Нет нужды рисковать жизнью, сержант, — спокойно сказал инквизитор, — есть человек, который всё сделает сам.

Они посмотрели на Морта. Тот скинул плащ, бросив его прямо на землю, отстегнул с пояса тесак, но, секунду подумав, отдал его Алоису. Правой рукой он вытянул из ножен второй клинок. Это был нож с клинком длиной в пядь, изогнутым, наподобие полумесяца и заточенным с вогнутой стороны. Не самое удобное оружие, с точки зрения большинства, вот только сам охотник так не считал.

— Я-а готооов, — сказал он Доминику, странно растягивая слова.

— Помни, того, кто нам нужен, там нет, чтобы найти его, нужно оставить в живых одного. Иди.

Странной дёрганой походкой он зашагал к двери. Сторожка и в самом деле была старой, дверь на ржавых петлях просто свалилась внутрь от толчка ногой. Охотник нырнул внутрь и пропал. О происходящем можно было только догадываться. Раздались крики, звон стали, хрипы и бульканье, наконец, грянул пистолетный выстрел. А потом наступила относительная тишина.

— Пора, — резко сказал Доминик, после чего они втроём кинулись внутрь.

Внутри их встретила обстановка жуткого погрома. Немытый пол из прогнивших досок и стены с обвалившейся штукатуркой были забрызганы кровью, словно кто-то нарочно плескал её из ковша. На полу был разлит котёл с мясной похлёбкой. Разбойников, как оказалось, было семь. Шесть из них лежали в разных позах, с резаными ранами в разных местах. Тот факт, что некоторые из них были ещё живы, ни о чём не говорил, при таких ранах истечь кровью проще простого. И даже присутствовавший здесь доктор Штольц ничем бы помочь не смог. Надежды подавал последний участник банды, самый молодой, даже усы ещё толком не росли, перепуганный до мокрых штанов. Сейчас он отползал к стене, зажимая глубокую резаную рану на боку, вторая рана была на бедре, но кровоточила она слабо, можно надеяться, что выживет.

Вот только Морт шёл следом, сжимая в руке кривой нож, с которого капала алая кровь. На него было страшно смотреть, глаза были выпучены и не мигали, а зрачки сузились в одну маленькую точку. Левую сторону лица его перекашивал нервный тик, а на губах пузырилась жёлтая пена. Понимая, что удержать убийцу ему не по силам, отец Доминик прыгнул вперёд и закрыл своим телом раненого бандита.

— Нет, Петер! Не надо, возьми себя в руки, он нам нужен.

Охотник сделал ещё шаг вперёд, потом задрожал, окинул взглядом место побоища, выронил нож и сел на пол, закрыв лицо руками. Все облегчённо вздохнули, а доктор Штольц бросился оказывать помощь раненому. Зашивать не стал, но наложил тугие повязки, которые, как он уверял, должны остановить кровь.

— Я, конечно, не всемогущ, — сказал он, заканчивая работу, — но думаю, что горячки не будет, и наш пленник поправится.

— И можно будет его повесить, — добавил Рау.

— Я могу вам чем-то помочь? — спросил доктор у Морта, который всё так же сидел на полу, — вот, примите, один глоток.

— Что это? — спросил охотник, убрав руки от лица, вид у него был почти нормальный.

— Опийная настойка, — объяснил доктор, — поможет прийти в себя.

— Я в себе, — возразил охотник, поднимаясь на ноги, — а сегодня мне понадобится ясная голова. Что там с пленным?

— Как я уже сказал, раны не угрожают его жизни, только горячка, — объяснил доктор Штольц.

— В любом случае, допросить мы его успеем, — кровожадно сказал капитан, вынимая нож, — парень, ты хочешь увидеть цвет своих кишок?

Раненый испуганно замотал головой. Отец Доминик присел с ним рядом и спокойным ласковым голосом спросил:

— Эти люди очень хотят тебя убить, и, надо сказать, у них есть на то причины. Убивать они тебя будут долго и мучительно, а я, как истинный сын церкви, не питаю склонности к мучительствам и кровопролитию, а потому постараюсь их удержать. Но для этого ты должен ответить на мои вопросы, понимаешь?

— Да, — слабым голосом произнёс пленник, губы его дрожали.

— Как тебя зовут и откуда ты? — спросил Доминик, Морт при этом поморщился, по его мнению, следовало сразу переходить к делу, не заниматься формальностями.

— Мартин, я из-под Антверпена, был канатчиком, потом провинился и, чтобы не попасть в тюрьму, сбежал.

— Поверь мне, мой мальчик, — голос Доминика был всё таким же спокойным и добрым, — тюрьма — это ещё не самое плохое место. Куда хуже оказаться на виселице, а потом в аду. Ты загубил свою бессмертную душу, связавшись с адским отродьем, теперь у тебя один путь, если бы тебя сейчас не поймали мы, ничего бы не изменилось. Но, если в тебе осталось хоть что-то человеческое, то надежда есть, тогда можно считать этот допрос исповедью.

В глазах Мартина зажёгся слабый огонёк, видимо, в ад ему не хотелось.

— А теперь ответь мне на главный вопрос: где ОН?

— Он, он поехал к барону, — быстро заговорил Мартин, — сегодня должно было что-то произойти. Не знаю, что именно, он не говорил.

— Он договорился с бароном?

— Да, точно не знаю, я тогда снаружи стоял, почти ничего не слышал, они что-то говорили про его жену, было ещё сказано «Хозяин её примет». Пожалуйста, спасите меня, я его боюсь, он найдёт меня везде.

— Не переживай, парень, — отец Доминик похлопал его по плечу, вызвав новый приступ боли, доктор, кстати, ему не предлагал опийную настойку, видимо, не счёл нужным, — в новой штаб-квартире Инквизиции в предгорьях Альп, есть очень глубокие и надёжные подземелья. Ни один колдун, будь он хоть самим Сатаной, туда не доберётся. Продолжай рассказывать, когда всё должно произойти?

— Он уехал недавно, взял с собой двоих, самых надёжных, они с самого начала с ним, но обряд будут делать ночью, он всегда их ночью делает.

— Какие обряды он уже провёл?

— Ну, он посвятил Адама...

— Адама? — инквизитор посмотрел на убитых, — он среди них?

— Нет, Адам он... — парень запнулся, — он получил способность обращаться, в огромного волка. Его в звериной личине даже оружие не брало.

— Понятно, что ещё?

— Ещё, когда нападали на дилижансы, он что-то делал, жертвы приносил и читал заклинания. Карета ломалась, а он подходил и брал деньги, никто его не видел.

— Зачем ему деньги?

— Он хотел уехать, хотел сесть на корабль и плыть куда-то, сказал, что и нас увезёт, а потом даст денег и отпустит.

— И вы ему верили? Напрасно, из его компании выход только в Преисподнюю. А оттуда выхода уже нет.

При этих словах инквизитора Морт как-то нехорошо скривился, словно вспомнил нечто ужасное.

Дальнейший разговор пользы не принёс, главарь банды, кем бы он ни был, не склонен был делиться своими планами с подчинёнными. Встал вопрос о том, что делать с телами убитых, практика показала, что они могут быть опасны. Решили просто, принесли хвороста, высыпали на пол домика, а потом подожгли. Дерево было сухим и горело отлично, этого хватит, чтобы обезопасить людей от восставших мертвецов. Мартина перекинули через седло и забрали с собой. Вернувшись в город, его посадили под замок, отрядив двух пехотинцев на охрану.

На штурм усадьбы барона Минца решено было идти ближе к закату. А пока они вернулись в номер, чтобы отдохнуть и посоветоваться. Достав из своих запасов несколько бутылок хорошего вина, Доминик разлил его по стаканам.

— Старайтесь не увлекаться, господа, — напомнил он, — ночью нам предстоит нелёгкое дело. Обед я заказал, скоро его принесут.

Морт отхлебнул из стакана и присел на кровать. Вино было сладким и крепким, здесь такого не делают. Испания или Италия.

— Святой отец, — капитан обратился к инквизитору, — не могли бы вы просветить меня и сержанта Алоиса о том, с кем именно мы имеем дело? Слова пленного разбойника лично мне ни о чём не сказали. Кто этот главарь? Сатана?

— Не совсем, — отец Доминик немного подумал, видимо, решая, стоит ли доверять этим людям информацию, потом продолжил, — Сатана не может появиться в нашем мире, его удел — Бездна. Творить зло он предпочитает человеческими руками. Но находятся среди людей те, кто соглашается верно ему служить. Тот, кого мы ищем, как раз из таких.

— Так он человек?

— Теперь уже сложно сказать, природа его человеческая, он был человеком когда-то, подозреваю, очень давно, настолько давно, что Тьма полностью поглотила его душу, а адская магия изменила плоть до неузнаваемости. С точки зрения церкви, это уже не человек, просто сосуд скверны. Не уверен, что мне хватит сил с ним справиться, даже с помощью Петера. Вы уже знаете, что он раздаёт дары от своего хозяина, например, дар оборачиваться в волка, и это далеко не предел, какими дарами он наградил двух своих приближённых, можно только догадываться. Если не остановить их сейчас, они в будущем станут подобием хозяина и понесут знамя Тьмы дальше.

— А что он задумал? — спросил доктор Штольц, — для чего нужно приносить в жертву молодую баронессу?

— Тут возможны варианты, — инквизитор отхлебнул вина и снова замолчал, собираясь с мыслями, — вообще-то жертва, в роли которой выступает молодая девственница, может дать подпитку для многих обрядов, но, подозреваю, что здесь мы имеем дело с другим.

— Вы сказали девственница, — не понял доктор, — она ведь его жена.

— Я всё же склонен думать, что барон не прикоснулся к ней, не стал осуществлять свои супружеские права.

— Для жертвы?

— Не уверен, что её банально убьют на алтаре. Для этого прекрасно подошла бы любая крестьянская дочь, знатное происхождение тут никакой роли не играет.

— Но что тогда?

— Давайте вспомним, для чего вообще нужна женщина?

— Детей рожать, — спокойно сказал Алоис, опрокидывая уже третий стакан.

— Именно! — отец Доминик зашагал по комнате, развивая свою мысль, — как я понял, барон Минц продался Сатане довольно давно, ещё до того, как женился, привёл в дом молодую жену и оставил её девственницей. Зачем? Я думаю, что, поскольку жертву можно заполучить иным способом, девушку эту предполагалось как-то использовать и после обряда. Закрытая усадьба в лесной глуши прекрасно подходит для этого.

— Она должна понести от дьявола, — догадался капитан.

— Именно, — инквизитор остановился, выпил ещё вина и сел на кровать, вынудив Морта подвинуться. — Тот, кого мы преследуем, вынужден носить оковы плоти, которые накладывают серьёзные ограничения на его силу, а избавившись от плоти, он не сможет жить в этом мире. Нужен другой, тот, кто будет иметь тело и разум, созданные Тьмой.

— Антихрист, — тихо сказал Алоис.

— Вы правы, сержант, именно так. Тот, кто появится от соития смертной женщины с князем Тьмы, будет иметь уже другие возможности, он пройдёт по земле, сокрушая людской мир, ввергая его в хаос, войну и мор, допускаю, что и весь мир падёт к его ногам.

— И это так просто можно сделать? — поразился капитан, — всего лишь найти девку и подложить её Сатане на алтарь?

— Сделать это, как раз, очень непросто, нужны условия, правильное расположение звёзд и планет, правильно выбранная девушка, родившаяся в правильном году, долгий обряд, где заклинания следует читать по книгам, использование мощных артефактов, принесение жертв. Есть мнение, что он готовил этот обряд не одно десятилетие, если обряд прервать, то всё сорвётся и будет отложено на неопределённый срок. Может быть, на пару столетий или даже больше.

— Отлично, — капитан положил руку на эфес палаша, — чего же мы тогда ждём?

— Если мы сейчас придём к барону, то ничего не найдём, а арестовать его не так просто даже мне, кроме того, сам объект охоты просто затаится, а нам ведь нужно его убить.

— Именно убить? — уточнил Алоис.

— Захватить и удержать его мы не сможем, а вот убить, думаю, вполне возможно. Ведь с нами есть он.

Отец Доминик кивнул на Морта, который сидел рядом и с отсутствующим видом созерцал стену номера.

— А кто он такой? — подозрительно спросил капитан, — я на своём веку повидал бойцов, но такого, что с одним ножом победил семь вооружённых противников, встречаю впервые.

— Морт не просто хороший боец, он в прошлом пережил кое-какие события, однажды Тьма поглотила его, а потом извергла обратно, теперь он носит её в себе, только огромная сила духа и помощь святой церкви позволяет ему контролировать свои способности и ставить их на службу благому делу.

— То есть, с ума он не сойдёт?

— Думаю, что нет, — спокойно ответил Морт, подняв взгляд, — вам нечего бояться.

Глава пятая

Ближе к закату, когда солнце было у края горизонта, они выдвинулись к дому барона Минца, теперь уже взяли с собой всех, и драгун капитана Рау, и пехотинцев сержанта Алоиса, оставив только двоих для охраны пленника. Вооружились мушкетами и лёгкими карабинами, даже доктор взял себе пистолет и короткую саблю, а отец Доминик, видимо, не надеясь на одни только молитвы, прихватил с собой трость с железным набалдашником, которой вполне можно было разбить человеку голову.

Добирались на лошадях, но, подходя к самой усадьбе, решили спешиться, окружать двор не стали, высокие стены служат не только обороне, они могут ещё и препятствовать бегству.

Ворота по-прежнему были закрыты, но стучать на этот раз никто не собирался. По команде капитана, двое драгун поставили у дверей небольшой бочонок с порохом и размотали фитиль.

— Это шумно, — заметил Алоис.

— Если сработаем быстро, — отмахнулся от него капитан, — то никто не успеет сбежать.

— Кроме того, он ждёт чего-то подобного, — внезапно сказал Морт, — у него была ментальная связь с людьми из банды, теперь он знает, что они мертвы.

— На что же он надеется?

— На крепость стен, верных слуг и нашу нерасторопность, — объяснил Доминик, — кроме того, не забывайте, что это дом барона, куда не каждому открыта дорога, да и мы вламываемся туда только с разрешения Святой Инквизиции.

— Приступай, — капитан кивнул солдату, который взял фитиль и поджёг его своей трубкой, чтобы не стучать огнём, в дороге они поочерёдно курили трубки.

Фитиль разгорелся быстро, все отступили подальше в лес, чтобы не задело осколками дерева и камня. Взрыв ударил по ушам, на месте ворот вспухло дымное облако, куда сразу устремились солдаты с мушкетами. Привратник, пытавшийся их остановить, был в ту же секунду сбит с ног ударом приклада, а при попытке подняться, его просто пригвоздили палашом к земле, капитан Рау заранее разрешил солдатам не церемониться.

В само здание ворвались быстро, двери были заперты, но тут взрывать не понадобилось, солдаты просто выбили их прикладами. Навстречу им выскочили двое слуг, вооружённые саблями, но залп из мушкетов не оставил им шансов, перешагнув через окровавленные тела, они пошли дальше. Морт шёл чуть позади остальных, на этот раз он был абсолютно спокоен. В руке он держал тесак, но пока ни разу не пустил его в ход.

Ещё одного слугу, попавшегося под руку, сержант Алоис просто схватил за шиворот и ударил головой о стену. Вряд ли он собирался оказывать сопротивление, но лучше было обезопасить себя. Солдаты выбивали двери прикладами, проверяя комнаты, залы и кладовые, никаких следов барона, его жены и таинственного незнакомца найти пока не удавалось.

Обыскав всё, они собрались в главном зале, где совсем недавно барон их так невежливо принял. Все в растерянности уставились на инквизитора.

— Может, они собрались в другом месте? — спросил капитан, — это ведь можно сделать в лесу?

— Я чувствую его, — странным голосом проговорил Морт, глаза его смотрели перед

собой и, казалось, ничего не видели.

— Что ты чувствуешь? — инквизитор начал ощутимо нервничать, — он близко?

— Не близко, — охотник обвёл рукой комнату, — он здесь, прямо здесь, он не один, с ним Тьма, силы ада.

— Мы нашли вход в подвал, — доложил солдат, осторожно просунувший голову в проход, — запоры очень мощные, сейчас попробуем выломать.

Все присутствующие почувствовали себя дураками. Подвал. Всё верно, он здесь, и обряд уже начался, вот только уровнем ниже, любая старинная усадьба обязательно имеет подвал, который часто служит для сокрытия всего нежелательного, а иногда помогает спастись.

Запоры были серьёзными, сквозь узкую щель был виден тяжёлый деревянный засов и огромный замок на петлях, которые удерживали двери изнутри, толщина досок и скреплявшие их стальные полосы не оставляли надежд выломать их прикладом.

— Стреляйте, — велел капитан, указывая на засов.

Двое солдат с мушкетами, отступив на два шага назад, навели стволы на замок и одновременно спустили курки. Выстрелы в закрытом помещении больно ударили по ушам, в воздухе запахло порохом, и во все стороны полетела мелкая щепка.

— Ещё раз! — двери пока держались.

Третий залп покончил с засовом, а замок, хоть и остался цел, вылетел вместе с петлями. Толкаясь и мешая друг другу, они едва не кубарем спустились вниз, больше дверей не было, а потому они сразу вломились в ярко освещённое помещение.

Свет лился, казалось, отовсюду, на бочонках и ящиках стояли десятки свечей, которые горели одновременно. В центре комнаты стоял каменный алтарь, на котором лежала Агата, жена барона Минца, она была обнажена, а руки и ноги её широко раскинуты в стороны. Никаких верёвок или наручников не было, но и убежать она не могла, глаза её бесцельно вращались, словно изучали потолок, а язык тихо и невнятно что-то бормотал. Её опоили каким-то наркотиком, или наложили заклятие, а может, она просто впала в протрацию от ужаса.

А испугаться было чего. У алтаря стояли четверо, одного они узнали сразу, хотя бы потому, что он единственный имел человеческий облик, это был барон Минц, одетый в просторный чёрный балахон с вышитыми золотом знаками. В одной руке он держал человеческий череп, а другая сжимала непонятный кровавый сгусток. Стекланные глаза смотрели в потолок, а губы повторяли раз за разом одно непонятное слово.

Ещё двое, стоявших рядом, были похожи на оживший рисунок из учебника демонологии. Ростом они не уступали Алоису, а в ширину были куда массивнее. Коричневая кожа их голых тел натянулась на могучих мускулах, длинные руки были с когтями, а головы их венчали небольшие рога. Опустив взгляд, можно было рассмотреть и копыта, которыми они притопывали по деревянному полу.

Последний участник обряда выглядел ещё более внушительно, одет он был так же, как и барон, но лицо его закрывала чёрная маска с нарисованной на ней мордой чёрта, а вокруг его фигуры расходились лучи света, выглядевшие ослепительно яркими, даже на фоне сотен горящих свечей.

Обряд близился к завершению, неизвестный ударил посохом в пол, и в комнате стало темнеть, но яркие лучи, исходящие от его фигуры стали ещё ярче. Юная баронесса начала извиваться, словно сгорая от желания отдаться мужчине. Никакого внимания на происходивший в доме погром никто из них не обращал, только сейчас, увидев

остановившихся в проходе незваных гостей, они соизволили обратить внимание.

Произошло секундное замешательство, когда и та и другая сторона оценивала ситуацию и прикидывала свои шансы на успех, а затем, и те, и другие, кинулись в бой. Два рогатых демона кинулись вперёд, пытаясь закрыть проход своими телами и не обращая внимания на пули из мушкетов, которые рвали их тела. Никакого оружия у них не было, только огромные мощные лапы с когтями, которые им, впрочем, не особо помогли. Один из них успел зацепить низкорослого драгуна, перезаряжавшего карабин, тот откатился в сторону, поливая пол кровью из распоротого плеча. А вот второй замах был неудачным, на полпути его лапа встретилась с тесаком Морта, который просто отделил конечность от тела. Обрубок упал на пол и рассыпался в прах.

Второй демон сцепился с Алоисом, пытаясь его разорвать. Несмотря на внешнюю неуклюжесть, сержант проворно уклонился от удара когтистой лапы и, в свою очередь, нанёс рубящий удар снизу-вверх тесаком. Отступив на шаг назад и прикрывая глубокую рану, демон снова кинулся в бой, но из-за спины сержанта высунулся драгун, который принял его на острие короткой пики. У однорукого демона слетела голова, также рассыпавшись в прах на полу, тесак Морта творил чудеса.

Прокатившийся под ногами дерущихся доктор Штольц схватил Агату и оттащил её в сторону. Он тут же скинул с себя сюртук и набросил его сверху, чтобы прикрыть наготу девушки.

Брат Доминик прорвался вперёд и прижал к стене барона.

— Карл Минц, вы арестованы именем Святого Престола, опустите руки, выбросьте эту мерзость и следуйте за нами.

Барон расхохотался сатанинским смехом, но всё же начал отступать к своему покровителю.

— Взять их! — скомандовал отец Доминик и махнул рукой драгунам, которые уже ворвались в зал.

Команда взять подразумевала, что брать следует живыми, в противном случае поступила бы команда стрелять (хотя мушкеты большинства солдат были уже разряжены). Кинувшись на обоих и имея десятикратное численное преимущество, драгуны не смогли ничего сделать, адепт Сатаны выкрикнул какое-то слово, и солдаты разлетелись в стороны, словно кегли.

Отец Доминик, впрочем, отступать и не думал. Подняв крест, он начал громовым голосом читать молитву на латыни, с каждым словом которой слуги дьявола отступали на шаг назад. Никто не знал, чем кончится это бодание бога с чёртом, но молитва внезапно стихла. Подошедший сзади Морт аккуратно отодвинул инквизитора плечом и пошёл в атаку.

Барон Минц не понял опасности, а потому замешкался и получил короткий метательный нож в плечо. Лезвие ножа вряд ли могло нанести большой вред, но удар оказался такой силы, что барон опрокинулся на спину, а сверху на него навалились солдаты. Попытались они схватить и второго, но тот уже не стал их разбрасывать в стороны, а просто исчез, оставив в их руках только балахон и маску.

Пошарив глазами по стене, Морт кинулся в проход между двумя бочками, там располагался подземный ход, через который и выскочил колдун, использовав заклятие отвода глаз.

Следом за ним ринулись отец Доминик и сержант Алоис. В проходе было темно, но сержант успел ухватить одну из свечей. Теперь он бежал, прикрывая пламя рукой, из-а чего

сильно отстал. Отстал и инквизитор, проход был один, но он извивался, заставляя наткаться в темноте на стены. Морт таких проблем не знал, то ли видел в темноте не хуже кошки, то ли просто использовал не зрение, а своё звериное чутьё, позволяющее ему неотступно преследовать цель.

А цель продолжала удаляться, скоро проход закончился, появилась ветхая деревянная лестница, по которой убежавший колдун взлетел с ловкостью обезьяны. Морт выскочил следом, и они встретились лицом к лицу. В свете полной луны можно было рассмотреть противника, тот имел человеческий облик, только глаза его горели красным, словно угли костра. Поняв, что бежать больше некуда, охотник легко его догонит, колдун бросился в атаку. Морт встретил его ударом ножа, но рука с ножом пронзила пустоту, а тело колдуна взорвалось изнутри и разлетелось в стороны стайей летучих мышей.

Охотник взвыл от досады, погоня провалилась. Позади него из подземного хода вылезли сержант Алоис и отец Доминик.

— Он ушёл, да? — спросил инквизитор, отряхивая с сутаны комья земли.

— Превратился в стаю летучих мышей, — Морт наклонился и поднял с земли тёплый комок с крыльями, одну всё же зацепил.

Умиравшая мышь несколько раз дёрнулась у него в руке, потом замерла, а уже через секунду рассыпалась в прах.

— Он ранен, — сказал отец Доминик, — а незавершённый обряд отнял у него много сил, теперь он спрячется надолго.

— У нас есть те, кто знал его лично, — напомнил охотник, — допросим их.

Глава шестая

В номер они уже не возвращались, вернулись в казарму, где жили солдаты. Здесь их ждал неприятный сюрприз, двое солдат, которых оставили сторожить пленного разбойника, были сильно искусаны и перевязывали раны. По их словам, в помещение ворвалась стая летучих мышей и напала на них. Впрочем, им ещё повезло, твари искали не их, они пытались проникнуть за дверь камеры. Но дверь была рассчитана и на большую угрозу, толстые доски и крепкий замок не оставили тварям шанса пробиться. Стая удалилась ни с чем. Колдун, раненый и измученный, всё же нашёл время, чтобы попытаться отомстить предателю.

Предателя они нашли в камере, он спрятался под лавку и мелко дрожал. Неизвестно, что он испытал, когда в дверь ломился хозяин, но, надо полагать, ничего хорошего. Доминик заметил, что это к лучшему, теперь этот человек будет сотрудничать с Инквизицией не из страха, а по доброй воле, зная, что назад пути нет.

В камеру бросили барона Минца, связанного и с мешком на голове. Доминик, на всякий случай, наложил на дверь печать и прочёл молитву. А Мартина поволокли на допрос, который решили провести безотлагательно. В солдатской кухне разожгли камин, сержант Алоис бросил туда две стальные кочерги, чтобы накалились, но инквизитор сказал, что это лишнее и он попробует обойтись без пыток.

— Итак, Мартин, — начал брат Доминик, когда пленника усадили на стул, ему даже развязали руки, что, впрочем, было абсолютно безопасно, поскольку рядом стоял Морт, которого он боялся не меньше колдуна, — думаю, ты догадываешься, что твой хозяин сбежал?

Парень испуганно кивнул головой.

— Но, как известно, ни он сам, ни его повелитель, не терпят измен. Ты мог в этом убедиться, когда в твою дверь стучали твари. Что ты видел при этом?

— Я видел Его. Он, словно через дверь прошёл, показался здесь, проговорил проклятие и исчез. Я думал, он меня убьёт.

— Нет, — инквизитор достал чётки и стал неспешно перебирать их, — он тебя не убьёт, он, подозреваю, вообще здесь больше не покажется. Тебе следует бояться другого.

— Он может найти меня?

— Может, но вряд ли ему будет интересно мстить кучке пепла. Теперь мы точно узнали, кто он и чем занимался. Ты, наверное, знаешь, что полагается за колдовство, тем более, такое колдовство, поставившее под угрозу целый мир?

— Костёр? — побледневшими губами проговорил Мартин.

— Совершенно верно, казнь без пролития крови. Производится разными методами, самый мучительный — на сухих дровах, когда казнимый умирает непосредственно от ожога, в некоторых случаях ещё и рубаху ему селитрой пропитывают, чтобы лучше горела. На сырых дровах гораздо милосерднее, тогда ты успеешь задохнуться от дыма. Когда сжигают в клетке, это напоминает медленное прожаривание. Некоторые богатые особы, дав взятку палачу, могут выпить перед казнью опийной настойки, чтобы не чувствовать боль, или даже выпросить удушение, но ты ведь к таким не относишься, а потому придётся страдать.

— Я... я не хочу страдать, — с трудом выдавил из себя он, — пожалуйста, не надо.

— Нет, можно представить, что инквизитор моего уровня за тебя заступится, тогда ты остаток жизни проведёшь в тесной келье на задворках штаб-квартиры инквизиции, где

будешь смиренно замаливать свои прегрешения. Но в этом есть и положительный момент, твой бывший (надеюсь) хозяин тебя там не достанет.

Парень поднял взгляд, в котором промелькнул лучик надежды.

— Но, пойми меня правильно, я сделаю это только в том случае, если ты нам поможешь. Расскажешь и покажешь всё.

— Да, конечно, — он набрал воздуха в грудь, выдохнул и решительно произнёс, — спрашивайте.

— Святой брат, кажется, дал опрометчивое обещание, — вмешался капитан Рау, — колдовством твоя вина не исчерпывается, нужно найти и вернуть деньги, украденные из почтовых дилижансов. Иначе тебе грозит не костёр, а обычная виселица.

— Я знаю, где он их хранил! — Мартин попытался вскочить, но тут же получил по макушке кулаком от сержанта Алоиса и рухнул обратно, — в одном доме здесь в городе, кто-то ещё работал на него.

— И ты молчал?! — возмущённо воскликнул инквизитор, — кто это?

— Я не знаю, правда, — Мартин едва не плакал, — они ходили без меня.

— Кто они? Как его звали, скажи уже?

— Шамаэль, так он сказал его называть, он прятал деньги, брал Адама и относил в деревню.

— Адама? — очнулся флегматичный Морт, — оборотня?

Мартин кивнул.

— Его.

— Это упрощает дело, — Морт поднялся с лавки и накинул плащ, — пойдёмте со мной, святой брат, — думаю, мы найдём пособника.

— Как ты собираешься его искать? — спросил инквизитор охотника, когда они вышли из калитки в ограде казармы. Каменные стены в рост человека отчего-то имели на входе хлипкую калитку, криво сколоченную из дюжины тонких реек.

— Он ходил с Адамом, — ответил Морт, — запах оборотня ни с чем не спутать, сейчас пройду по улице и скажу, где они были.

Всё же Морт не был ищейкой, чтобы найти нужный дом, им потребовалось более получаса. Наконец, когда они остановились у калитки в низком заборе, брат Доминик приоткрыл её и подошёл к двери дома. Из конуры с храбрым лаем выскочила небольшая собака, вот только, стоило ей столкнуться с охотником, как лай её сразу захлебнулся, переходя в тихий визг, а задранный кверху хвост мгновенно спрятался между задних лап. Собака спряталась в конуру, от души жалея, что цепь не позволяет убежать совсем. Инквизитор негромко постучал в дверь.

— Кто там? — раздался из-за двери немолодой женский голос.

— Откройте, я — брат Доминик из Святой Инквизиции, нам нужен ваш муж.

— Нет его, — голос стал испуганным, но дверь так и не открылась.

— Тогда его ждёт... — начал, было, Доминик, но Морт не дал ему продолжить, вставив острие тесака в щель, он навалился всем телом на рукоять. Лезвие опасно выгнулось, но выдержало, зато не выдержал запор на двери. С треском она отворилась, и инквизитор направил фонарь на лицо немолодой женщины, закутанной в шаль.

— Где он? — прорычал Морт, его опять начало потряхивать.

Глаза женщины широко раскрылись, она побледнела и, сделав шаг назад, показала на крышку погреба. После этого она отошла в сторону, села в углу на корточки и закрыла лицо

руками. Ухватившись за кольцо, охотник отшвырнул в сторону крышку, словно она ничего не весила, а потом спрыгнул в погреб сам. Некоторое время ничего не происходило, но потом послышалась интенсивная возня, на каменный пол упало нечто металлическое, возможно, кухонный нож, а потом раздался человеческий крик, полный боли и ужаса. Брат Доминик облегчённо вздохнул, раз кричит, значит живой.

Мужчина лет пятидесяти, худой, с нездоровым лицом и седыми всклокоченными волосами, трясаясь от страха, вылез на поверхность. Неизвестно, что сделал с ним охотник, может быть, что и ничего, хватило одной ауры страха, сопровождавшей его повсюду. Следом поднялся и он сам, от боевой ярости не осталось и следа. Он посмотрел на пленного и спокойно спросил:

— Где деньги?

Деньги нашлись на дне колодца, как выяснилось, сообщник обещал отнести деньги колдуну, но побоялся идти ночью, тем более, что по окрестностям шарят солдаты. Он уже надеялся, что хозяина схватили, а деньги теперь достанутся ему, вот только не рассчитал действий инквизиции. Два солидных мешка были унесены в казармы, туда же увели пленного. Допрос будет продолжаться.

Решив пока оставить в покое Мартина, притащили из застенка барона Минца. У того здорово поубавилось спеси, он уже был не так бодр и смел, как был во время обряда. Усадив его за стул, брат Доминик сел напротив и посмотрел ему в глаза.

— Карл Минц, барон, точнее, бывший барон, за подобные прегрешения вас лишат титула, указ короля — дело времени, вы обвиняетесь в соотрудничестве с сатаной, колдовстве, ереси, более того, ваши действия нанесли ущерб третьему лицу, а именно, вашей жене Агате. Что вы можете на это сказать?

— Ничего, — голос барона был хриплым, мутные глаза смотрели в сторону, создавалось впечатление, что всё происходящее вокруг его не касается.

— Как давно вы знаете человека по имени Шамаэль?

— Человека? — не понял он, — а, впрочем, неважно, около трёх месяцев.

— Что заставило вас пойти на связь с ним? Он что-то вам обещал?

Барон поднял глаза на инквизитора, скривил губы в презрительной усмешке, но всё же ответил:

— Обещал? Да, обещал. Жизнь, — он указал на свой живот, — лучший врач из столицы, к которому я ездил, нашёл в животе у меня опухоль, размером в два кулака, он сказал, что мне осталось полгода, и половина этого срока уже прошла.

— Он обещал вас вылечить, это понятно, а что хотел взамен?

— Я сразу понял, кто он и зачем пришёл ко мне... дайте что-нибудь выпить, боли в животе не прекращаются ни на минуту, только спиртное и спасает.

Сержант Алоис протянул ему флягу с водкой, барон схватил её и жадно присосался. Кадык его ходил вверх и вниз, а спиртное стекало вниз по небритому подбородку.

— Что дальше? — напомнил о себе инквизитор, когда барон оторвался от фляги.

— Дальше, я предложил ему душу, но он рассмеялся, сказал, что это сказки, моя душа его не интересует, да она мне и не принадлежит, так что, я волен оставить её при себе. Ему нужно было другое.

— Агата?

— Да, она, моя жена, — барон на глазах пьянел, — я, хоть что-то ещё и могу, но жениться не собирался, ник чему, но он сказал, что это необходимо, ссылался на какие-то

правила, которые обязывают её быть обязательно благородного происхождения и замужней, но при этом невинной. Не знаю, почему.

— Аналогия с Богородицею, вот только наоборот, — прокомментировал инквизитор, — что было потом?

— Я нашёл её быстро, родители были из старинного рода, но очень бедны, настолько, что хороший мастер из нашего города жил лучше, они с радостью отдали мне дочь, а я взамен выплатил их долги и даже передал кое-какое имущество. Теперь она была моей женой, даже обряд провели по всем правилам, отец Иоганн не даст соврать.

— Но вы к ней не прикасались?

— Таковы были условия, но я... справедливости ради, я не так старательно держал слово, несколько раз мы...

— Она не была невинна?

— Была, конечно, была, просто...

— Вы спали с ней противоестественным способом? — догадался инквизитор.

— Да, — не стал отрицать барон, — именно так.

— Что он говорил? Что вам требовалось сделать?

— Он говорил... говорил, что ему нужны деньги, не знаю, зачем, меня он в это дело не впутывал. Мне предстояло подготовить обряд, я выучил заклинания, необходимые, мы сделали алтарь в подвале, в нужный день я подал ей зелье и велел его выпить, она послушалась...

— Так это было зелье, — облегчённо сказал в сторону брат Доминик, — можно теперь обойтись без экзорцизма, эффект зелья пройдёт со временем сам.

— Мы приступили к обряду, а потом... пришли вы. Я думал, что этой твари никто не может угрожать, он при мне заходил в церковь, ваши молитвы его не трогали, но его, — барон указал на Морта, который сидел рядом с отрешённым видом и сосредоточенно точил на ремне бритву, — его он испугался, не знаю, почему.

— Зато я знаю, — с загадочным видом сказал инквизитор, — продолжайте, барон, расскажите нам всё, что вы знаете о нём.

— И зачем мне это делать? — с вызовом спросил он, — можете пугать меня пытками, но боль от них — ничто, в сравнении с той болью, что я уже испытываю.

— И в мыслях не было вас пытать, — брат Доминик улыбнулся, — пытки, на мой взгляд, допустимы в крайне редких случаях, для получения неотложной информации, которую можно легко проверить.

— Тогда что?

— Вы разве ещё не поняли, что вечная жизнь на земле вам не достанется, теперь вы мало того, что умрёте в муках, но и после смерти попадёте в ад. Или вы думаете, что он замолвит за вас словечко и сковородка будет не такой горячей? Если же вы станете сотрудничать с нами, я могу вам пообещать, что остаток дней вы проведёте в просторной келье, где у вас будет возможность гулять на воздухе, а лучшие врачи окажут вам медицинскую помощь. Спасти вас они не смогут, болезнь зашла слишком далеко, но смогут облегчить ваши муки. А я, со своей стороны, могу пообещать вам помощь в спасении вашей заблудшей души, что в вашем положении отнюдь не помешает. Что вы выберете?

Барон вздохнул.

— Спрашивайте, только я мало, что знаю.

— Начнём с начала, когда и как вы с ним познакомились?

— Я как раз вернулся из столицы, где лекарь вынес мне смертный приговор. Он сказал, что мог бы попытаться вырезать опухоль, только без гарантий, может быть, я умру, а может, и выживу. Я отказался, если суждено умереть, то не с распоротым брюхом. Я вернулся в усадьбу, выгнал оттуда большинство слуг, оставив только самых верных, и больше никуда не выходил. Я и раньше был затворником, а теперь и вовсе скрылся от мира. Дни я проводил, чередуя пьянство и молитву, а однажды, склонившись у распятия, я почувствовал, что на меня кто-то смотрит. Я обернулся и увидел его.

— Как он выглядел?

— Как обычный зажиточный бюргер, ничего особенного, только глаза, таких глаз у людей не бывает, иногда они были нормальными, но вдруг становились жёлтыми, как у кошки, с вертикальным зрачком.

— Демон? — задумчиво спросил Морт, не отрываясь от своего занятия.

— Не обязательно, — ответил инквизитор, — хороший колдун может владеть навыками иллюзии, которые так хорошо производят впечатление на новых адептов. Продолжайте. Что он вам сказал?

— Он был весел и улыбался, а потом сказал, что я не прав, что поминать следует не бога, что у меня есть шанс спастись, но ничего и никогда не делается даром. А потом он рассказал, что у меня есть уникальный шанс, оказать услугу сами знаете, кому. Нужна была только девушка, а дальше вы знаете.

— Что ещё вы узнали? Насколько сложен был обряд?

— Сам обряд был простым, я быстро выучил заклинания, требовались жертвы, но он сказал, что можно обойтись животными, кучу магических безделушек и книги он принёс с собой. Девушка тоже подходила по всем статьям. Главной бедой, как он говорил, был день и месяц, такое случается редко, раз в сто лет, или даже реже.

— А мы это расстроили, — с удовлетворением заметил капитан.

— Да, — подтвердил инквизитор, — именно поэтому я так спокоен и даже позволяю себе проявлять милосердие от имени Святой Инквизиции. Осталось только понять природу этого человека, я лично склоняюсь к выводу, что это просто сильный колдун. Скажите, барон, какие чудеса в его исполнении вы видели?

— Чудеса? Сложно сказать, что именно было чудом. Он не раз облегчал мою боль, просто накладывая руки.

— На это вполне способен колдун, что ещё?

— В его шайке был оборотень, настоящий, способный превращаться в огромного волка, кроме того, вы сами видели этих двух, что стояли там, у алтаря.

— Я вас удивлю, барон, но это были люди, обычные люди, которым он тоже уготовил роль жертв. Настоящего демона невозможно убить простым человеческим оружием, а их внешний вид — очередная иллюзия, наведённая хозяином.

— А почему они рассыпались в прах после смерти? — перебил его капитан Рау.

— Сатана принял жертву, — спокойно объяснил брат Доминик, — так бывает, когда ему достаётся и тело, и душа. Что же касается оборотничества, то этот феномен подробно описан в нескольких трактатах, более того, я сам, будучи ещё послушником, присутствовал при проведении опытов с настоящим живым экземпляром. Его даже пытались вылечить, но, увы, это было возможно только с его желания, а такового желания не было. Пришлось лечить серебром и костром.

— Ещё ему нужны были деньги, он говорил про отъезд, не знаю, куда, какие-то далёкие

земли.

— Это тоже подтверждает его человеческую природу, для демона вопрос перемещения не стоит, он вполне может переместиться, куда захочет, причём, мгновенно.

— Остаётся последнее, — Морт сложил бритву и убрал её в мешок, туда же последовал и ремень, — трюк с летучими мышами, его мы пока объяснить не в силах, иллюзией это быть не могло.

— Да, этого мы объяснить не можем, — не стал спорить инквизитор, — но пока предлагаю свернуть обсуждение, всех подозреваемых заприте в камеры, а нам следует поспать. Завтра отбываем домой, капитан, вы довольны результатом?

— Разумеется, — Рау хлопнул ладонью по мешкам с серебром, — всё здесь, можно идти и докладывать начальству.

— Сержант, а что вы намерены делать? — спросил инквизитор, повернувшись к Алоису.

— Известно, что, — откликнулся тот, — продолжать службу. А потом, когда стану стар, уйду в отставку и буду жить на пенсию. А что, есть ещё какие-то варианты?

— Разумеется, у Святой Инквизиции есть своя небольшая армия, даже не армия, а служба стражей, опытный воин, который хорошо себя проявил в деле борьбы со злом, пусть даже и немолодой, без семьи. Вы вполне можете нам пригодиться, что скажете?

— А как же служба здесь?

— Вы переросли её, дорогой мой Эдвард, на ваше место командование пришлёт другого сержанта, помоложе, такого, который с радостью воспримет своё назначение. Служить Святому Престолу не менее почётно, чем служить Его Величеству. Думаю, проблем с переводом у вас не будет.

— Я согласен, — не раздумывая ответил сержант.

— Сдайте дела заместителю, а завтра отправитесь с нами, формальности мы уладим сами.

Утром роскошный экипаж инквизитора двинулся на юг. Следом двигалась ещё одна карета, в которой конвоировали арестованных участников действия, а вокруг, построившись квадратом, скакали вооружённые драгуны, среди которых был и сержант Алоис, который окончательно решил посвятить жизнь служению церкви, пусть и с оружием в руках.

Морт, пользуясь немалыми размерами экипажа, улёгся на одном из сидений, накрывшись плащом. Невеликий рост и природная гибкость позволяли ему спокойно спать в любом положении. Чуть поодаль от него, на противоположном сидении, отец Доминик беседовал с Агатой, которая к утру пришла в себя и смогла отвечать на вопросы. Беседу можно было назвать исповедью, но инквизитор никаких специальных приготовлений не делал, видимо, настоящую исповедь отложил на потом. До охотника долетали обрывки фраз.

— Пойми, дитя моё, тут нет твоей вины, всё, что ты совершила, было вызвано принуждением твоего мужа. Образцовая жена не могла послушаться своего супруга.

— Я знаю, но моя вина всё же есть, дело в том, что, когда он делал со мной все эти вещи, которые... — Агата запнулась и покраснела, не представляя, как рассказывать священнику о постыдных вещах.

— Не нужно подробностей, — успокоил её инквизитор, — я примерно представляю себе его действия.

— Так вот, всё это было так стыдно, — она снова сделала паузу, — но он при этом был со мной ласков со мной, я... не знаю, как сказать, но мне это стало нравиться, каждый раз,

когда всё заканчивалось, я раскаивалась и предавалась молитве, но потом... я снова поддавалась ему.

— Природа человека греховна по своей сути, — философски заметил инквизитор, — это лишь отголоски первородного греха. Расскажи лучше про обряд, что ты видела тогда?

— Я не помню самого обряда, он велел мне выпить какое-то горькое зелье, я послушалась и словно бы оказалась в другом мире. Я лежала на роскошном ложе с шёлковыми простынями, которое стояло в огромной комнате, вокруг меня были люди, много людей, там было темно, но я почему-то их хорошо видела. Мужчины и женщины, они были обнажены и делали...

— Они совокуплялись?

— Да, и не только. Они делали то, что делал со мной муж, и ещё многие постыдные вещи, вдвоём и втроём, а я глядела на них и... мне хотелось того же. А потом впереди появился яркий свет, ко мне шёл он.

— Некто с рогами и копытами?

— Нет, выглядел он, как человек, только глаза его были, словно угли, они прожигали меня насквозь, я поняла, что он сейчас со мной сделает, но не могла сопротивляться, слишком сильным было желание, оно просто съедало меня. Но потом раздался грохот, а меня кто-то схватил и отволоч в сторону. Видение сразу исчезло, а дальше я ничего не помню.

— Что же, я рад, что самого страшного не случилось, теперь ты немного побудешь в нашей резиденции, тебя ещё несколько раз допросят, постарайся вспомнить что-нибудь ещё, а потом вернут твоим родителям, брак легко можно будет аннулировать, но в этом нет никакой нужды, ведь муж твой скоро умрёт. Наследство по закону отойдёт в королевскую казну, кроме той его доли, что полагается оставить вдове покойного, её вполне хватит на безбедную жизнь тебе и твоим родителям.

— А нельзя ли мне остаться там и ухаживать за мужем, пока он будет жив? Я знаю, что он совершил, но мне его жалко. Кроме того, я всё ещё его жена и это мой долг. Пожалуйста, не отказывайте, мой муж не был плохим человеком, его заставила нужда.

Что ответил ей инквизитор, Морт уже не узнал, как раз на этих словах его сморил глубокий сон.

Спустя месяц после описываемых событий, наш герой спокойно сидел в своей келье, которая располагалась в одном из многочисленных зданий, каковые представляли собой штаб-квартиру Святой Инквизиции. Келья, надо сказать, мало располагала к монашескому смирению. Это была просторная комната с большим застеклённым окном и широкой кроватью, здесь был умывальник и зеркало. У дальней стены стояло человекоподобное чучело, на котором он тренировался в нанесении ударов ножом. Надо сказать, что чучело это в данный момент пребывало в плачевном состоянии, ткань была изрезана на полосы, а пучки соломы торчали во все стороны. Манекен явно требовал замены. А чуть дальше находились две блестящие бронзовые гири, с помощью которых охотник развивал телесную силу, их вес заставил бы удивиться многих силачей, особенно, если учесть относительно скромную комплектацию охотника.

Впрочем, сейчас он тренировал не тело, а разум, на коленях его лежала книга в красивом кожаном переплёте с золотым тиснением, раскрытая ближе к концу. Это был почти новый том, отпечатанный в типографии не более полугода назад, даже запах краски был ещё острым, хотя, судя по записям в журнале библиотеки, ознакомились с ним не менее двух десятков человек. На обложке крупными золотыми буквами было оттиснуто название на латыни: «Алхимия — дьявольское искусство или пытливость ума человеческого?». Автором значился некий епископ Франциск из Бордо, Морт не знал его лично, но слышал от других, что епископ — один из самых образованных церковных иерархов, знания которого простираются далеко за пределы богословия.

Книга подходила к концу, автор, надо сказать, подводил читателя к мысли, что сами по себе опыты с веществами — дело вполне богоугодное, особенно, если в результате получаются такие полезные вещи, как лекарства или краски, но, в то же время он предостерегал от злонамеренного использования превращений веществ, каковые могут служить злу и отвращать человека от добродетели. Что же касается поисков Панацеи, которой, наряду с философским камнем бредит половина алхимиков, то тут вердикт епископа был однозначен: вечную жизнь человеку дарует бог, и никто из людей, будь он трижды гениальный алхимик, не может сравниться с ним.

Дочитав последний абзац, охотник захлопнул книгу и зевнул. Ему было скучно, настоящего дела не было давно, а по пустякам его не привлекали. Он привык к охоте, когда-то давно это была охота на зверей, а теперь его дичь чаще представляет собой двуногих существ.

В дверь постучали, Морт открыл, было, рот, чтобы пригласить пришедшего, но тот уже открыл дверь без приглашения. Это был всё тот же брат Доминик, который тепло поприветствовал охотника и присел рядом с ним на кровать, игнорируя тяжёлый деревянный стул.

— И вам доброго дня, святой брат, — Морт с интересом поднял глаза на инквизитора, — неужели нашлась какая-то работа для меня?

— И работа тоже, — инквизитор улыбнулся, — а мы, наконец-то, закрыли дело барона

Минца.

— И? К какому решению пришли?

— Барон останется здесь, проведёт остаток своей недолгой жизни в посте и молитве, вымаливая у бога прощение, его жена обязалась ухаживать за ним до самой смерти. Сказать по правде, от неё одна только морока, есть масса мест, куда женщинам входить не разрешено, но и отказывать ей не стали. Кстати, сам барон почувствовал себя чуть лучше, подозреваю, постная еда, молитвы и горный воздух ему помогли. Врач, что его осматривал, оставил приговор прежним, три или четыре месяца, не больше, хотя, он тоже предложил операцию.

— Такую опухоль можно вырезать?

— Он в этом не уверен, но ему нужно знать больше, если он попытается оперировать, а больной умрёт на столе, то он, по крайней мере, получит опыт, который поможет ему в дальнейшем. А больному всё равно нечего терять.

— Допустим, — Морт имел на этот счёт другое мнение, но предпочёл оставить его при себе, — а что с остальными?

— Агата, как я и говорил, днём ухаживает за мужем, а ночует в обители на том берегу реки, поначалу она говорила, что после смерти мужа окончательно уйдёт в монастырь, но теперь, видимо, передумала. Она вернётся к родителям, а потом, думаю, снова выйдет замуж. Сказать по правде, раскаяние её оказалось недолгим.

— Что с остальными?

— Мартина собирались отправить в уединённый монастырь по ту сторону Альп, но светские власти вмешались и забрали его себе. Нам удалось настоять только на том, чтобы его не казнили. Теперь он активно искупает вину гребцом на галере, как и тот человек, что хранил краденые деньги. Сержант Алоис приступил к служебным обязанностям и сейчас тренирует солдат нашей гвардии, подозреваю, что скоро начнётся повальное дезертирство, настолько он их измучил. Сам виновник до сих пор нигде не объявился, подозреваю, покинул пределы королевства.

— Что с работой для меня? — напомнил охотник.

— Кое-что неладное происходит на юге Венгерского королевства, недалеко от границы с владениями османов.

— Мы были там год назад, — напомнил Морт с безразличным видом, — все слухи о вампирах оказались именно слухами, как я и говорил с самого начала.

— На этот раз вампиры ни при чём, — успокоил его инквизитор, — есть сведения, что некоторые из представителей провинциальной знати, каковых там проживает немало, на досуге балуются чёрной магией и проводят сатанинские обряды.

— Откуда это известно?

— Сведения поступили ещё полгода назад, но полноценного расследования никто не проводил, ты ведь знаешь, что Орден не имеет там достаточной поддержки со стороны венгерского короля. Просто сбежавший слуга рассказал кое-что о своём господине, что, как ты понимаешь, не гарантирует правды.

— Что же он рассказал?

— Как обычно, видел у хозяина книги со страшными картинками, сам он грамотный, но прочитать их не смог, язык непонятен, потом слышал, как множество аристократов запирались в комнате, а потом оттуда слышалось странное заунывное пение, наконец, он не уверен, но ему кажется, что имел место свальный грех.

— И что? — Морт изобразил на лице гримасу недовольства, — аристократы в провинции часто сходят с ума от скуки, это приводит к пьянству, безумствам и разврату, в том числе и такому. Мы-то здесь причём? Пусть венгерский король с ними разбирается, тем более, что нашим людям в тех краях толком не дают работать.

— Кроме прочего этот слуга видел капли крови и кровью же написанные на стенах непонятные письма, а совсем недавно в тех краях стали пропадать люди.

На лице охотника мелькнула заинтересованность.

— А этот слуга точно не украл хозяйскую казну?

— Всё может быть, сам понимаешь, никому не хочется ехать в такую глушь, но проверить мы обязаны.

— Поэтому поеду я?

— Ты не носишь сана, можешь прикинуться кем угодно, способен пролезть в любые помещения. Просто посмотри и скажи, что ты увидел. Если это только пьянство и разврат, то мы отправим донесение королю и предоставим ему разобраться с подданными. Но мы не можем исключить и худшего, это следует помнить.

— Когда отъезд? — Морт нехотя встал с кровати и прошёлся по комнате.

— Послезавтра, на рассвете, до границы тебя доставит экипаж, а дальше будешь добираться, как сможешь. Для связи используй местную церковь, у них есть выходы на нас, пусть отправят депешу с нарочным, или даже используют голубиную почту, если она у них есть.

— Будет ли нужда использовать оружие?

— Только для самообороны, да и к чему спрашивать, ведь ты всё равно с ножом не расстаёшься.

— Верно, — охотник немного смягчился.

— И ещё, — отец Доминик вдруг стал очень серьёзным, — на этот раз ты будешь один, ты и то, что в тебе, берегись.

— Я никогда об этом не забываю, — нахмурившись, сказал Морт в спину удалявшемуся священнику.

Пользуясь оставшимся временем, Морт решил прогуляться. Его, в отличие от очень многих обитателей этого места, никто и ничто не удерживало от выхода, он мог вовсе пропасть на несколько дней и никто, кроме, разве что, повара, его бы не хватился. Не запрещалось ему также пить вино и встречаться с женщинами, вот только вино он пил редко и почти не пьянел, даже от больших доз, а женщин здесь не было, кроме монахинь из обители на той стороне реки. Сказать по правде, большинство этих монахинь годились для разврата только после очень большой порции вина, каковую даже Морт бы не осилил. Привычный маршрут его пролегал вдоль стен резиденции, по берегу небольшой горной реки, вода которой была ледяной независимо от времени года. Поднявшись вверх по течению, он мог позволить себе искупаться, не боясь замечаний бесчисленных особ духовного звания.

Кроме купания, он считал вообще полезным для себя прогулки в одиночестве, которые совершал не менее двух раз в неделю. Берега реки поросли густым лесом, дающим тень и прохладу, которой так недоставало в раскалённом каменном мешке. Мысли о предстоящей работе его особо не занимали, он вообще никогда не строил планов дальше завтрашнего утра, это была полезная привычка, которая хорошо сохраняла нервы.

Ширина реки составляла всего полтора десятка шагов, а глубина в самой середине едва доходила до пояса. Скоро показалась широкая поляна, рядом с которой был большой завал

из камней, течение здесь было медленнее, чем в других местах, а потому именно тут находилось его излюбленное место для купания.

Присев на корточки, он попробовал рукой воду, как всегда, ледяная, словно ледник, из которого она происходит, находится не в десятках миль, а где-то совсем рядом. Не торопясь, он снял сапоги, сбросил с себя рубаху и штаны, а потом, оставшись одних в коротких подштанниках, полез в воду. Вода привычно схватила его в свои холодные объятия, руки и ноги сразу занемели, а сердце остановило ход. Через пару мгновений неприятные ощущения прошли, оставив только чувство бодрости и силы. Глубина здесь позволяла проплыть несколько шагов в одну и другую сторону, чем он сразу и занялся, течение постепенно сносило его вниз, приходилось вставать на ноги и подниматься выше.

Через полчаса, уже начав понемногу синеть от холода, он всё же направился к берегу, но вдруг остановился, пристально уставившись на свою одежду, тот факт, что он раздет, тревожил мало, а вот нож, оставшийся на берегу, был куда более серьёзной проблемой. За деревьями кто-то был, разглядеть толком не получалось, и это вызывало беспокойство. Выждав некоторое время, он понял, что нападать на него пока никто не собирается, и медленно пошёл к берегу. Тут из-за деревьев показался тот самый неизвестный наблюдатель. Оставался только один бросок, он прокатится по земле, схватит нож, и тогда противнику несдобровать. Тело его напряглось, словно скрученная пружина. Но, сделав выдох, он расслабился, это была женщина.

— Агата? — он растерялся, не понимая, что она может здесь делать, ведь до обители так далеко. — Как ты сюда попала?

— Сегодня меня выставили пораньше, мой муж стал много спать, лекарь даёт ему дурманящую настойку, она снимает боль, но Карл впадает в прострацию, он просто смотрит в одну точку, да изредка гладит меня по руке. А потом надолго засыпает. Вот и сегодня он заснул, а потом появился монах, который попросил меня убраться побыстрее, они очень недовольны, что женщина находится в этих покоях, там, правда, не монастырь, но большинство людей монахи, поэтому женщине там не место.

— Они совершенно правы, — сказал Морт, — надеюсь, скоро ты вернёшься в родительский дом.

— Разумеется, но не раньше, чем умрёт мой муж.

— А всё же, как тебя сюда занесло?

— Просто в обители нужно появиться к вечерней молитве, времени у меня ещё много, я решила немного прогуляться по лесу, вовсе не зная, что здесь вы.

Последние слова охотник поставил под сомнение, но вслух ничего не сказал. Пытаясь согреться, он накинул на плечи рубаху и постарался в неё закутаться. Неплохо бы развести костёр, но лень было возиться с огнём. Он слышал, как Агата приблизилась сзади, но ничего не предпринимал. Незачем.

Неизвестно откуда достав полотенце, она вытерла ему голову и шею.

— Вы совсем ледяной, давайте я вас вытру целиком, так ведь можно простудиться и умереть.

Морт, который в последний раз болел простудой в возрасте десяти лет, возражать не стал. Он встал во весь рост, будучи, впрочем, ненамного выше девушки, и предоставил ей промокнуть капли с его тела.

— Эти знаки на теле, — она, видимо, только сейчас их разглядела, — откуда они?

— Часть рисунков я нанёс сам, в молодости, письма проступили потом, я не хочу об

этом рассказывать.

Она не настаивала, просто провела пальцем по его груди, кожа была холодной, словно у лягушки.

— А каково это, купаться в ледяной воде?

— Хотите попробовать? — охотник понимал, к чему идёт разговор, но будучи весьма циничным воином господа, вовсе не собирался протестовать. Странно, что та аура страха, которая действовала на большинство людей, повергая многих в ужас, на Агату никакого влияния не оказывала, даже, кажется, наоборот, привлекала её.

— Я немного стесняюсь, — соврала она, глаза её говорили, что она несколько не стесняется, а очень даже наоборот. — Впрочем, вы ведь уже видели меня, там, в подвале. А я ведь вас так и не поблагодарила.

Она прижалась лицом к его груди, одновременно развязывая какие-то шнурки на одежде. Через мгновение строгое монашеское одеяние упало к её ногам, она осталась в одной нижней рубашке из тонкой прозрачной ткани. Следом она сбросила с головы чепчик, и по плечам рассыпались густые русые волосы.

— Ваше бельё намокло, нужно его просушить, — прозрачно намекнула она, — а если на мне будет мокрая рубашка, настоятельница будет задавать вопросы, а я не буду знать, что ей ответить.

Взявшись за завязки кальсон, она медленно стянула их вниз, выжала и аккуратно разложила на камнях, Морт внезапно осознал, что холодная вода вовсе не мешает его телу правильно реагировать.

— Мы будем купаться? — спросил он на всякий случай.

— Конечно, — она нежно поцеловала его и сбросила последнюю одежду, показав великолепное молодое тело во всей красе, — только я не умею плавать.

— Не нужно уметь, — успокоил её Морт, — тут совсем неглубоко.

Взявшись за руки они стали медленно входить в воду, Агата тут же охнула и задрожала, пришлось её обнять, сделав ещё несколько шагов, они оказались в воде по пояс, бархатная кожа девушки покрылась пупырьками, соски на груди отвердели, глаза широко распахнулись, а сама она стала чаще дышать. Обняв её ещё крепче, Морт рухнул в воду, потянув её за собой. Поднялось облако брызг, девушка издала громкий визг, но теперь они сидели по шею в воде, крепко держась за руки.

— Я так долго не выдержу, — предупредила она, но он и не собирался долго её морозить, через минуту оба уже брели к берегу, стараясь не поскользнуться. Сидя на камнях, они пытались безуспешно согреть друг друга, получалось плохо, а солнце уже клонилось к закату и грело не так сильно, как днём.

— Ты совсем замёрз, — заметила она, проводя ладонью по груди и спускаясь ниже, — сейчас, сейчас я тебя согрею.

Она улыбнулась, в глазах её мелькнул озорной огонёк, а голова склонилась вниз. Да, надо признать, это был неплохой способ отогревать отдельные части тела. Голова её двигалась вверх и вниз, а охотник при этом пытался размышлять о сложившейся ситуации. Конечно, с точки зрения его начальства, происходившее здесь было немыслимым нарушением дисциплины. Вот только он не монах, никогда не давал обет безбрачия, она тоже, а само понятие греха для человека, потерявшего счёт убитым на третьей сотне, было довольно размытым. Девушка продолжала проявлять таланты, достойные опытной шлюхи из портового борделя Амстердама, то ли барон её всему этому обучил, то ли она сама проявила

способности, но было заметно, что ей самой очень нравится всё происходящее.

Продолжалось это довольно долго, едва ли они успеют вернуться до заката. Хитрая Агата умудрялась вытворять всё новые чудеса, но сохранять при этом невинность. Всё её тело исправно работало на то, чтобы доставить удовольствие, себе и своему мужчине. Губы, руки, грудь, содомия, — всё шло в дело. Она не гнушалась ничем и, судя по её блаженной улыбке, была счастлива.

Когда оба уже выбились из сил и просто лежали на траве, она вдруг спохватилась, что пора возвращаться.

— Если я опоздаю, меня впустит сестра София, она сегодня на воротах обители, а потом я незаметно проскользну к себе в келью.

— Молитву ты пропустила, — заметил охотник, одеваясь.

— Скажу настоятельнице, что была нездорова.

— А сестра София подтвердит? — усмехнулся он.

— Конечно, мы умеем хранить секреты друг друга.

— У неё тоже есть секреты?

— Ну, — начала туманно объяснять Агата, — она рано познала мужчину, поэтому и оказалась в монастыре, там мужчин нет, и её никуда не отпускают, а ласки ведь иногда хочется.

Больше она ничего не рассказывала, оставив подробности скрытыми. Морт проводил её до моста через реку, откуда сам направился в резиденцию, а она, стараясь быть незаметной, быстро засемила к стенам обители, что находились в полумиле от берега.

Глава восьмая

Экипаж, призванный доставить Морта на границу, был скромным, никаких признаков его принадлежности Инквизиции он не имел. Помимо оружия и небольшого мешка с вещами, он взял с собой крупную сумму денег в серебре и документ, подписанный самим кардиналом, обязывающий любых представителей католической церкви оказывать требуемое содействие. Бумагу эту следовало прятать до поры, только в случае обнаружения преступлений, интересующих его начальство, надлежало по церковным каналам отправить сообщение в резиденцию. Провожать его вышел один только брат Доминик, который, взяв охотника за руку, произнёс нечто, вроде напутственного слова.

— Помни, Петер, ты должен только собрать доказательства для следствия, ничего делать самому не следует.

— А если при мне станут приносить в жертву младенца? — ехидно спросил он.

— Тогда вмешайся, но не более того, что необходимо. Больше ничего не стану тебе советовать, задачу свою ты знаешь, а выполнять её можешь, как тебе угодно. Думаю, ты справишься, как справлялся всегда. Мы в тебя верим, Петер.

— Справлюсь, святой брат, мне не впервой, и вот ещё что. Агата уже не нужна для ухода за бароном, он впадает в протрацию и не узнаёт окружающих, думаю, вам следует поскорее отправить её домой к её родителям. Если, конечно, вы не хотите, чтобы кто-то из святых братьев впал в грех.

«Или сестёр» — добавил он про себя.

— Ты хотел сказать...

— Я хотел сказать только то, что я сказал, всего хорошего, святой брат, — Морт неглубоко поклонился и запрыгнул в экипаж, кучер легонько хлестнул лошадей вожжами, и повозка медленно тронулась в путь.

Дорога большей частью была вполне терпимой, да и качественно сделанная повозка, несмотря на свой скромный вид, позволяла не трястись на колдобинах. Большую часть времени в пути охотник просто спал, просыпаясь только для того, чтобы пообедать в придорожной харчевне. На почтовых станциях они меняли лошадей, однажды сменился и сам кучер, а потом настал момент, когда карета остановилась у высокого пограничного столба, возвещающего о том, что далее уже следуют владения короля Венгрии.

Спрыгнув на дорогу, Морт привычным движением закинул на плечо мешок с пожитками, а потом просто пошёл по дороге пешком. Нужно ему место находилось далеко на юге, почти на самой границе с османскими владениями. Раньше это место было полем многочисленных кровопролитных битв, но теперь, когда был подписан очередной «вечный» мир, обстановка стала спокойной, и крестьяне вернулись к своим занятиям, а знатные господа к своим. Знать бы только, каким именно.

Шел он долго, прямая дорога вела между засеянными полями, где уже начинала колоситься пшеница, изредка ему попадались крестьянские телеги, но все они, как назло, ехали в противоположную сторону, а до какого-либо населённого пункта он всё ещё не добрался. Наконец, ему улыбнулась удача, очередная повозка догнала его сзади, более того, прежде, чем он обернулся и попросил его подвезти, возница сам окликнул его на ломаном немецком языке:

— Садись, путник, довезу до деревни, — акцент у него был сильным, но не мадьярским,

совсем, скорее это был... рассмотрев человека на козлах внимательно, Морт улыбнулся и сказал в ответ на цыганском наречии, — спасибо, друг, довези меня.

С цыганами он когда-то прожил почти пять лет, язык в совершенстве так и не выучил, но понимать и объясняться мог хорошо. Услышав родную речь, возница, немолодой мужик в цветастой рубахе, широко улыбнулся, показав два ряда ослепительно белых зубов на смуглом бородатом лице, а потом ткнул пальцем в место рядом с собой.

Ехали они почти до заката, не переставая при этом говорить, нашли даже общих знакомых, то есть кто-то, кого понаслышке знал Фарос (так его звали), когда-то жил на севере и слышал от кого-то, что есть в соседнем городе тот, кто знает дальнего родственника того, кто когда-то был знаком с Муртом. Охотник попутно выспрашивал о местности вокруг, он был в этой стране лишь однажды, но тогда их занесло в совершенно другие места, куда как более оживлённые. В первую очередь, его интересовали знатные господа, о которых собеседник мог сообщить очень мало. Сказал только, что красть из богатых домов не стоит, потом приходят солдаты и сразу перетряхивают всю бедноту, уделяя особенное внимание им, цыганам, а если вдруг у кого обнаружат что-то из краденого, то виселица обеспечена, король на расправу скор, а его слуги тем более.

Когда они добрались до деревни, где, к счастью, был постоянный двор, охотник поблагодарил цыгана за помощь и интересный рассказ.

— Если хочешь, поехали со мной, — предложил ему цыган, — только ехать ещё всю ночь, у нас большая слобода в пригороде... там мы и живём, кузнецы и лудильщики, вот наша профессия.

— Благодарю тебя, — Морт поклонился, — обязательно как-нибудь туда заеду, вот только не сейчас, дела ждут.

Распрощавшись с попутчиком, он пошёл в сторону гостиницы, мадьярский язык он не знал, но надеялся, что здесь поймут немецкий, или, на худой конец, латынь.

Немецкий там поняли, хоть и с трудом, скорее, даже не поняли, а просто догадались, что ещё может понадобиться путнику, который прибыл среди ночи. Конечно, ужин и ночлег. Хозяйка, толстая немолодая женщина со смертельно уставшим видом показала на стол, Морт всё понял правильно и присел на лавку. Скоро появился молодой крепкий парень, видимо, сын хозяйки. Он поставил перед ним котелок с горячей жирной похлёбкой, а рядом большой кувшин с пивом. Пиво было, мягко говоря, невкусным, впрочем, выбирать ему не приходилось, тем более, что жажда брала своё. А вот похлёбка выдалась на славу, там плавали крупные куски говядины, было много чеснока и ещё каких-то приправ, которые он не разобрал, несмотря на свой острый нюх. Последним на столе появился большой ломоть мягкого белого хлеба.

Отужинав, охотник спросил, как пройти в номер, опять же, непонятно, поняли его, или просто догадались по смыслу, но всё тот же парень быстро проводил его на второй этаж и показал дверь в комнату. Никакой особой роскоши там не было, просто комната с кроватью и умывальником и маленьким окном на улицу. Цену он так и не узнал, просто вручил провожатому три серебряных талера, которых, по его расчётам, должно хватить на неделю, а после, выпроводив его из номера, завалился на кровать, с трудом заставив себя снять сапоги.

Думал, что сразу заснёт, но глаза отчего-то никак не хотели закрываться. Подойдя к окну, он посмотрел наружу. Сразу отметил, что окно небольшое, но при желании он пролезет, вот только раму придётся выбить. После недолгой борьбы с засовами, он распахнул створки. В комнату ворвался прохладный ночной воздух, несущий запахи травы,

дыма и конского навоза. Стояла идеальная тишина, даже насекомых не слышно. Закрыв глаза, он напряг слух. Обостренные чувства уловили полёт летучей мыши, лай собаки где-то очень далеко и человеческий разговор на первом этаже. Слов он не разобрал, надо сказать, что отправлять его сюда без переводчика было большой ошибкой, расследовать, тем более, инкогнито, не получится без регулярных бесед с местными и подслушивания чужих разговоров. Разве что, священника навестить, он хоть латынь знает.

Наконец, усталость своё взяла, и он провалился в глубокий сон без сновидений. Последнее обстоятельство было как нельзя кстати, сновидения его редко были приятными, та его часть, что спрятана глубоко внутри, не давала покоя, наяву он мог её контролировать, но во сне сделать это было куда сложнее.

Утро встретило его пением птиц и скрипом телег где-то во дворе. Возница громко ругался по-мадьярски, слов не разобрать, но интонации уж больно красноречивые. С криканием, будто столетний дед, он встал с кровати и подошёл к умывальнику, щетина на лице и голове отросла незначительно, бритьё можно отложить. Налив в таз холодной воды, он с наслаждением умылся до пояса и вытерся большим махровым полотенцем. В этот момент в дверь постучали.

— Подождите, я не одет, — ответил он, набрасывая на тело рубашку, стесняться было нечего, просто не хотелось заранее показывать свои особые приметы.

За дверью стояла молодая девушка, чуть полноватая, но красивая, на румянном лице виднелись веснушки, а из-под платка торчала рыжая коса длиной едва не до пола.

— Я вам завтрак приготовила, — сказала она на хорошем немецком языке, — внизу стоит, поторопитесь, а то остынет.

И улыбнулась, показав два ряда белоснежных зубов.

— Благодарю, — вежливо ответил Морт, — сейчас спущусь.

Появление девушки его взбудрило, значит, контакт наладить получится, как минимум, она должна знать обо всех благородных господах, что проживают в округе.

Завтрак тоже порадовал, густой горячий гуляш из баранины и жаркое из половинки гуся, хлеб тоже был свежим, словно только что из печи, а кувшин кисловатого местного вина оказался приятным дополнением. В стеснённых условиях, во время охоты и скитания по нехорошим местам, ему часто приходилось голодать и питаться всякой дрянью, но, когда была к тому возможность, Морт старался себя ни в чём не ограничивать. Хозяева отсутствовали, а та самая девушка активно изображала бурную деятельность, стряхивая со столов несуществующую пыль и протирая идеально чистые стаканы, а временами бросая любопытные взгляды на нового постояльца.

Расправившись с завтраком, охотник отвалился от стола, пытаясь смаковать вино. Не лучший сорт, конечно, ну так здесь и не Франция, дают то, что есть. Кивнув девушке, он предложил ей присесть рядом, она сделала попытку покраснеть, получилось плохо, после этого села на лавку рядом с ним.

— Как тебя зовут красавица?

— Мария, я племянница дяди Дьердя, который владеет постоялым двором, родители мои умерли, а он взял меня к себе на воспитание, теперь вот хочет замуж отдать, только жениха мне пока не нашёл.

Если это был намёк, то охотник его проигнорировал, а вот то, что девушка оказалась смелой и раскованной, пришлось ему по душе.

— Меня зовут Петер, я путешественник, охотник, книжник, в ваших местах я впервые,

не могла бы ты рассказать, кто здесь живёт, и чем они занимаются?

В качестве источника информации девушка оказалась незаменимой. За четверть часа она рассказала ему всё, что знала об окружающей местности. Названия и расположение окружающих деревень он пропустил мимо ушей, а вот местные господа, жившие в шикарных усадьбах, мало отличимых от замков, интересовали его куда как больше. В мозгу быстро отложились фамилии и места. Если до этого он думал, что придётся проехать ещё полсотни миль на юг, то теперь решил этого не делать. Базой для своих поисков он сделает именно этот постоянный двор, берут здесь недорого, кормят вкусно, да и компания девушки была приятна. Что до расстояний, то к двум господским домам он сможет добраться в пешем порядке, а дальше наймёт извозчика, благо, денег хватает. Ближайший городок располагался в одном дне пути отсюда, но он интересовал его только как резиденция священника, более того, туда часто приезжал епископ, то есть, выходы на католическую церковь здесь присутствуют. Впрочем, это пока можно отложить.

— Что вам ещё рассказать? — спросила девушка, тряхнув головой так, что платок произвольно съехал на плечи. Так она была ещё красивее.

— Скажи, Мария, а здесь у вас не опасно? — как бы невзначай спросил он. — Дикие звери, или разбойники, что-то плохое происходило в последнее время?

— В лесах есть волки, охотники их истребляют, но пока безуспешно, последних разбойников вывели, когда я ещё была маленькой, помню, тогда королевские гусары леса прочёсывали. А из плохого... Бела, сын мельника пропал месяц назад, долго искали, но так и не нашли. Волки съели или в реке утонул, а может, цыгане украли. Ему лет десять было всего, непоседа, всё время куда-то пропадал.

«Снова сын мельника» — подумал Морт, насчёт кражи детей цыганами можно не сомневаться, они часто берут к себе на воспитание детей-сирот, но чтобы крали у родителей, такого он за ними не замечал. Утонуть в реке, конечно, мог, а мог и не утонуть.

— А ещё Ева, девушка, моложе меня на два года, она тоже пропала, тоже искали всем народом, а нашли только через месяц, в лесу, лежала вся в крови, без одежды.

— Тоже волки? — встревожился Морт, брат Доминик про такое ничего не говорил.

— Нет, — как-то грустно проговорила Мария, — не волки. Её ножом убили, прямо в сердце, люди. Говорили даже, что сердце её вырезали, но я сама не видела. Не знаю, кому она помешала, такая скромная, тихоня. Тут от самого князя человек был, солдат пригнали полсотни, искали, да так и не нашли никого. А лекарь наш местный сказал, что над ней не надругалась, просто раздели, убили и бросили.

— И никого не нашли? — недоверчиво спросил Морт.

— Никого, — грустно подтвердила она, на глаза навернулись слёзы, — хоть искали с собаками по всей округе.

Эта информация уже заставляла задуматься. Похоже на жертвоприношение. Юная девушка, надо полагать, невинная, обнажена, нож в сердце, или просто закололи, или даже само сердце вырезали. Очень похоже. Могло быть всякое, могли и какие-то бродячие разбойники напасть, но они бы надругались от души, чего добру пропадать. Впрочем, надругаться можно по-разному, вряд ли лекарь подробно изучил труп. Кроме того, лекарь был местный, это важно. Надо бы найти место и осмотреть, вот только, как узнать, чтобы подозрений не вызвать?

— А как давно это было? — спросил он, стараясь выглядеть равнодушным.

— Весной, снег сошёл недавно, она сначала где-то пропала, а нашли её почти сразу

после убийства.

— Можешь место показать?

— Да вы сами найдите, от задней стены дома прямо, там лес начинается, а дальше холм высокий, вот там и нашли.

— Спасибо тебе, Мария, — Морт допил вино, встал из-за стола и положил на него полталера, еда, скорее всего, входила в стоимость проживания, но словоохотливость следовало поощрять, — я сейчас прогуляюсь по округе, буду только к ужину.

— Буду ждать, — многообещающе сказала Мария, одаривая его очередной улыбкой и заботливо прибирая оставленную монету.

Лес ничем особым не отличался. Редкие заросли лиственных пород, старых деревьев здесь вовсе не росло, видимо, ещё лет двадцать назад на этом месте был луг или пашня. Вообще, здешние места не богаты лесом, разбойникам разгуляться негде. Если, конечно, разбойники эти не обитают в каменных домах за высокой оградой и не отзываются на аристократические имена.

Лежавший под ногами ковёр из прошлогодних листьев хорошо скрадывал мелочи, которые могли бы помочь в расследовании. Вот следы кабана, неужели и они здесь водятся? Постепенно местность начала подниматься, видимо, это и есть тот самый холм, где произошло убийство. В целом, место подходящее, поросший лесом холм и лысая верхушка. В самый раз для шабаша.

На самый верх он поднялся быстро. Глазам его предстала каменистая поляна с редкими кустиками по краям. Разумеется, тут не было ни каменных идолов, ни алтаря, запятнанного кровью, и всё же место казалось подозрительным. Он не смог бы объяснить постороннему человеку, что именно его насторожило, возможно, чувства эти и не поддавались человеческому описанию.

Охотник тщательно обошёл поляну, осмотрел крупные камни, отметил несколько следов, в том числе один след босой ноги на песке. Ничего, что указывало бы на ритуальное убийство. Он даже не нашёл место, где лежал труп девушки. Спустившись чуть ниже, он начал обходить холм по спирали, постепенно спускаясь вниз. Наконец, в одном месте что-то его остановило. Чахлая берёза, с трудом выросшая на камнях, хранила отпечаток. На белой коре отчётливо выделялось бурое пятно. Кровь? Глина? Дерьмо? Тщательно взглядевшись, он определил, что отпечаток сделан двумя пальцами, тонкими пальцами. Вполне можно было предположить, что жертву тащили, а она пыталась окровавленной рукой хвататься за ветки. Или же всё не так, а он просто подгоняет задачу под ответ?

Прикоснувшись к дереву, он закрыл глаза и попытался прочувствовать. Увы, чутьё охотника не говорило ни о чём. Слишком много времени с той поры прошло. Тогда он обратился к тому, что сидело глубоко внутри, скованное одной только человеческой волей. Яркий свет вспыхнул в голове, крик, полный боли, ударил по ушам, алая кровь, что била фонтаном из перерезанных артерий, широко распахнутые глаза, из которых быстро уходила жизнь. Картины прошлого пронеслись перед глазами за мгновение, а охотник переводил дух, опрокинувшись на спину и хватая ртом воздух. Внутри всё кипело, рвалось наружу, требовало свободы, но, как и прежде, подчинилось его воле.

Итак, что удалось узнать? Девушку убили здесь, кровь впиталась в землю, но не вся. Она должна была запятнать убийц. Их было несколько, он видел тени, стоявшие в лунном свете, слышал голоса и монотонное пение. Картина, в целом, ясна, вот только доказательством это служить не может. А что может? Нужно искать настоящие улики, причём, такие, что убедят не только трибунал Инквизиции, но и королевский суд Венгрии. Местные магнаты, увы, только такому суду и могут быть подвергнуты.

День он потратил на то, чтобы разведать дороги к двум ближайшим владениям. В одном

из них проживал некий Янош Гёре, барон, имеющий массу друзей в столице, сказочно богатый. На чём он, интересно, так разбогател? Крестьяне оброк платят? Или жалование с государственной службы накопилось? Или военная добыча предков, оставшаяся со времён войн с османами? Впрочем, это неважно, богатства барона должны волновать только его наследников. Наследник у него есть, молодой сын, служит при дворе, а сам барон со своей супругой обитает здесь, в своём особняке, который сейчас оглядывал Морт. Здание впечатляло. Видно было, что если барон не захочет с кем-то разговаривать, заставить его сможет, разве что, сам король, да и то, с помощью пары десятков тяжёлых пушек.

Дом по кругу опоясывала мощная каменная стена, высота которой равнялась трём ростам человека, сложена она была из гранитных блоков, каждый из которых приходилось тащить упряжкой волов. Ворота были из дубового бруса, который для прочности перехватывали несколько кованых стальных полос, слегка тронутых ржавчиной. Дом имел три этажа в высоту (хотя точно было не разобрать), да и чердак, судя по форме, был жилым, ну, или служил кладовкой. К этому следовало добавить огромный подвал, который обязан тут быть, а также, вполне возможно, подземный ход. Очень может быть, что именно по таким ходам и двигались убийцы. В том, что убийцы засели в замке, он уже не сомневался.

Обрадовал его тот факт, что внутри ограды росли деревья, старые дубы и вязы, макушки которых можно было видеть над стеной. Это здорово облегчало работу, можно будет передвигаться по веткам. Где-то там, внутри, были собаки, они не лаяли, но охотник чувствовал их присутствие. Они проблем не составят.

Фамилию второго знатного господина он забыл, но это было пока не так важно. Тот имел куда более скромный титул и не располагал такими богатствами. Поэтому и дом его был вполне скромным двухэтажным особняком, ограда присутствовала, но это была живая изгородь из аккуратно подстриженных кустов. Пролезть сквозь неё трудно, но возможно. Гораздо труднее сделать это, не оставив следов.

Здесь охотника вряд ли ждало что-то интересное, скорее всего, никаких ритуалов в таком доме не проводилось, здание открыто со всех сторон, окна огромные, двери таковы, что он лично возьмётся выломать голыми руками. Нет. Этот дом можно оставить на закуску.

Больше высматривать было нечего, поэтому он предпочёл вернуться обратно. Успел как раз к ужину, Мария куда-то пропала, зато он увидел хозяина заведения. Это был высокий худой мужик, который вертелся, словно волчок, умудряясь делать сразу несколько дел. Морт посмотрел на хозяйку, та всё поняла и принесла ужин, хотя время ещё не подошло. Перекусив, он попросил его сегодня не беспокоить, отправился наверх, к себе в номер и стал ждать.

Лето уже подошло к концу и теперь темнело раньше, как только солнце коснулось горизонта, он прихватил с собой небольшой свёрток, открыл окно, аккуратно выставив раму, и спрыгнул вниз. Сделать это получилось так тихо, что даже человек, стоявший рядом, не услышал бы удара ног о землю. Уходил он по меже, среди засеянных полей. Через полчаса он уже был на месте, и можно было с уверенностью сказать, что ни одна живая душа его не видела, хозяева гостиницы были уверены, что он по-прежнему у себя в номере.

Когда уже достаточно стемнело, Морт присел на землю и развернул свёрток. В нём лежала одежда из чёрной ткани, штаны, куртка, мешок на голову с прорезями для глаз, чёрные перчатки и башмаки из грубой ткани с мягкой подошвой. Быстро переодевшись, он нацепил поверх этого наряда ремень с ножом (и сам ремень и ножны с рукояткой тоже были чёрными), после чего медленно направился к замку.

Камни, из которых состояла стена, были уложены давно, можно было сказать, что они приросли друг к другу, но и время сделало своё дело, появились трещины, выбоины, просто неровные края, кое-где в трещинах торчала проросшая трава. Для охотника это было примерно то же самое, что для обычного человека приставная лестница. Пришлось только снять перчатки, но это было терпимым неудобством. Цепляясь за малейшие выступы и углубления, он начал карабкаться вверх. Весь подъём занял не более минуты.

Быстро перебросив своё тело на другую сторону, он повис на одной руке и осмотрелся. Перепрыгнуть на дерево сразу не получится, слишком далеко, придётся спуститься вниз. А что тут с собаками?

Лохматый сторож не заставил себя ждать. Собака непонятной породы, едва не с медведя размером, с глухим рычанием подбежала снизу. Пёс знал свою силу, такие, как он, обычно не размениваются на лай и беспокойство хозяев, вора он удавит сам, а хозяину потом принесёт труп для отчёта. Вот только теперь вышло по-другому.

Охотник спрыгнул на землю и посмотрел в собачьи глаза. Кобель вздрогнул, отступил на шаг назад и присел. Ярость и верность хозяину отчаянно боролись в нём с желанием заскулить, поджать хвост и поскорее спрятаться.

— Нам нечего делить, — шёпотом сказал Морт, не отводя взгляда от собаки, — я не трону твоего хозяина и ничего не украду. Не мешай мне и будешь жить.

Вряд ли пёс понял слова, но интонация до него дошла. Увы, не так, как рассчитывал охотник. Противник предлагает мир. Он слаб. Можно атаковать.

Огромная пасть стала открываться, чтобы с рыком, который услышат все соседи, сомкнуться на тонкой шее странного (и страшного) человека. Но и у Морта был свой козырь, обратившись внутрь себя, он слегка отпустил поводья, открыл на секунду дверь, прочно удерживавшую Тьму внутри него. Тьма вырвалась и обдала собой пса, словно ушат холодной воды. Пёс остолбенел, подавившись собственным рыком, лапы его подломились, едва не падая, он бросился наутёк, отчаянно выискивая нору, где его не достанет то, что он сейчас почувствовал.

Придя в себя, охотник быстро вскарабкался на одно из мощных деревьев, не исключено, что деревья эти — ровесники самого дома, а возможно, даже старше его. Дуб, на котором он сидел, имел ствол в шесть или семь обхватов. Впрочем, история местной растительности его волновала мало, куда важнее было то, что верхние ветви деревьев переплелись между собой, позволяя ловкому человеку свободно перемещаться по всему периметру стен. Все стены его не интересовали, а вот несколько окон, в которых горел свет, он счёл нужным осмотреть. Шторами здесь пренебрегали, да и нужды в этом не было никакой. Человек, подошедший снаружи, из-за высокой стены мог разглядеть, разве что, небольшой кусок потолка в окне третьего этажа.

На первом этаже, как и ожидалось, находилась прислуга, двое пожилых мужчин о чём-то чинно беседовали, периодически отхлёбывая из глиняных кружек неизвестный напиток. Чуть дальше была кухня, где две ещё более пожилые женщины мыли посуду и что-то варили в большом котле. Ещё в одной комнате сидел неряшливо одетый мужик неопределённого возраста с бородой и стоявшими дыбом нечёсанными волосами и точил напильником топор. Садовник?

Поднявшись выше, он обследовал окна второго этажа, здесь повсюду было темно, только одно окно ярко светилось. Заглянув туда, Морт увидел солидного господина лет сорока-пятидесяти с пышными усами и не менее пышной шевелюрой, которая уже начала

обильно сесть. На нём был надет тёплый домашний халат и тапочки. Он сидел за столом и что-то вписывал в толстую книгу. Очевидно, это и есть хозяин замка, тот самый барон Гёре, а эта комната — его рабочий кабинет. Нигде никаких признаков чего-то противозаконного или даже просто подозрительного.

Третий этаж также не отличался обилием освещённых окон. Только в самом торце одно окно горело ярко и ещё одно едва освещалось пламенем единственной свечи. Зрелище, увиденное им в ярко освещённом окне, можно было счесть весьма приятным. Дама средних лет, видимо, жена барона, готовилась ко сну. Служанка, совсем юная девушка, судя по лицу, взятая из крестьян, расшнуровывала её корсет. Дальнейшее угадать было несложно, неподалёку стояла большая ванна, над которой поднимался пар. Морт ещё непроизвольно отметил, что ванна целиком отлита из бронзы, которой ушло такое количество, что можно было изготовить три восьмифунтовых пушки, или даже четыре. Отдав платье служанке, госпожа Гёре, лениво потянувшись, стала снимать нижнюю рубашку. Морт видел её со спины, и кое-что ему показалось подозрительным. Когда она была уже полностью обнажённой, стали видны рубцы на спине и ягодицах. Плеть? Стек? Муж её избивает?

Но долго рассматривать следы от побоев не получилось, дама повернулась к нему лицом и подошла к ванне, пробуя рукой воду. Её всё устроило, и, грациозно перешагнув через бортик, она погрузила всё тело в горячую воду. Тело, надо отметить, было прекрасным, даже возраст его почти не портил. Кроме того, дама определённо выглядела счастливой, что как-то не вязалось с побоями на теле. Что-то здесь не так.

Морт уже решил спускаться, смотреть на красивую обнажённую женщину было, безусловно, приятно, но он здесь всё же не за этим. Тут взгляд его зацепился за ещё одну странность. Женщина приподняла руку и запустила её в волосы, при этом отчётливо стала видна небольшая татуировка, спрятанная в подмышечной впадине. И это было не украшение, колдовская руна, одна из тех, что «украсили» однажды его тело.

Есть зацепка. Почтенной знатной даме нет нужды расписывать себя татуировкой, словно матрос или каторжник. А этот знак можно увидеть только в учебниках прикладной магии, который нужно ещё где-то взять. Переместившись поближе к окну, он взгляделся внимательнее. Ветка, на которой он висел, опасно изогнулась, но невеликий вес охотника пока выдерживала.

Дама оставила в покое волосы и провела руками по роскошной груди, потом руки её спустились ниже, туда, где бортик ванны не позволял ничего разглядеть. А через несколько мгновений она закинула ноги на края ванны и откинула голову назад. На лице её возникло блаженное выражение. Так, почтенная госпожа, имеющая достаточно молодого и крепкого мужа, предаётся постыдному пороку, что больше к лицу неопытным девушкам или, к примеру, монашкам. И всё это на глазах прислуги. Прислуга, кстати, несколько не удивилась, не смутилась, не попыталась отвернуться или, хотя бы, отвести глаза. Видимо, подобное поведение хозяйки вполне привычно для неё.

Разврат и бесстыдство в среде аристократии — явление частое. Это у крестьян женщина после каждого слова осеняет себя крестным знаменем, а муж, с которым она прожила двадцать лет и родила десяток детей, никогда даже пупка её не видел. У благородных господ всё иначе, да и прислуга для них — это нечто среднее между мебелью и домашними животными, то есть, по сути своей, бессловесные твари. А особо приближённые слуги хороши тем, что умеют всегда молчать. Какой вывод можно из всего этого сделать? Да никакого. Пока.

Госпожа Гёре не стала доводить свои занятия до логического конца, она неохотно остановилась, подозвала служанку и, встав во весь рост, предоставила той вытирать своё тело полотенцем, после чего, завернувшись в тёплый халат, вышла из комнаты. Служанка занялась сливaniem воды, а Морт переместился к другому окну, где муж этой госпожи продолжал упражняться в писании, не подозревая (вряд ли) о занятиях жены. Скоро в кабинет вошла она, они перебросились парой коротких слов, после чего она сделала рукой странный жест, сложив пальцы в непонятную фигуру. Он повторил этот жест, потом они вместе вышли, предварительно потушив свечу.

Больше здесь было нечего искать, то, что семейство Гёре занимается чем-то подозрительным, было налицо, вот только доказательств никаких не было, строгостью нравов они не отличались, но это не преступление, а догадки на одной только татуировке строить бесполезно.

Медленно спустившись вниз, Морт снова перелез через стену и помчался к тому месту, где спрятал обычную одежду.

Глава десятая

В соседней деревне нашёлся хороший цирюльник, поэтому Морту не пришлось заниматься таким хлопотным бритьём. Он сидел на стуле перед зеркалом, а сухонький старичок лет, наверное, ста, старательно намыливал его голову. Когда пена уже покрывала её целиком, он взял бритву и, проведя несколько раз лезвием по кожаному ремню, начал брить. Вместо намыленной щетины проступала голая кожа.

Предоставив старику заниматься бритьём, охотник погрузился в раздумья. Что может послужить доказательством колдовских занятий? Какие-то вещественные улики, например, идол, или колдовская книга, хорошо бы узнать у местного священника, как давно супруги были на исповеди и допускались ли к причастию? Дело ведь не только в том, что колдун и вообще любой, заключивший сделку с дьяволом, физически не может причаститься святыми дарами. Может. Дело тут, скорее, в том, что они искренне верят, что новый владыка их за это накажет, поэтому будут старательно избегать таинств, даже рискуя вызвать подозрение у окружающих.

Голова была уже чистой, старик аккуратно сбрасывал последние волосы за ушами. Морт продолжал думать. Если всё так, как он подозревает, то как можно это удержать в тайне? Здешние крестьяне точно не догадываются об увлечениях благородных господ, а как обстоит дело с другими господами? Или они все заодно?

Цирюльник протёр его голову чистой тканевой салфеткой и начал намыливать кисточкой лицо. А что их служанка? Ей позволяют наблюдать пороки хозяев, возможно, она и сама в них участвует, а как быть с обрядами? Не знать о них она не может, пусть даже это происходит за закрытыми дверьми, куда допускают только посвящённых. Кто потом наводит порядок? Сатанинский обряд — дело весьма грязное, нужно отмыть пентаграмму с пола, стереть знаки на стенах, стереть следы крови, каковые неизбежно будут после жертвоприношений.

Лезвие бритвы прошло по шее снизу вверх до самого подбородка, почти не встречая сопротивления. Лезвие было острым, а брадобрей своё дело знал отлично. Может, стоит похитить эту служанку и поговорить с ней наедине? А потом она же будет свидетельницей на суде. Впрочем, лучше не стоит, при её пропаже господа немедленно поднимут панику и уничтожат все улики. А что стоит слово служанки против слова барона? В Испании, например, где все без исключения короли всегда были ревностными католиками, а власть их никем и никогда не оспаривалась, этого бы хватило, дом их подвергли бы обыску, а сами супруги и вся их прислуга уже висела бы на дыбе, подробно рассказывая самые скабрёзные подробности своих занятий. Но, к сожалению, здесь не Испания, Святой Престол контролирует местных священников и собирает десятину, но с королём Венгрии он предпочитает не ссориться. А самому королю куда важнее поддержка магнатов.

Сбрав последние волоски на усах, цирюльник подал ему полотенце. Стерев остатки пены и сунув старику несколько медяков, охотник встал и вышел на улицу. Он так ничего и не придумал, может быть, ничего и нет? А кто убил девушку? Это ведь не просто человеческая жестокость, он чувствовал, что в деле замешаны тёмные силы. Вывод мог быть только один, следует продолжать наблюдения, нужно заглянуть к другим господам, попытаться разговорить местных, если повезёт, произвести в доме обыск в момент отсутствия хозяев.

Вернувшись на постоянный двор, он некоторое время слонялся без дела. В номере, несмотря на тесноту, он выполнил несколько гимнастических упражнений, которые ему быстро надоели, после чего спустился вниз. Навстречу ему попала Мария, которая тут же сообщила ему, что едет в соседнее село за свежими овощами, которых здесь отчего-то нет. Подумав немного, Морт предложил составить ей компанию, девушка с радостью согласилась. Всё же, стесняясь своего дяди, она предложила присоединиться чуть позже, когда она немного отъедет от дома. Это было понятно, но Морта весьма удивил тот факт, что девушка сама взяла вожжи и стала ловко управлять лошадьми.

Скоро они ехали вместе по дороге, пролегавшей между полями. Мария плотно прижималась к нему, но сам охотник был не в настроении заводить роман с крестьянкой, может быть, когда-нибудь потом, сейчас его мысли были заняты другим.

— Скажи, Мария, а супруги Гёре не кажутся вам странными? — спросил он.

Мария повернулась и удивлённо посмотрела на него, потом, видимо, собравшись с мыслями, ответила:

— Нет, а что в них странного? Мы ведь все живём на их земле, платим аренду, они нас не обижают, разве что, в прошлом году, когда господа скопом выезжали на охоту, они сильно потоптали урожай Андраша, нашего соседа. Но кроме этого нам не на что жаловаться, они добрые господа и в нашу жизнь почти не вмешиваются. Они вообще редко из своего дома выходят, я даже прислугу их почти не вижу. Всё, что им нужно, привозят прямо к ним в усадьбу.

— Ну, в церковь-то они ходят? — спросил Морт, делая зарубку на память.

Мария снова задумалась.

— Не помню, чтобы хоть раз их там видела, — задумчиво проговорила она, — впрочем, наш священник, отец Стефан, заходит к ним, наверное, он исповедует и причащает их дома.

— А что с их сыном? — Морт продолжал расспросы.

— Их сын молод и красив, — с готовностью ответила девушка, — я помню его, когда он был ребёнком, то часто выходил к нам, почему-то он не гнушался играми с крестьянскими детьми, а родители ему не запрещали, я его хорошо помню. А потом его отправили в столицу, уже года четыре прошло, один раз он приезжал, но я его тогда так и не увидела. Теперь он на службе у короля. Говорят, важный такой стал, в мундире и саблю носит.

— А другие господа приезжают к ним в гости?

— Да, я иногда видела, как несколько экипажей съезжаются к ним в имение, а утром едут назад, наверное, господин Янош устраивает пир для своих друзей, они там же и ночуют, а утром разъезжаются.

Всё это звучало логично, вот только подозрения никуда не делись, нужна была ещё информация, что-то, что знали люди, но не могли сопоставить факты между собой.

— А кто живёт в том доме? — уточнил он, указывая на приземистый особняк.

— Я ведь говорила, Феликс Штерн, тоже дворянин, но очень бедный, у него нет таких земельных владений, со службы он давно ушёл, дети его неизвестно, где, а сам он уже стар и живёт затворником.

— Но в дом Гёре тоже приезжает?

— Да, они хорошие друзья, насколько я знаю.

Тут беседа закончилась, поскольку они приехали, их уже ждал поставщик, который заготовил для них огромные корзины с овощами. Чтобы не стоять без дела, Морт сам выполнил работу грузчика, быстро переставив тяжелый груз в телегу. Развернувшись, они

поехали обратно, при этом никто ни за что не платил, видимо, все расходы были оговорены с дядей Марии заранее.

Ехали теперь молча, пара упряжных лошадей старалась изо всех сил, но телега, ставшая теперь чуть ли не вдвое тяжелее, двигалась медленно. Хорошо, что хоть дорога ровная, а то бы пришлось толкать. Мария снова прижалась к нему, Морт не выдержал и крепко обнял её за талию. В отличие от аристократок, она не носила жёсткий корсет, а потому под рукой было мягкое и нежное тело, которое очень живо откликалось на грубоватую ласку охотника. Девушка улыбнулась и томно замурылкала.

— Твой дядя нас не убьёт?

— Он ведь не узнает, — она игриво потёрлась о его плечо, — да и ты не похож на человека, которого так просто убить.

Она обернулась назад.

— Эти корзины, их обычно вдвоём носят, а ты один все перекидал и даже не запыхался. Кто ты на самом деле? Солдат?

Вот как, неграмотная крестьянская девушка вывела его на чистую воду, даже ей он показался подозрительным своими расспросами и странностями, нужно как-то ей объяснить, придумать что-то правдоподобное.

— Солдат, — уклончиво ответил он, — только не королевской армии.

Раскрывать подробности своей биографии ему не хотелось.

Остаток дня охотник провёл, наблюдая за движением торговых телег. На территорию замка Гёре въехало две телеги, груз остался неизвестен, но они быстро выгрузились и выехали обратно, надо полагать, возница даже не слезал с козел. Чуть позже со двора верхом выехал один из слуг, молодой парень в потёртой ливрее. Никакого груза он с собой не вёз, а направлялся к усадьбе того самого Штерна, о котором говорила Мария. Скрываясь в кустарнике, Морт сумел проследить за ним. Тот подъехал к усадьбе бедного дворянина, спешил у ворот, после чего постучал в калитку. Не дождавшись слуг (которых, видимо, просто не было), он самостоятельно отворил калитку и прошёл во двор. Теперь, наконец, распахнулась входная дверь, и на широкое крыльцо вышел старик в потёртом сюртуке и, по всей видимости, глухой.

Гонец громко прокричал ему на ухо, чтобы тот позвал хозяина, настолько громко, что хозяин услышал и так. Через пару секунд на крыльце появился Феликс Штерн, собственной персоной. Надо сказать, что от своего слуги он отличался, разве что, более новым костюмом, да был лет на пять его моложе. Тон гонца сразу же изменился на более уважительный, он глубоко поклонился хозяину и отдал ему небольшой продолговатый предмет, в котором Морт опознал тубус с посланием. Какая-то депеша от могущественных соседей.

На этом встреча была окончена, хозяин скрылся в двери, а гонец, ещё раз что-то растолковав глухому слуге, покинул усадьбу и, запрыгнув на коня, отправился дальше по дороге. Морт, при всём своём проворстве, не мог соперничать в скорости с всадником, поэтому просто проводил его взглядом. Вопрос: что понадобилось местным магнатам от захудалого соседа? И кому ещё доставили такие послания? Документ мог быть поздравлением с именинами, а мог быть и приглашением на совершение обряда, узнать это можно только одним способом. Морт вздохнул и вынул свёрток с чёрным одеянием.

Проникновение в усадьбу Штерна далось легко, там было почти безлюдно, только глухой старик, исполнявший роль дворецкого, да толстая неопрятная женщина, чей возраст он определить затруднился, готовившая еду и стиравшая бельё. Иных слуг хозяин не держал,

что красноречиво говорило о его тощем кошельке. Когда служанка вышла во двор и начала развешивать бельё, охотник перепрыгнул через невысокий забор, роль которого выполняли кое-как постриженные кусты, и скользнул в дверь дома, прощмыгнув под самым носом у дворецкого. Уже почти полностью стемнело, а хозяин дома экономил не только на слугах, но и на освещении, найти что-либо конкретное в условиях полного мрака было бы затруднительно даже Морту, который в темноте видел намного лучше других людей — ещё одна особенность, дарованная ему Тьмой.

Передвижение по дому осложнялось ещё и тем, что большинство комнат закрывались на засовы, а некоторые даже на ключ. Взламывать замки он умел неплохо, вот только сделать это бесшумно вряд ли получится. Хозяин удалился в свои покои, а прислуга сидела на кухне, о чём-то совещаясь. Точнее, совещалась одна женщина, а старик только кивал в ответ, притворяясь, что слушает. Посмотрев на них из темноты, охотник скользнул дальше. Дверь, в которую вошёл хозяин, была закрыта изнутри на небольшой засов. Просунув лезвие ножа в щель, Морт легко отодвинул маленькую задвижку, потом медленно отворил дверь, отдавая должное слугам, которые не забывали смазывать петли.

Помещение, в котором он оказался, не было спальней, это был кабинет и библиотека. Спальня находилась за следующей дверью, из-под которой сейчас пробивалась полоска света, слышались старческие шаги и скрип половиц. Вваливаться в хозяйскую спальню пока не было смысла, поэтому Морт начал исследовать библиотеку. Служба Сатане — удел людей грамотных, иные просто не смогут быть полезны Князю Тьмы. Разглядеть в темноте сами книги получалось, а вот названия на обложках уже нет. Пришлось брать книги поочерёдно, подносить их к окну и пытаться прочесть надписи в неверном свете луны и звёзд.

«Лекарственные растения, произрастающие в разных графствах Англии и Шотландии», автор — известный лекарь и алхимик Матиас Хольм, которого, сказать по правде, давно бы сожгли на костре, не будь он всегда показательно набожен. Кроме того, ходили слухи, что неприкосновенность для Святой Инквизиции он приобрёл ещё и благодаря тому, что оказал врачебную помощь, то ли самому папе, то ли кому-то из его ближайшего окружения. После такого Святой Престол решил оставить исследования лекаря без внимания, дескать, никакого греха в них нет, одно только постижение законов природы. Морту больше нравилась другая книга этого автора, называлась она «Искусство пытки, или как развязать язык человеку, по возможности, не повреждая его телесно», где автор, опираясь на знание человеческой анатомии, указывает дознавателям, какие пытки и в каком порядке применять, чтобы пытаемый на допросе всё рассказал, но при этом остался цел и не сошёл с ума. Книга, безусловно, очень полезная, но, к сожалению, большинство палачей были людьми неграмотными и таких тонкостей не разумели. Поэтому, каждый раз после допросов подозреваемый превращался в кожаный мешок с переломанными костями, который даже на плаху приспособить было сложно.

Поставив книгу на полку, он взял другую, хорошо, что вся литература была на немецком или же на латыни, оба языка он знал в совершенстве. Теперь это был толстый пыльный фолиант, пролежавший на полке несколько десятилетий. Так и было: «Отрицание факта спасения души. Ересь Генриха Шнайдера» написана более полувека назад по итогам громкого судебного процесса над известным богословом.

Следующей книгой был сборник «Поверья ирландцев, кои ещё не до конца искоренены Святой Церковью» — достаточно спорная книга, которую в своё время осуждали, как несоответствующую истине, церковные иерархи из самой Ирландии. Морт задумался.

Каждая из этих книг по отдельности никакого подозрения не вызывала, но вот все вместе, собранные в библиотеке одного человека, наводили на некоторые размышления. Кроме того, Морт знал, что книги эти были довольно редкими, официальное издание насчитывало по несколько десятков экземпляров. Ещё несколько могли напечатать частные типографии под заказ. В любом случае, хозяин дома, Феликс Штерн, должно быть, сильно постарался, чтобы книги попали к нему.

О чем это говорит? Да, по большому счёту, ни о чём. Выяснился новый факт, один из подозреваемых — грамотный, начитанный человек, разбирающийся в тонкостях богословия, ересях и многих других вещах. С внешним видом рассеянного старика это плохо вяжется. Кроме того, дворянин Феликс Штерн живёт подчёркнуто бедно, тогда как его библиотека стоит гораздо больше, чем весь его дом и земельный участок. Но, опять же, никакой определённости это не даёт. Он может быть адептом сатанинского культа, а может и не быть.

Под руку подвернулась ещё одна книга, вот только названия он прочесть не смог. Вместо знакомых латинских букв на обложке были арабские закорючки. А это что? Наличие такой книги не должно удивлять, страна граничит с Османской Империей, где такие книги в ходу, но что она делает в коллекции христианина? Просто держит для украшения? Или он знает арабский язык? Тут очень кстати пришлось воспоминание о том, что масса древних оккультных трактатов пришло с Востока, ещё во времена Крестовых Походов, а написаны они были на еврейском и арабском наречии. Морт, недолго думая, сунул книгу за пазуху, нужно попробовать разобраться на досуге.

Оставив книжные полки в покое, он обследовал дверь в спальню хозяина. Пытаться проникнуть туда бесполезно, закрыто изнутри на замок. Хозяину есть, что скрывать? Или просто любит уединение? Или опасается воров? Некоторое время он прислушивался к звукам, доносившимся с той стороны, какая-то тихая размеренная речь на мадьярском. Молитва? Увы, разобрать он не смог ни слова, тем более, что говорил тот очень тихо. После этого раздался скрип кровати, а свет свечи погас. Хозяин теперь спит.

Легли спать и слуги, которые размещались в небольшом флигеле. Это давало некоторые преимущества. Во-первых, они не обнаружат его, даже случайно, судя по дружному храпу, спят слуги крепко. Во-вторых, теперь, когда источников света не было, можно было дать глазам привыкнуть к темноте, а потом обследовать дом более подробно.

Когда окружающие предметы перестали казаться расплывчатыми пятнами, а перед глазами появились чёткие образы, он начал дальнейшие поиски. Письменный стол хозяина имел несколько выдвижных шкафов. Они закрывались замками, но замки были простыми и слабыми, поэтому вызвали у Морта только улыбку. С помощью двух стальных спиц он не только вскрыл их, не оставив следов, но и сможет потом закрыть. Кипа писчей бумаги и охалка очиненных перьев никакого удивления не вызвали, в следующем ящике лежал амулет на стальной цепочке, отлитый из бронзы череп, в который были вставлены самоцветы, имитирующие глаза. Ничего особенного, не особо дорогая безделушка, вот только зачем такое христианину? Это ведь предназначалось для того, чтобы носить на шее, кто же его носил? Прикоснувшись пальцами к украшению, Морт резко одёрнул руку, то, что пропитывало амулет, было идентичным тому, что он, с некоторых пор, носил в себе. Магия, злая сила, каковую источает ад, и которая находит приют в человеческих душах.

Он не стал брать амулет, да это и не требовалось, он отлично знал, чему служат подобные «безделушки». Третий ящик он открывал без особой надежды, но там его ждало

то, что окончательно убедило его в своей правоте. Теперь уже нельзя было сказать, что книги хозяин изучал просто из любопытства, а амулет по недомыслию подобрал на дороге или купил на ярмарке за пару грошей.

В ящике лежал нож, не красивый дамасский клинок и не толедская сталь, этот клинок не был выкован кузнецом, если только не считать таковым владыку преисподней. Нож имел громоздкую рукоять из тёмного дерева, а клинок был искусно вырезан из чёрного вулканического стекла, что ювелиры именуют обсидианом. Аккуратно прикоснувшись к рукоятке, он спокойно сдержал адскую энергию предмета, рука его чуть дрожала, когда он поднёс нож к глазам. Сделано идеально, гладкий блестящий обоюдоострый клинок, выточенный, казалось, из самой Тьмы. Но это было ещё не всё. Его чуткий нюх уловил ни с чем не сравнимый запах крови. Человеческой крови. Им резали человека, причём, совсем недавно. В голове сам собой всплыл образ убитой девушки. Более того, убитых этим ножом было несколько, куда больше одного. Звериный нюх и сверхъестественное чутьё его не обманывали.

Встал вопрос: что делать теперь? Забрать нож и связаться с братом Домиником? Но для суда этого не хватит. Всегда можно сказать, что нож найден или куплен, а следы крови на нём вообще можно объяснить чем угодно. Например, сам хозяин ножа попробовал его пальцем на остроту и порезался. А показания охотника к делу не приспособить, это никого не убедит.

Аккуратно положив оружие убийства на место, он закрыл шкаф. Что дальше? Искать в комнате для прислуги или на кухне бессмысленно. Возможно, при обыске найдут книги куда более занятные, чем попались ему, но обыск этот будет ещё нескоро.

На фоне побеленной стены чёрным продолговатым пятном выделялась дверь. Она тоже была закрыта на замок, но открыть его труда не составит. Из-за этой двери тянуло сквозняком, приносящим запах сырости и мышей. Подвал. Он вытащил нож и вогнал лезвие между дверью и косяком. Небольшое нажатие, и дверь распахнулась, издав при этом негромкий скрип. Впереди была узкая каменная лестница, нижние ступени которой терялись внизу во мраке. Здесь ночное зрение не поможет, а нюха и осязания будет недостаточно. Вытащив из подсвечника свечу, он нырнул в дверной проём, аккуратно прикрыв за собой дверь. Огниво у него было с собой, добыть огонь получилось в одно движение, пусть даже и немного нарушив тишину.

Огонёк свечи метался на сквозняке, но не гас, давая достаточно света, чтобы разглядеть окружающие предметы. Его окружали стены из серого камня, сначала рукотворные, сложенные из крупных блоков, затем стена стала сплошным камнем, проход вырубил в скале. Прежде, чем оказаться внизу, Морт прошёл девять лестничных пролётов по двенадцать ступеней. Ему уже начало казаться, что лестниц эта будет продолжаться, пока не доставит его напрямиком в ад.

Но всё было проще, последний пролёт привёл его в карстовую пещеру, представлявшую собой довольно большой зал с округлым потолком. Это помещение явно не предназначалось для хранения вина и квашеной капусты, здесь было нечто иное. Измерив размеры помещения, охотник обнаружил, что оно тридцать шагов в ширину и сорок два в длину.

В одном конце зала он нос к носу столкнулся с каменной статуей. Когда-то она была произведением искусства, но теперь время и сырость сделали своё дело, гладкий когда-то камень покрылся трещинами и сколами, сложно было разглядеть изначальный образ, дева в прозрачной одежде, которая имела звериный лик, а изо рта торчали клыки.

Присмотревшись, он увидел также, что вниз по подбородку спускается также раздвоенный змеиный язык. Подобный образ он видел впервые, никакие учебники и справочники ничего о нём не говорили. Отметил только, что статуя принесена сюда откуда-то издалека, здесь нет такого камня, делали её в другом месте, возможно, очень далеко отсюда. На статуе обнаружилось несколько бурых пятен, в том, что это кровь, Морт не сомневался, но никаких эманаций она не вызвала, её пролили давно, настолько давно, что даже не осталось запаха. Это место явно не служило для обрядов и жертвоприношений.

В зале всё ещё держался сквозняк, что вместе с недавним воспоминанием о подвале барона Минца побудило его искать проход. Толстой свечи хватит надолго, вряд ли эта пещера тянется отсюда на десятки миль. Проход обнаружился в десятке шагов от статуи, круглое отверстие в стене, высотой как раз в рост человека. Прикинув направление, он шагнул в темноту, прикрывая пламя свечи ладонью от ветра.

Стены пещеры говорили о том, что она является творением природы почти на всём своём протяжении, лишь в некоторых местах, где требовалось проход расширить, сделать выше или спрямить, видны были следы кирки. Считая шаги и запоминая повороты, он углублялся дальше в коридор, скоро пришлось остановиться, перед ним была развилка. Придвинув свечу к стене, он различил нарисованные углём указатели.

Налево уходила стрелка, над которой стоял знак, аналогичный тому, что он увидел на теле госпожи Гёре. Прикинув направление и пройденное расстояние, он сделал вывод, что здесь поворот в подвалы замка барона, появилась мысль пойти этим путём, попасть во владения барона и обследовать замок изнутри. Немного подумав, он отложил это посещение на потом. Куда больше его заинтересовал другой проход, более узкий, идти по нему можно было, только согнувшись. Зато оттуда тянуло свежим воздухом с запахом осеннего леса.

Проход начал подниматься вверх, местами довольно круто, кое-где даже ступени вырубали, чтобы можно было подниматься. Скоро, завернув за очередной изгиб подземного хода, он вывалился наружу, растянувшись на траве и с наслаждением вдыхая ароматы ночного леса. Отдышавшись, он встал на ноги попытался понять, куда его занесло. Как раз в это время ветер разогнал мелкие облака, и на небе появилась почти полная луна. Свет ночного светила помог ему узнать местность, тем более, что однажды он здесь уже был, выход из пещеры находился у подножия той самой горы, где он нашёл следы убийства. В первый свой поход он не смог найти эту пещеру, вход был замаскирован пышными кустами, со стороны его не видно.

Картина преступления уже сложилась в его голове. Девушку похитили люди барона, или даже он сам с друзьями, аристократы всегда остаются воинами, даже в мирное время. Некоторое время её держали в замке, скорее всего, в подвале, пока не улеглось волнение, а когда наступил подходящий день, девушку приволокли на эту гору, где и совершили обряд с человеческим жертвоприношением. Потом все разошлись по домам, а труп бросили здесь же. Прятать улики никто не стал, всё равно, на местных аристократов подозрение падёт в последнюю очередь.

Он вздохнул. Эту версию принял бы брат Доминик, её приняли бы к сведению остальные инквизиторы, но, увы, для полноценного обвинения этого недостаточно, а значит, ему следует продолжать искать улики.

Глава одиннадцатая

В большом зале замка князя Зриньи было шумно, друзья хозяина собрались за большим столом, уставленным всевозможными закусками. Вино лилось рекой, музыканты в нарядных кафтанах наигрывали весёлый мотив, звучали весёлые песни, отовсюду сыпался беспечный хохот. Никому из гостей в голову не приходило посмотреть наверх, где, под самым потолком, невидимый на тёмном фоне, висел неприметный человек в чёрной одежде. Одной рукой он держался за большую люстру с тремя десятками свечей, другая намертво вцепилась в кусок обоев, крепко прибитых гвоздями к потолку.

Пир затянулся, некоторые гости от обильных возлияний падали, слуги уносили их из зала, чтобы поскорее увезти домой, или же уложить на кровать в одной из гостевых комнат. Очень скоро за столом остались только самые стойкие, которых было шесть человек. Впрочем, стойкость их была весьма относительной, наблюдательный Морт прекрасно видел, как слуги наливают им в кубки вина понемногу, да и эту порцию они регулярно тайком выливали под стол. Таким образом им удалось сохранить трезвый рассудок на фоне упившихся друзей. Чтобы не вызывать подозрений, они тоже притворялись пьяными, но теперь, когда остались только свои, а прислуга и музыканты предусмотрительно попрятались, они сбросили маски пьяных бездельников и завели серьёзный разговор, усевшись поближе к хозяину замка. Морт в очередной раз помянул недобрым словом руководство, отправившее его в страну, языка которой он почти не понимал.

Впрочем, кое-какие слова разобрать удалось, аристократы пересыпали свою речь немецкими и почему-то латинскими фразами. Речь шла о каком-то неизвестном благодетеле, которому они обязаны всем, они получили то, что каждому не хватало, что-то, что никто больше не мог им дать. Посторонний человек, услышав такое, мог подумать, что это просто завуалированная молитва Христу, который своей милостью одарил их чем-либо. Вот только Морт не был посторонним человеком, он уже отлично знал, кто и кому здесь молится. Отчаянно напрягая слух и свои мыслительные способности, он пытался понять, кто этот неизвестный, кто помог им в их делах, кому они обязаны? Разобрать удалось только то, что сейчас его нет здесь, он где-то далеко, но они не должны забывать о своих делах, не должны прекращать. Отдельные понятные фразы, перемежались мадьярскими вставками, в конечном итоге разговор прекратился, и князь вынул из небольшой шкатулки книгу. Морт не смог разобрать, на каком языке она написана, но это точно был не мадьярский, и не немецкий, и не французский, не латынь и не английский. Создавалось впечатление, что князь и сам не особо понимает прочитанное, просто проговаривая иностранные слова. Но, судя по тому благоговению, что охватило остальных, это была молитва. Кому? Уж точно, не Христу и не Святой Деве Марии. Христианские молитвы, которые читаются, пусть даже и не на латыни, а, по примеру греческой церкви, на местных языках, он бы узнал. Узнал бы он и другое, молитвы Сатане тоже имели своё звучание, тоже были отличимы, но с этим они не имели ничего общего. Что же это?

Когда князь закончил чтение, все шестеро собрались в середине зала и взяли за руки, поднимая глаза вверх. Морта они не увидели, поскольку не смотрели на сам потолок, поднятие взгляда имело для них чисто символический смысл. Через минуту они начали раскачиваться и заунывно напевать что-то невразумительное. В другом конце зала открылась дверь. Не имея возможности повернуть голову, Морт скосил туда глаза. В зал вошла женщина,

взрослая, ей было около тридцати лет, или даже больше. Красивая, хотя и с очень худым телом. Особенности её анатомии было легко рассмотреть, поскольку из одежды на ней был только странный головной убор с многочисленными перьями. Обнажённое тело было исцарапано и окровавлено, словно она только что продиралась через колючий кустарник. Присмотревшись внимательно, Морт увидел, что кровоточащие царапины складываются в странные рисунки, которые можно было бы назвать буквами, вот только таких букв он никогда в своей жизни не видел. В руках она держала чашу, огромный позолоченный сосуд, пожалуй, даже слишком тяжёлый для тонких женских рук. Этот сосуд был до половины заполнен красной жидкостью, в воздухе поплыл густой запах скотобойни. Впрочем, опытный Морт вздохнул с облегчением, судя по запаху, кровь в сосуде была не человеческой.

Стоявшие мужчины на мгновение разомкнули круг, чтобы пропустить её в центр. Подняв над головой чашу с кровью, она выкрикнула нечто непонятное, после чего стала медленно лить кровь на себя. Красная жидкость заливала её головной убор, стекала по лицу, попадала в открытый рот, ручейки сбегали по обнаженной груди, струились по бёдрам, а вокруг ступней образовалась большая красная лужа. Когда поток крови иссяк, а чаша опустела, она выбросила сосуд за пределы круга и расхохоталась, подобно сумасшедшей.

Мужчины разомкнули руки, они снова стали раскачиваться, а сам князь поспешно скидывал одежду. Теперь женщина легла на пол, прямо в лужу крови, а мужчины по очереди овладевали ей. Она издавала крики, но это не были обычные для подобной ситуации стоны удовольствия, каждый её выкрик разносился по залу, подобно морской волне, после чего эхом возвращался обратно, заставляя её выкрикнуть снова, каждое движение мужчин вызывало гримасу на её лице, которую сложно было назвать выражением удовольствия, её разум уже не принадлежал ей, человеческая женщина находилась где-то глубоко внутри этого тела, временно (Морт на это надеялся) позаимствованного демоном.

Волны, расхлывшиеся по воздуху, обладали особой силой. Одна такая, подобно ветру, обволокла Морта, обдав его сначала жаром, потом холодом, после чего схлынула, оставив у него стойкое ощущение проверки. Будь на его месте другой, его бы непременно обнаружили. Увы, самого охотника от этой женщины отличала только свобода воли, его тёмная сущность по-прежнему сидела внутри, показываясь редко и только с разрешения хозяина. Более того, от увиденного она оживилась, стала давить изнутри на тесные оковы плоти, требовать свободы. На фоне криков нельзя было различить, как скрипит зубами Морт, отчаянно пытаясь совладать с тем, что по определению было сильнее его.

А действие внизу продолжалось, не дожидаясь очереди, мужчины набросились на неё скопом. Женщина отчаянно извивалась, пытаясь удовлетворить сразу всех, голые тела, залитые кровью, скользили друг по другу, мужчины, чьи руки были свободны, взяли короткие ножи и наносили себе небольшие раны на руки и на грудь, добавляя в действие своей крови.

Длилось это долго, возможно, не один час, Морт потерял счёт времени, руки его давно занемели от напряжения, но он продолжал удерживаться наверху. Наконец, все участники обряда — а в том, что это был именно обряд, а не простая оргия, Морт был уверен, пусть даже он таких обрядов и не знает, это нестрашно, найдутся другие — стали уставать, бешеные движения, крики и потеря крови отняли у них все силы. Дольше всех, как ни странно, продержалась женщина, когда мужчины уже попадали в обморок, она продолжала совершать телодвижения, пыталась ласкать сама себя, но ласки эти сразу становились пытками, она неистово царапала себе ногтями лицо, грудь и бёдра. В итоге, затихла и она,

упав без чувств на одного из участников оргии.

Морт с большим облегчением прыгнул вниз, рук он не чувствовал, и сам вымотался настолько, что едва стоял на ногах. Бросив последний взгляд на лежавшие на полу окровавленные тела, он с трудом подавил желание достать нож и просто зарезать всех семерых. Этим он, безусловно, оказал бы большую помощь Святому Престолу, но, увы, задача его была куда более обширной и сложной, нежели собственноручное убийство отступников и грешников. Если он справится, все они окажутся в пыточной, потом на заседании трибунала, а после, даст бог, и на костре.

Шатающейся походкой он подошёл к столу и схватил слабеющей рукой кувшин с вином. Сладкий крепкий напиток полился в пересохшее горло, придавая сил и проясняя голову. После этого он схватил со стола кусок печёной говядины и проглотил его, не разжёвывая. Уже собираясь уходить, он взял со стола книгу, которую читал князь, заглянул в неё, но разобрать неизвестные буквы не смог. Сначала он хотел положить её на место, но потом всё же сунул в карман, нужно собирать улики, пусть даже и такие.

После этого он подошёл к окну и, после недолгой борьбы с засовами, распахнул его. Ворвавшийся снаружи свежий ночной воздух, казался райским удовольствием на фоне «ароматов» этой комнаты. Выпрыгнув в окно, он, чтобы не разбиться, схватился за толстую ветку векового дуба, а уже с неё прыгнул на землю. По его расчётам, скоро наступит рассвет, нужно встретить его подальше отсюда.

Всё так и вышло, когда первые лучи солнца осветили горизонт на востоке, он был уже за много миль от замка, не спеша шагал по дороге, одетый в одежду обычного горожанина, насвистывал песенку и даже пытался улыбаться встречным людям. Ничто не выдавало напряжённого мыслительного процесса. Мысли его сводились к тому, чтобы как можно скорее сообщить начальству о происходящем здесь. Он уже выявил более двадцати участников обрядов, если считать только мужчин, а с ними были их жёны и даже дети. Один дворянин вовлёл в действие своих дочерей, более того, сам он совокуплялся с ними во время оргий. Но кое-какие вопросы всё же не давали ему покоя, первое, он не мог понять, кто изначально был организатором всего действия. Не могли люди просто взять и начать совершать сатанинские обряды, не могли сами раздобыть книги на незнакомых языках и научиться их читать. Непонятно было, что подвигло их на это. Сатана обычно одаривает своих адептов тем, чего они иначе не получают. Хорошим примером был барон Минц, вынужденный выбирать между службой дьяволу и мучительной смертью. Но что могли просить эти люди, большинство из них было богато, они не знали нужды, обладали властью и положением в обществе. Возраст большинства из них не позволял думать о паническом страхе смерти. Или они воспринимали это, как занятную игру, способную прикрыть разврат, в который они ударились от провинциальной скуки? Нет, непохоже, слишком серьёзны они были, слишком фанатично отдавались своему занятию.

Не давал покоя ещё один вопрос: что с человеческими жертвами? Во время оргий обычно закалывали овцу или петуха, кровью которых обмазывались и рисовали символы. Убивали их обычным стальным ножом, причём, как правило, делали это женщины, вошедшие в состояние экстаза. Но говорили они и о человеческих жертвах, их тоже должны принести, он слышал упоминания о каком-то важном событии, которое неизвестный покровитель не позволит пропустить. И вскользь упоминалась жертва, которую ждёт ОН. Причем говорилось об этом со священным трепетом, так не станут говорить о зарезанной корове. Жертва ритуала будет именно человеком.

На постоянный двор он прибыл совершенно обессиленным. Сил едва хватило, чтобы доковылять до стола, где обрадованная Мария уже поставила большое деревянное блюдо с горячими пирожками.

— Мне нужно поговорить с вашим священником, — сказал охотник девушке, забрасывая в рот очередной кусок пирога, — где его найти?

— Отец Стефан служит в городской церкви, это рядом, можно пешком дойти или нанять повозку. Правда, он часто выезжает, чтобы выполнять таинства на дому. Например, исповедовать умирающего.

— А епископ?

— Он в Пожогe, я его только один раз видела, когда он приезжал. Но он уже старый был, а с тех пор много лет прошло, наверное, теперь епископ уже другой.

Немного подумав, Морт решил всё же связаться через отца Стефана, у того есть выход на епископа, а епископ связан с местным отделением Инквизиции. Доминик обещал предупредить, поэтому с ними свяжутся быстро. В любом случае, связь через местного священника будет быстрее, чем самостоятельная поездка. За то время, что он потратит на дорогу, многое здесь может измениться. Потом, когда, уладив вопросы с королём, сюда придут святые братья, чтобы провести расследование, он даст подробные письменные показания, укажет фигурантов, предоставит вещественные доказательства, а они займутся своим привычным делом: перекрёстными допросами, очными ставками, обысками, пытками, если придётся, а он, скромный охотник на людей Петер Морт, отойдёт в сторону и вернётся в свою келью в резиденции.

К священнику следовало отправляться прямо сейчас, но Морта одолела усталость, в последнее время он проводил ночи в наблюдениях, а выспаться днём не всегда получалось. Вот и теперь, расправившись с горой пирожков (он вообще любил поесть, даром, что худой), охотник почувствовал, как его глаза слипаются. Отблагодарив ещё раз Марию, которая в ответ одарила его привычной белозубой улыбкой и многообещающим взглядом, Морт отправился к себе в комнату. Завтра, всё завтра.

Проспал он до вечера, выглянув в окно, где уже сгущались сумерки, Морт начал неспешно одеваться и прикидывать, где он проведёт ночь. Собственно, все окрестные замки, особняки и просто господские дома он давно обыскал, переписал хозяев, составил описание каждого, его роль в обрядах, наличие в домах улик, которые трудно было спрятать. Всё это содержалось в толстой тетради, которую он уже приготовил для следователей.

Он глядел в окно на безлюдные окрестности, внезапно взгляд его зацепился за что-то, что заставило его напрячься. Какое-то невнятное чувство, чьи-то глаза, которые пристально наблюдали за ним. Он не знал, кто это, но взгляд его не сулил ничего хорошего, на него обратили внимание. Прочем, было бы странным ожидать другого. Сельская глубинка, где все друг друга знают, и вдруг появляется чужак, который уже месяц мотается по окрестностям с непонятной целью, появляясь в самых неожиданных местах. Учитывая занятия здешних аристократов, неудивительно, что они всегда настороже.

Что теперь? А ничего, просто нужно будет помнить о слежке и чаще оглядываться, поймать его будет сложно, а обвинить в чём-то ещё сложнее. А с завтрашнего дня он и вовсе станет никому не нужен.

Однако, чувство опасности, выработанное за долгие годы занятия опасным ремеслом и подпитываемое изнутри, не оставляло его. Немного подумав, он стал собираться. Личные вещи не брал, хватит и тех, что были на нём. Зато сложил в дорожный мешок всё

вещественные доказательства, книги, личные записи, магические артефакты, туда же последовал список подозреваемых и краткое описание роли каждого.

После этого он прицепил к поясу нож, а потом ещё и повесил ножны с тесаком. Он не будет ждать утра, к священнику следует отправляться прямо сейчас, в крайнем случае дождётся утра на месте. Если получится, можно будет потолковать и с теми, кто следит за ним.

Надев плащ и шляпу, охотник выскользнул в коридор, тихо прикрыв за собой дверь, запирая её он не видел смысла, те, кому нужно, всё равно откроют, вот только искать там больше нечего. Выйти на улицу получилось незамеченным. Теперь следует определить, где скрываются те, кого он почувствовал. Он уже понимал, что преследователей двое, или даже больше. Может быть, задача их не только в слежке? Хозяева могли отдать приказ схватить чужака, или даже просто прибить тихонько и закопать в ближайшем лесочке. Им это, разумеется, не по силам, но зато можно будет без зазрения совести взять языка и плотно с ним потолковать. Возможно, и для трибунала лишний свидетель будет.

Через некоторое время он уже знал, что их двое, что прячутся они с другой стороны дороги. То есть, они там прятались, а теперь, когда он намеренно показался им, вызвав короткую перебранку, один направился к постоялому двору, а второй незаметно (ему так казалось) направился за ним следом.

Всё было так, как он и рассчитывал, теперь следовало отойти подальше, а потом дождаться преследователя. Морт намеренно шёл по дороге, не таясь и позволяя неведомому пока преследователю не заблудиться. Сам он уже выучил дорогу, да и в темноте видел настолько хорошо, что слабого света от луны и звёзд ему хватало, чтобы ориентироваться так же легко, как и в ясный день.

Одолев около пяти миль (время как раз близилось к полуночи), Морт замедлил шаг и сошёл с дороги. Здесь имелся небольшой овраг, склоны которого давно обвалились и заросли травой, туда он и направился. За ним пошёл и преследователь.

Здесь, в низине, было гораздо темнее, поэтому он сразу потерял Морта из виду. Некоторое время ещё шёл, ориентируясь на звук шагов, но потом они внезапно затихли. Человек стоял в темноте, дрожа от страха и беспомощно оглядываясь по сторонам. Оглядывался он недолго, скоро прилетевший из темноты костистый кулак врезался ему в переносицу и заставил потерять сознание.

Глава двенадцатая

Очнулся он ближе к утру, по крайней мере, на востоке уже показалась светлая полоска над лесом. Молодой парень, выглядевший, как подмастерье, был связан по рукам и ногам, причём, не верёвкой, а какими-то гибкими растениями, которые больно врезались в тело и не позволяли даже пошевелиться.

Рядом с ним сидел на корточках человек, кажется, это и был тот, за которым его послали следить. Человек этот смотрел на него, и взгляд этот не сулил ничего хорошего. А увидев в тонких руках нож, он вовсе похолодел от страха и задрожал.

— Я всё скажу, — проговорил парень посиневшими от страха губами, — я не хотел тебе зла. Мне приказали...

— Как тебя зовут? — спросил Морт, не глядя на связанного. Он знал цену своего взгляда и приберёт его на потом.

— Миклош, я конюх в имении, — говорил парень по-немецки, видимо, знал, кого преследует.

— А теперь скажи мне, Миклош, — всё тем же равнодушным тоном спросил охотник, — в чьём имении ты служишь, кто отправил тебя следить за мной и каково было его задание?

— Ээээ... — конюх попытался что-то придумать, но инстинкт самосохранения подсказал ему, что человеку, сидящему перед ним, лгать не стоит, тем более, что он, будучи человеком неграмотным и косноязычным, придумать что-то правдоподобное просто не сможет, — меня отправил господин Штерн, я работаю в имении Гёре, но мой хозяин отправил меня к господину Штерну, а тот приказал мне следить за вами. Я ничего не делал, клянусь, только сидел и смотрел на ваши окна.

— А тот, что был с тобой, он куда направился?

— Я был один... — начал, было, конюх, но тут встретился взглядом со своим мучителем, одного этого взгляда хватило, чтобы заменить все известные пытки, губы парня задрожали, и он быстро заговорил, — это Матьяш, он со мной работал, — а теперь пошёл вашу комнату проверить, нам красть ничего не велели, честно, только посмотреть, что там лежит. Книги или оружие, или письма, если найдём, то принести, сами-то мы читать не умеем, а господин Штерн грамотный, он их прочтёт.

— Допустим, — Морт некоторое время раздумывал, что делать с пленным, парень был не опасен, но, если его отпустить, то он сразу побежит докладывать хозяевам. Впрочем, это не так уж и страшно, как только весть о его находках отправится отсюда, можно будет затаиться и ждать. А можно и не прятаться, наоборот, отправиться в город Пожогу и остаться там, в резиденции епископа. Всё, что ему требуется, — это выигрыш во времени в несколько часов. Прикинув расстояние до дороги, он решил бросить пленника здесь, ему ничего не грозит, разве что, туго перетянутые конечности уже начинали синеть. По дороге ходят люди, а он сможет кричать. Рано или поздно кто-то спустится сюда и развяжет его, но произойдёт это ещё очень нескоро.

Не говоря более ни слова, Морт перевернул парня лицом вниз. Тот задрожал в ожидании удара или тычка ножом, но ждать пришлось долго. Морт, ступая тихо и бесшумно, удалялся в направлении дороги. Начинало светать, скоро он найдёт священника и поговорит с ним.

Отец Стефан был на месте, время службы ещё не подошло, поэтому священник мотался из угла в угол пустой церкви и старался навести хоть подобие порядка. Получалось плохо, церковь была новой, добротное каменное здание, крепкие лавки, витражи из цветного стекла, статуя Иисуса, кафедра из дорогого дерева. Но при этом, видимо, сэкономили на прислуге. Пол был грязен, повсюду валялись какие-то вещи, раскрытая библия упала на пол и лежала у кафедры.

— Я слушаю вас, — священник, наконец, разглядел, что в церковь кто-то вошёл, и приготовился к разговору. Это был невысокий худой старик, абсолютно лысый, на морщинистом лице его выделялись необычайно живые глаза, блестящие, как у молодого. Руки его были постоянно в движении, он перекладывал вещи с места на место, но порядка в результате не добавлялось. — Хотите срочно исповедоваться?

— Нет, — задумчиво ответил Морт, исповедовался он в последний раз очень давно, причём, на всякий случай, самому брату Доминику, который спокойно отпустил ему все грехи, даже не особо вслушиваясь в длинный список, — исповедоваться мне пока рано.

— Может быть, кто-то умирает, и нужно его причастить? — с тревогой спросил отец Стефан.

— Нет, святой отец, — Морт покачал головой и вынул из кармана конверт с бумагой, — у меня другое, куда более важное дело.

Он сломал печать, вынул лист бумаги и протянул его священнику. Тот с опаской взял документ и начал его читать, подслеповато щурясь и едва заметно шевеля губами. По мере чтения текста его лицо вытягивалось от удивления, глаза расширялись, а лысина покрывалась мелкими капельками пота.

Когда взгляд его дошёл до подписи кардинала и печати Святой Инквизиции, он шумно выдохнул и устался на Морта, ожидая пояснений. Морт сам не читал документ, знал только в общих чертах, что там написано. Податель сего, Петер Морт, достойный сын церкви и прочее, послан с целью такой-то, и такой-то, а потому всем служителям церкви непременно следует оказывать ему всевозможное содействие. Всё это было написано донельзя пафосным языком, который производил ещё большее впечатление на читающего.

— Я вас слушаю, — священник немного успокоился, — какого рода помощь я могу вам оказать?

— Мне нужна связь с епархией, — объяснил Морт, — в идеале — голубиной почтой, в противном случае нам с вами следует выехать туда немедленно, информация, которой я располагаю, не терпит промедления, это касается очень многих людей и, в первую очередь, Святого Престола.

— Да, разумеется, связь есть, я регулярно отправляю сообщения в резиденцию епископа и получаю ответы, у вас есть послание? — священник изобразил озабоченность.

— Дайте мне бумагу, и я его напишу, — сказал Морт, писать послание заранее он не стал, была велика вероятность, что оно попадёт не в те руки.

Священник ушёл, а спустя пару минут вернулся и принёс лист бумаги, перо и чернильницу. Морт, не особо церемонясь, встал за кафедру и, положив перед собой лист, стал писать. Излагал события он максимально кратко, только то, что надлежит знать епископу, а через него и людям из инквизиции. Он втайне надеялся, что сам брат Доминик уже находится здесь, хотя бы в венском отделении, тогда все среагируют быстро, иначе бумажная волокита позволит преступникам скрыть улики и договориться между собой о показаниях.

Когда послание было окончено, он поставил внизу свою подпись, после чего аккуратно оторвал лишнюю часть листа и свернул получившийся документ в трубочку. В идеале требовалось его запечатать, но такими тонкостями он не заморачивался, он охотник, а не писарь.

Приняв от него документ, отец Стефан отправился в соседнее здание, где на крыше стояла небольшая будка голубятни. Минут через десять, оттуда взлетел белый голубь, который быстро взял направление на резиденцию епископа. Неплохо, сообщение будет принято уже через пару часов, а потом его доставят в Вену. Прибытия святых братьев можно ожидать дня через три, а если повезёт, то и быстрее.

Возвращаться на постоянный двор он не хотел, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания. То, что местные аристократы забеспокоились, было ясно, но пока их беспокойство ограничилось посылкой соглядатаев, вряд ли они успеют в оставшееся время сообразить, кем именно был неизвестный. Даже опрос свидетелей мало что даст. Выяснят имя, узнают, где жил, а остальная его деятельность осталась неизвестной. Даже его ночные исчезновения, как правило, проходили для всех незамеченными, хозяева были уверены, что постоялец просто спит в своей комнате дни напролёт.

Тут ему на помощь пришёл священник, который предложил пожить у него, пока не придёт ответ на послание. Идея показалась здоровой, дом священника не отличался большими размерами, но отдельная комната там нашлась. Единственное, что он сделал, прежде, чем принять предложение отца Стефана, сходил в ближайший лес, чтобы оборудовать там тайник для доказательств, в который положил украденные вещи и свои записи. Он не сможет всё время сторожить свои вещи, а дом священника отнюдь не крепость.

Уединившись в комнате, охотник предался своему любимому занятию, то есть, завалился спать. Прошлая ночь (как и позапрошлая) выдалась бессонной, а впереди было много работы. В самый раз прилечь на пару-тройку часов и расслабиться.

Как ни странно, но пара-тройка часов обернулась тем, что проспал он до следующего утра. Проснулся с ломотой во всём теле, оно просто онемело от долгого лежания. Сладко зевнув и потянувшись, он встал с кровати и накинул на плечи рубаху, хотел взять нож, но решил, что в доме священника ему ничто не угрожает, а потому можно пока обойтись без оружия. Сейчас ему требовалось найти умывальник и чем-нибудь позавтракать.

Отца Стефана в доме не было, видимо, подошло время утренней службы. Открыв дверь, охотник прошёлся по небольшому двору. Солнце уже встало высоко, проспал он часов шестнадцать, чего раньше за ним не водилось. Размышляя, чем себя занять, он вдруг уловил странный звук. Это был топот множества копыт, а чуть позже к нему присоединилось бряцание оружия. Солдаты.

В первый миг он обрадовался, решив, что святые братья среагировали моментально, но потом понял, что такого быть не могло, связь епископа с Веной заняла бы пару дней. Распахнув калитку, он выглянул на улицу, картина была ясной, дом священника окружали, это были люди с оружием, но никто из них не носил мундира королевской армии, да и вообще никакого не носил. Вывод? А вывод простой, это были люди местных аристократов, которые могли окружать дом отца Стефана только с одной целью. А как они узнали?

Внезапная догадка заставила его проклясть себя за глупость. Отец Стефан. Мария говорила, что он бывал в доме у супругов Гёре, он их, якобы, исповедовал, при том, что никто из участников секты не смел подойти к причастию. Вот дурак! Тот факт, что Морт не

видел священника на обрядах, не означал, что он не заодно со всеми. Никакого сообщения он не отправлял, а просто доложил местным магнатам о его содержимом.

Все эти мысли пролетели в голове Морта за секунду, рука его метнулась к поясу, но нож остался в комнате, а бежать туда было поздно. Люди с мушкетами перелезали через забор, а некоторые выходили прямо из дома, видимо, вошли через чёрный ход.

Руки безвольно опустились, их слишком много, а все стволы смотрят на него. Если с ножом у него был какой-то шанс, то теперь всё кончено.

Тем временем, растолкав своих бойцов, уже успевших окружить охотника плотным кольцом, перед ним предстал не кто иной, как сам Янош Гёре, владелец замка, барон, сказочно богатый человек и адепт сатанинского культа. Он был одет в старомодный армейский мундир, расшитый золотом сверх всякой меры, на голове у него была широкая шляпа с перьями, а на поясе висела кавалерийская сабля. Выражение лица барона было торжествующим.

— Вот ты и попался. — спокойно сказал он, глядя в глаза охотнику, впрочем, увидев там нечто, что его напугало, он отвёл взгляд, но говорить продолжил, — или ты думал, что можно безнаказанно шпионить за высокопоставленными господами. Отвечай.

— Я посланец Святого Престола, — Морт не оставлял надежд выкрутиться, пусть это, хотя бы, услышат солдаты, — вот документ, подписанный кардиналом, преступления перед церковью и верой...

Договорить он не успел, барон сделал кому-то знак и сильнейший удар по затылку, наверняка, нанесённый прикладом, заставил его упасть лицом вниз. Прежде, чем он окончательно провалился в беспамятство, смог увидеть, как рядом падают ключья разорванного документа. Потом сознание его покинуло.

Когда он пришёл в себя, было темно, он находился в сыром помещении, где пол был усыпан соломой, а на окне были видны решётки. Он, собственно, и не приходил в себя, его облили ведром холодной воды, отчего пришлось открыть глаза и осмотреться. Перед ним стояли трое: барон Гёре, ещё один аристократ, имя его он не помнил, но знал, что тот исполняет должность коронного судьи, третьим был человек, похожий на армейского офицера, Морт его раньше не видел, да и мундира тот не носил, но выправка была армейская, а за поясом торчали два пистолета.

Охотник попытался пошевелить руками, но с удивлением обнаружил на них тяжёлые кандалы, что надевают на каторжников, назначенных гребцами на галеры. Железные цепи сковывали его по рукам и ногам, да вдобавок соединялись между собой, не давая возможности поднять руки. Если ему захочется почесать нос, делать это ему придётся только согнувшись.

— Мы стали слишком беспечны, — проговорил Гёре, ни к кому не обращаясь, — теперь приходится за это платить, наше счастье, что успели перехватить послание.

— Что собираетесь с ним делать? — заинтересованно спросил «офицер», — может, закопать по-тихому?

— Нет, — остановил его судья, — у меня есть решение поинтереснее, вы ведь помните, что следовало найти убийц той девушки, кто-то надругался и зверски убил невинное дитя. Королевские сыщики здесь оказались бессильны, но мы всё же смогли его найти. Завтра я оглашу приговор, а повесим его к вечеру.

— Отличная идея, — барон широко улыбнулся, — а если начнут задавать вопросы из столицы?

— Я напишу протокол расследования, подколю к нему доказательства и показания свидетелей, даже если их это не удовлетворит, что вряд ли, дело будет сделано. Точнее, два дела, мы избавимся от него, а попутно закроем дело об убийстве.

Морт попытался встать, но ноги слушались плохо, да ещё и голова немилосердно болела после удара. Барон склонился над ним и широко улыбнулся:

— Слышишь, любитель чужих секретов, тебе придётся ответить за преступление. Виселица для тебя уже готова. Если хочешь, — барон улыбнулся ещё шире, — отец Стефан исповедает тебя и отпустит грехи перед смертью.

Морт хотел плюнуть в его ухмыляющуюся рожу, но во рту было совершенно сухо, отвечать что-либо он тоже не захотел, просто облил противника презрительным взглядом и снова закрыл глаза. Пусть думают, что он смирился со своей судьбой.

Они ушли, а охотник, внезапно ставший дичью, начал обдумывать своё положение. Проклинать себя он не стал, бывает, не первый раз он попадает в такую ситуацию. И даже в более опасных он побывал за свою недолгую жизнь, ещё до того, как стал тем, кем стал. Нужно думать, что делать дальше. Итак, он пока жив, хотя и сильно ослаб после удара, склонив голову, он осторожно ощупал рукой затылок. Кровь, довольно много, стекала ручьями до самой шеи. Рубашка пропитана насквозь. Но теперь уже запеклась. Идти он может, а вот бежать и драться уже вряд ли. До завтрашнего вечера ему немного полегчает, но всё же он останется слабым. Это плохо. Второе, что тоже плохо, — его кандалы. Если бы они закрывались замком, можно было бы попытаться взломать его щепкой или булавкой, что была спрятана в воротнике, но местные стражники были не так глупы. Кандалы были заклёпаны стальным стержнем, расплюснутым, с одной стороны. Снять такие будет нелегко, а расковывать его не будут до самой виселицы, возможно, даже похоронят так, как есть, в кандалах. Третье, рассчитывать на безалаберность охраны не стоит, они восприняли его всерьёз, для его поимки привлекли не меньше четырёх десятков людей с мушкетами, когда поведут на казнь, их будет не меньше, так что ему остаётся только погибнуть в неравной схватке, утащив за собой ни в чём не виноватого охранника или палача.

Новости были неутешительны, по всему выходило, что из этой передраги ему живым не выбраться, самым обидным было то, что в Инквизиции даже не узнают, куда он делся, разве что, потом, поговорив со свидетелями.

Он прижался спиной к холодной каменной стене и попытался уйти в себя. Там, в себе, было неудобно. То, что там жило, было отнюдь не радо соседству, но Морта это не смущало, кто-то укрощает львов и тигров, кто-то палит из неисправных пушек, способных в любой момент разорваться, кто-то отправляется в океанское плавание на утлом судёнышке, а он, охотник Петер Морт, носит внутри Дьявола. Более того, отчего-то именно этот Дьявол зачастую помогает ему в богоугодном деле, хотя его об этом никто и не просит.

Морт поневоле сравнил себя, сидевшего в тюрьме и закованного в кандалы, с тем, кто был внутри него, запечатанный в плоть и закованный в оковы человеческой воли. Сравнение получалось не в его пользу, Тьма, сидевшая в нём, рано или поздно, получит свободу, тогда как он, просто покинув этот бранный мир, благополучно окажется в аду, в полном распоряжении того, кого сейчас удерживает сам. Вот только в этот раз он уже не вернётся.

Настроения эти не прошли незамеченными, Дьявол внутри зашевелился, более того, он попытался разговаривать с охотником, чего не делал уже лет десять. Разговаривал он не словами, зачем говорить вслух, если оба собеседника находятся в одной голове, но Морт чётко увидел, как с него спадают кандалы, а Тьма берёт на себя управление телом. Сможет

он потом вернуться? Вряд ли.

Но факт оставался фактом, его не повесят, он не позволит сделать это, будет схватка, в которой полягут многие, но с ними погибнет и он сам. А после этого всё уже станет безразлично.

Осознав всё это, он прилёг на пол, постаравшись нагрести под себя хоть немного прелой соломы. Нужно немного поспать, хоть так подкрепить силы и справиться с последствиями ранения. Кормить его здесь явно не собирались.

— Петер, — раздался в темноте едва слышный шёпот.

— Заткнись, Сатана, — отмахнулся он.

— Петер, это я, — тут он сообразил, что голос слышится не внутри его головы, а откуда-то сверху.

Подскочив, он выглянул в крошечное оконце, забранное стальной решёткой, там, в неверном свете луны он разглядел испуганное лицо Марии.

— Откуда ты здесь? — недоумевая спросил охотник.

— Дядю вызвали к судье, ты жил у нас, все об этом знают, вот только говорят, будто бы ты убил Еву, но это неправда, я знаю, когда её убили, тебя в стране не было, ты только через полгода приехал.

— Пусть твой дядя подпишет всё, что от него требуют, иначе и он попадёт под раздачу, а мою судьбу это не изменит.

— Я кое-что принесла тебе, — сказала она тихонько и начала проталкивать сквозь решётку кусочки еды. Ломаная лепёшка, кусок колбасы, кусок сыра, всё было нарезано так, чтобы пролезть через решётки. Последним в камеру втиснулся тощий мех с разбавленным вином. Отлично, по крайней мере, силы он подкрепить сможет.

Он собрался уже попрощаться с доброй девушкой, но та на мгновение исчезла, а потом вернулась и начала что-то проталкивать в оконную решётку. Сердце Морта забилось чаще, это был его нож, он служил ему уже много лет, сталь была великолепной, ковал его знаменитый кузнец, но настоящую силу ножу придавала твёрдая рука охотника.

— Где ты его взяла? — спросил он, удовольствие от сжимания рукоятки ножа было не сравнимо ни с чем.

— Нас поначалу держали в доме отца Стефана, там стражники этот нож в кости разыграли, а потом оставили без присмотра, я успела схватить и вынести.

— Спасибо тебе, добрая девушка, — искренне сказал охотник, — ты спасла меня, почти.

Она улыбнулась, но на глаза её навернулись слёзы.

Глава тринадцатая

Приговор огласили рано утром. Прибыл какой-то плюгавый писарь, развернул большой свиток с печатью и гнусавым голосом зачитал, что, дескать, нечестивый Петер Морт, разбойник, убийца, еретик (о, как!), родом немец, сорока лет от роду (с чего вдруг?), по природной злобности характера похитил невинную девицу Еву, каковую прятал в лесу, а затем надругался над ней (приводились даже некоторые подробности, у судьи была богатая фантазия), а после убил, вырезав сердце. А посему, именем короля со всем его подробным титулом, судья объявляет означенного Петера Морта виновным в убийстве и приговаривает к смертной казни через повешение. Приговор предписывалось привести в исполнение в тот же день, не откладывая.

Озвучив данный сомнительный документ, писарь уточнил, всё ли понятно подсудимому, и, дождавшись невнятного движения головы, которое можно было с натяжкой расценить, как утвердительный жест, покинул камеру.

Морт при этом не соизволил даже встать, старательно изображая полумёртвого. Как только он остался один, то сразу же вскочил на ноги и подошёл к окну, светило яркое солнце, где-то стучал молоток, видимо, виселица была ещё не готова. Звук был совсем рядом, видимо, вешать его будут сразу во дворе тюрьмы, если, конечно, это тюрьма.

Помещение, в котором его держали, представляло собой каменный мешок, размером в восемь шагов в длину и пять в ширину. Здесь имелось крохотное окно, в которое, даже не будь там решётки, с трудом можно было просунуть руку. При этом он уже сообразил, что это не камера в тюремном замке, а отдельно стоящее здание. Обнесённое дощатым забором. Скорее всего, оно находится где-то неподалёку от дома священника. Что это даёт? Прорваться и убежать будет несложно, вот только получится ли убежать от пуль? Впрочем, это неважно, шагнув за порог, он просто откроет внутреннюю дверь и выпустит наружу то, что сидит внутри. А дальше всё останется на откуп Князя Тьмы. Странно, но он зачем-то помогает смертному, ставшему прибежищем для дьявольской силы, который при этом сам воюет против слуг дьявола. Это единственный вопрос, который он осмеливался задать, но ответа не получил.

Ближе к обеду он съел остатки пищи и допил вино. Тело его стало сильнее, голова уже почти не кружилась, а руки обрели твёрдость. Он нежно гладил рукоять ножа, острый, как бритва, изогнутый клинок поблёскивал в тусклом свете. Сколько человек он убил этим ножом? Пятьдесят? Сто? И далеко не каждый раз убийство совершала его внутренняя сущность. К ней он прибегал только в крайних случаях, если противник был многочисленным и опасным. Чаще всего он справлялся сам, умение, которому он обучился ещё в юности, когда жил у цыган и выступал в цирке, никогда ему не изменяло, да и сильные руки брали своё. Более того, вонзая смертоносное лезвие и рассекая пополам живую плоть, он испытывал чувство необъяснимого удовлетворения, словно насыщался убийством. Эту особенность заметили отцы церкви и старались не держать его долго без дела, зачем искушать судьбу, если столь сомнительный дар можно обернуть на пользу Святому Престолу?

Неизвестно, сколько времени он просидел так, глядя на дверь и ожидая своей судьбы. Когда за дверью послышались шаги, был уже вечер. Массивная дубовая дверь, скреплённая стальными полосами, распахнулась, пришёл тот, в ком он определил офицера, только уже

без пистолетов за поясом, но зато с саблей. Рядом с ним стояли двое солдат с мушкетами, а чуть дальше он разглядел свежесколоченный эшафот, где на перекладине болталась петля из толстой пеньковой верёвки. Там же стоял палач, толстый, явно немолодой мужик в красном колпаке с прорезями для глаз.

— Вот и всё, — сказал Петер, вставая на ноги и шагая вперёд, хорошо всё-таки, что они дождались вечера, солнце не так сильно слепит.

Солдаты держали ружья за спиной, скованный висельник был не так уж и опасен, ещё несколько стояли поодаль, но также не держали в руках оружия. Всего на казни присутствовало человек тридцать. Главных фигурантов здесь не было, видимо, не сочли для себя это действие привлекательным.

Он успел сделать два шага, руки в кандалах безвольно свисали вниз, а шаг был нарочито нетвёрдый, нужно постараться усыпить бдительность. В этот же момент, внутри себя он потихоньку отпускал чужие оковы, его телом и разумом овладевал другой, тот, кому нужно это тело, и кто не позволит его уничтожить.

Последним, что он увидел, прежде, чем перестал быть собой, оказались кандалы. Прочный стальной стержень, удерживавший половинки оков, внезапно рассыпался в порошок, железо свалилось с рук и ног, рукоять ножа, спрятанного до времени в рукаве, сама легла в ладонь, а потом наступила темнота...

Кое-что он видел, отдельные картинки сменяли друг друга, словно узоры в калейдоскопе, страшные раны, пламя и дым от выстрелов, кровь, брызжащая фонтаном из перерезанных артерий, клочья одежды и боль, своя и чужая.

Первый проблеск сознания произошёл тогда, когда убивать стало некого. Обернувшись он мутным взором оглядел двор тюрьмы. Воспринять всю картину он не смог, но отдельные её части впечатляли. Земляной пол не смог впитать море крови, которая уже собралась большими лужами. Взгляд выхватил того самого офицера, что висел на двери камеры, не доставая ногами до пола, приколотый собственной саблей. Вот палач, всё так же одетый в свой колпак, болтается в петле вместо него. Вот солдат, в живот которого воткнут ствол мушкета, глубоко воткнут, до самого позвоночника. Вот другой солдат, ещё живой, отползает в сторону, а за ним волочится ком внутренностей из распоротого живота. Прямо под ногами лежал тот самый писарь, что оглашал приговор, в черепе его торчал обломок ножа. Большая потеря, жаль, кость оказалась твёрдой, удар слишком сильным, а кузнец перестарался с закалкой. Нужно будет делать новый. Всё это прошло за пару-тройку мгновений, а потом темнота навалилась снова, Дьявол уже не хотел его отпускать.

В следующий раз он посмотрел на мир своими собственными глазами уже на закате, он был в лесу, не в глубокой чаще, а в том месте, где устроил тайник. Его воля привела сюда, или же Дьяволу это зачем-то понадобилось, ответа не было. В этот раз ему удалось снова стать собой. Тьма, словно сытый хищник, заняла место внутри, оставив его на время.

Что теперь? Он на короткое время растерялся. Этого хватило, чтобы оглядеть себя. Одежда его была изорвана и залита кровью. Только чья это кровь? Он ранен? Ответ был положительный. От плеча до правого соска пролегал глубокий порез, от сабли или очень острого ножа. Бедро было разорвано мушкетной пулей, в стороны торчали лохмотья штанов и окровавленное мясо, даже странно, что он смог так далеко уйти на такой ноге. Колотая рана в боку, пика? Кисти рук были покрыты шрамами, левая ладонь разрезана посередине, но, вроде бы, неглубоко. Хватался за клинок? Хватало ран и ссадин на лице, а щека сбоку была обожжена, он смутно помнил, что один из мушкетов выстрелил прямо возле его

головы, обдав его огнём и пороховым дымом.

Несмотря на обилие ран и продолжающееся кровотечение, он пока твёрдо стоял на ногах и чувствовал в себе силы бежать. После секундного раздумья он разворошил тайник, забросив на плечо мешок с вещами, что лежал в нём. Опасно, но возвращаться к Доминику с пустыми руками он не хотел. А он вернётся?

— Вернусь, — сказал сам себе Морт и повернул в сторону леса.

Позади него слышались голоса, толпа народа с факелами прочёсывала лес. Они имели все шансы догнать его. Вот только догнать мало, нужно ещё схватить, профессиональных солдат там не осталось, а простым крестьянам, которых погнали на поиски, сложно будет удержать его, даже без помощи тёмной силы. Где-то вдалеке слышался лай собак, но это неважно, собаки скоро остановятся, подожмут хвосты и спрячутся под ногами хозяев. Беспокоило его другое, кровь продолжала сочиться из многочисленных ран, проливаясь на землю, кровавый след увидят в свете факелов, кроме того, сам он слабеет, а шаги его становятся всё тише. Скоро придётся остановиться и принять бой, или просто отдаться в руки погони. Оставят в живых? Или просто разорвут на части?

Но пока он продолжал идти, погоня, то приближалась к нему настолько, что он различал отдельные голоса, но, наоборот, отставала, теряя след. Собак, как он и ожидал, хватило ненадолго. Скоро послышался визг и громкая ругань на венгерском. Теперь след будут искать сами.

Хватило его до утра, направление он не выбирал, просто шёл там, где есть лес, в поле спрятаться не получится. Кровь перестала течь из ран, поскольку и крови в его теле осталось совсем мало. Боли он уже не чувствовал, да и вообще переставал чувствовать своё тело. Только железная воля заставляла его переставлять ноги, скрываясь от погони, что осталась далеко позади. Но упасть было нельзя, здесь не пустыня и не глухой лес, его обязательно найдут.

Споткнувшись об упавший ствол дерева, он скатился в неглубокий овраг и на несколько мгновений (а может, и часов) потерял сознание. Очнувшись, он попытался определить направление, но не смог, поэтому просто начал выбираться вверх. Ослабевшие руки цеплялись за траву, выдирая её клочьями, подошвы сапог скользили по сырой земле, но он медленно поднимался по склону. Поднявшись, он увидел впереди себя тень, от слабости в глазах всё плыло, разглядеть подробно не удавалось, видно было, что это человек.

— Ты устал и изранен, за тобой погоня, а сам ты едва избежал смерти, без помощи ты погибнешь, — тень протянула руку, — идём.

Последним усилием он ухватился за крепкую корявую ладонь, тёмную, как кора дуба, а взгляд, наконец, различил невысокого крепкого старика, одетого в красную рубаху. Лицо его было смуглым, а борода, наоборот, была белее снега. Глаза его шурились на ярком солнце, а невидимые под бородой губы растянулись в улыбке.

— Я... — начал говорить Морт, но закончить не смог, просто потерял сознание и упал к ногам старика, не успевшего его подхватить. Старик крикнул что-то в ближайший лес, оттуда вышли двое молодых парней, таких же смуглых, как и он сам. Перебросившись несколькими фразами на цыганском наречии, они подняли полумёртвого охотника и понесли его с собой в лес...

Петер стоял на краю обрыва, внизу кипело море из вулканической лавы, вокруг была непроглядная темнота. Он был совершенно голым и стоял босыми ногами на горячем камне. Это место напоминало ад, но оно не было адом в полном смысле этого слова. Этот ад есть в

каждом человеке, где-то глубоко внутри, на самом дне того, что принято называть душой, есть место для Тьмы. Мало кто знает об этом, далеко не все замечают, некоторые, чья душа и без того черна, как ночь, стараются с ней мириться. А теперь здесь стоял Морт. Он ждал. Ждал встречи с тем, кто жил в нём, и с кем он пытался бороться.

Скоро он пришёл, точнее, просто появился рядом. Его облик Петера не удивил, точно такой же, как и он сам. Тоже голый и покрыт старыми шрамами и чёрными татуировками.

— Здравствуй, Петер, — сказал пришедший, — помнишь меня?

— Помню, — ответил охотник, — только выглядел ты раньше иначе.

— Что такое внешний вид? — лицо двойника приобрело ехидное выражение, оригиналу обычно несвойственное, — ты помнишь меня таким?

Внезапно он приобрёл другой вид, классический облик Дьявола, с рогами и копытами, голым мускулистым телом, когтями на руках и омерзительной мордой, на которой выделялась зубастая пасть.

Морт молча кивнул.

— Мы ведь уже разговаривали с тобой в подобном же месте, у меня дома, — напомнил Дьявол, — помнишь?

— Я помню всё, — резко сказал Петер, — только ты ни разу не ответил мне на вопрос: зачем?

— Ты не понял этого? — удивился Дьявол, снова становясь его двойником, — не понял, зачем мне всё это?

— Пытаюсь понять, — честно признался охотник, — но не могу.

— Не можешь, — двойник присел на камень, который даже выглядел раскалённым. — Скорее, не хочешь. Вспомни, что говорят лживые святоши, которым ты так верно служишь, человеку, на которого обрушивается несчастье?

— Испытание?

— Именно! — двойник всплеснул руками. — Испытание, ниспосланное богом. Страдание, проходя через которое, человек, подобно Иову, сохраняет верность Господу. Ты тоже проходишь испытание, вот только испытываю тебя я.

— А другие, которые служат тебе, и которых преследую я, как быть с ними?

— Их я тоже испытываю, твоими руками, справедливости ради, не все мои слуги полезны, ты помогаешь мне отсеять тех, кто недостоин моего внимания, а реки человеческой крови, что пролиты твоими руками, как нельзя лучше укрепляют мою силу в этом мире. Ты полезен мне, а когда-нибудь, когда отбросишь все предрассудки и станешь тем, кем тебе и следовало стать, будешь ещё полезнее. Ты займёшь место рядом с твоим хозяином.

— А что бог? — спросил Петер.

Двойник мерзко захихикал, сразу став непохожим на оригинал, спокойному флегматичному Морту подобные ужимки были совсем несвойственны.

— А сам-то ты как думаешь?! — спросил он, с трудом уняв смех, — уж не думаешь ли ты, что тот, кто создал Вселенную, кто одолел меня и низверг в бездну, кто видит всё, позволил бы мне заниматься этим без его ведома? Он всё это знает и одобряет, просто я ему необходим, как палач при добром короле.

— Но ты ведь уже завладел мной сегодня, — грустно ответил Морт, Дьявол был прав и от этого было ещё обиднее, — почему тогда отпустил?

— Ты всерьёз думаешь, что я управлял тобой? — брови двойника взлетели вверх, — ты

уверен, что твой разум замещается моим, я управляю твоими руками, и я же проливаю кровь? Отличное оправдание. Нет, дорогой мой Петер, я лишь отпускаю поводья, а остальное ты делаешь сам. Сегодня там, во дворе тюрьмы ты сам убил всех, помнишь?

— Нет, — Петер в отчаянии помотал головой.

— Не помнишь, потому что не хочешь помнить, ты так защищаешься, но позволь мне напомнить, что я сам, как это ни странно, понятия не имею, как выпустить человеку кишки, твои руки работают только тогда, когда их направляет разум, твой разум, Петер, не мой, это всё делаешь ты сам. Я только снял цепи с твоих рук, не более. Маленькая услуга, я за неё ничего не попрошу, честно.

— Я не хочу... — пробормотал он.

— А чего ты хочешь?! — визгливо спросил двойник, подпрыгнув на месте. — Хочешь быть ремесленником? Или охотником, как в детстве? Помнишь своё детство? Я уже тогда наблюдал за тобой. А может быть ты хочешь вернуться в цирк, где был акробатом? Снова поражать своей ловкостью зевак, которые накидают тебе полную шляпу медной мелочи? Или быть вором в порту? Или наёмным убийцей? Нет, ничего этого ты не хочешь, можешь обманывать себя, но не меня. Ты — охотник на людей. В этом качестве ты устраиваешь меня, бога, тех святош, что думают, будто бы борются за чистоту веры. Только те мои слуги, что мне не так уж и нужны, страдают от тебя такого. Но это временные неприятности, в итоге я надеюсь обрести нечто большее.

— Не обретёшь.

Дьявол снова рассмеялся.

— Посмотрим, Петер, посмотрим.

Внезапно всё исчезло. Морт открыл глаза и осмотрелся. Он был в чьём-то доме, под потолком висел масляный светильник, чьё маленькое коптящее пламя немного рассеивало мрак. Здесь пахло травами, кровью и немывтым телом. Где-то поблизости кто-то перекидывал какие-то вещи, он хотел туда посмотреть, но голова не поворачивалась.

— Не шевелись, — приказал ему женский голос где-то рядом, по голосу выходило, что это женщина немолодая, но и не старуха, а акцент указывал на цыганское происхождение, он вспомнил старика и всё понял. Теперь можно было успокоиться, цыгане не выдают беглых.

Когда она склонилась над ним, он смог разглядеть шапку густых чёрных волос, что не помещались под платком, и огромные зелёные глаза, что горели, словно угли.

— Выпей, — велела она, прикладывая к его губам плоску с остро пахнувшей жидкостью, — станет легче.

Питьё было отвратительным, такое чувство, что знахарка отобрала самые горькие травы этого мира и сделала из них отвар, приправив его острым перцем.

— Что со мной? — едва слышно спросил охотник.

— С тобой всё, — женщина усмехнулась, — тебя рубили топором, тыкали ножами, потом медведь разжевал тебя и выплюнул, на тебе живого места нет, а кровь вылилась вся. Ты должен был умереть уже давно, но почему-то не умер. Значит, теперь будешь жить. А теперь спи, тебе нужно много спать, чтобы набраться сил.

Морт хотел возразить, но снадобье уже начало действовать, перед глазами всё плыло, комната кружилась, подвешенные под потолком пучки сушёных трав несколько раз менялись местами, пока он, наконец, не провалился в глубокое забытие. Снов он больше не видел. Дьявол тоже не являлся, видимо, сказал всё.

Брат Доминик нервно расхаживал по келье взад и вперёд. Морт сидел перед ним, одетый в одно только исподнее. Вид у него был ужасный. Раны понемногу стали заживать, но он был ещё очень слаб. Тело его похудело настолько, что напоминало живой скелет, обтянутый кожей, глаза глубоко провалились, а голос был едва слышен. На голове его отросли короткие волосы, белые, как снег.

— Доказательства, что ты принёс нам, помогут следствию, но вряд ли они убедят королевский суд, — грустно сказал инквизитор, — а твоё бегство убедит всех фигурантов залечь на дно и уничтожить все следы сатанинских обрядов. Мы не сможем ничего доказать, даже если перевернём вверх дном все их замки.

— Их нужно остановить, — тихо проговорил Морт, — если не получится сделать это законно, я сам вернусь туда и...

— Я понимаю тебя, Петер, но нам не нужна смерть конкретных людей, наша задача — искоренить ересь и колдовство. Пока мы можем достать только местного священника, отца Стефана.

— Я должен был догадаться.

— Никто не может знать такое наперёд, — инквизитор пытался его успокоить, — корни заразы ушли слишком глубоко, Святой Престол теперь подозревает и самого епископа.

— Что с обрядами? — спросил Морт.

— Мы благодарны тебе за подробное описание, но обряды, совершаемые этими людьми, далеки от классической сатанинской ереси. Более того, нет указания на то, что они поклонялись именно Дьяволу. Это больше напоминает древнее язычество, но мы не можем точно сказать, какая именно вера.

— А что говорят книги? — спросил Морт.

— Ничего, или почти ничего, — Доминик остановился и задумался, вспоминая что-то, — одну из книг получилось перевести, написана она на древнем арабском наречии, но оригинал, скорее всего, ещё более древний, а источником его были тексты из Александрийской библиотеки. Это магический трактат, обучающий колдунов. Опять же, непонятно, как эти люди его читали, у нас нашёлся специалист-переводчик, но ему потребовалось больше недели, чтобы перевести только треть книги, сомневаюсь, что такие специалисты есть где-либо ещё.

— А другая книга?

— С ней всё плохо, мы не можем ни перевести, ни, хотя бы, прочитать ни одной строчки, переводчиков с этого языка у нас нет, и уже никогда не будет.

— Что за язык?

— На этом языке говорили и писали язычники Нового Света. Когда к ним пришли христиане, подданные Его Величества короля Испании, их ужаснули страшные колдовские обряды с человеческими жертвоприношениями. Само собой, никто не стал подробно изучать столь ужасные обычаи, а книги этих язычников попали под запрет. С моей точки зрения это было сделано напрасно, следовало подробно изучить всё, понять их грамоту и научиться

читать эти книги, которые далеко не полностью посвящены колдовству, но увы, меня тогда там не было. А теперь уже поздно. Государства язычников канули в лету, сами они приняли христианство, жрецы были поголовно истреблены, а грамота, которую они хранили, оказалась прочно забыта. Теперь это мёртвый язык, и мы его понять не сможем.

— Но они читали эту книгу, — напомнил Морт, — я сам это видел.

— Во-первых, ты видел только то, что видел, кто-то смотрел в книгу и произносил непонятные слова. Это не значит, что он её читает, слова можно повторять и наизусть. Это начётничество. У нас такое тоже бывает, попадаются малограмотные монахи, не знающие латыни, они смотрят в книгу и говорят текст по памяти. Такое могло быть и у них.

— А во-вторых? — напомнил Морт.

— А во-вторых, подробности можно будет узнать, только допросив их всех, желательно несколько раз и поодиночке. Их обряды немного напоминают обряды язычников Нового Света, как знать, возможно, какой-то сумасшедший привёз в Европу новый культ и распространил его среди новых адептов. Даже если король Венгрии пойдёт нам навстречу, дело будет непростым.

— В моих записях есть раздел об одном обряде, — напомнил Морт, — он должен был состояться в ближайшее время, я полагаю, до начала зимы. Обряд с человеческим жертвоприношением. Они не могут пропустить его.

— А ты знаешь точную дату?

— Нет, но, возможно, в книгах есть.

— Там есть кое-что, — Доминик присел на край кровати, — я потороплю переводчиков, если этот обряд действительно так важен, они его проведут, тогда мы их возьмём и получим неопровержимые доказательства.

— Если король позволит, — невесело напомнил Морт.

— Я свяжусь с руководством, — Доминик встал и направился к выходу, — мы постараемся договориться.

Спустя ещё несколько дней, Петер окреп настолько, что смог самостоятельно ходить по резиденции и даже выходить за её пределы. Так он встретился с сержантом Алоисом, который от радости едва не задушил его в своих медвежьих объятиях. Выслушав скомканный рассказ о его приключениях (разумеется, без некоторых подробностей), старый вояка воскликнул:

— Эх, если бы такой рубака был у меня во взводе десять лет назад, французская граница была бы на сто миль западнее.

— Вряд ли, — Морт улыбнулся, — я не умею воевать по-настоящему, моё дело — резать глотки в тёмном углу, что тоже иногда бывает полезно. Скажи лучше, есть ли в здешних краях толковый оружейник, я без ножа чувствую себя голым.

— Есть, конечно же, есть, — заверил его сержант, — такой толковый, что лучше я пока не видел, сейчас мы сходим к нему, и он сделает тебе самый лучший нож, клинок которого скоро испробуют на своей шкуре мерзкие еретики.

Кузница нашлась среди многочисленных хозяйственных построек, окружавших резиденцию. Построена она была с умом, звон кузнечного молота был почти не слышен в округе, а дым из трубы мало, кому мешал. Оружейник, довольно молодой парень, худой, как и сам Морт, одетый в кожаный фартук, встретил их радушно и поинтересовался, зачем именно они пришли.

— Мне нужен нож, — объяснил Морт, — только необычный, он должен быть изогнут

вперёд, как серп, я могу нарисовать, если есть, на чём.

У кузнеца нашлась белая доска, на которой можно было рисовать углём, охотник сделал набросок и объяснил, с какой стороны следует затачивать. Оружейник с пониманием кивнул и стал копаться в куче железного хлама.

— Есть у меня кусок стали, — объяснил он, — отличная сталь, выплавленная из высокосортной руды, но для нормальной сабли его мало, а для ножа будет в самый раз, сейчас я вам покажу.

Кузнец выудил кусок железа, длиной и толщиной, как два пальца. Прикинув его вес, Морт кивнул, действительно, для ножа этого достаточно. Кузнец бросил его в горн и начал раздувать пламя. Через некоторое время он взял щипцы и вынул из горна слиток, что светился ярко-оранжевым пламенем. Он не стал использовать водяной молот, обошёлся обычной кувалдой, предназначенной для одной руки. Раскалённый металл превратился в тонкую длинную пластину, потом его сложили вдвое, и снова расплющили, потом снова, потом, повинувшись ударам молота, он стал принимать форму ножа. К тому моменту, когда металл стал остывать, а свечение его становилось тусклым и приобрело красный оттенок, это был уже нож, точно такой, каким Морт пользовался раньше. Но закалять его сразу кузнец не стал, сказал, что это долгая и сложная процедура и займёт не один час. Ещё день он попросил на заточку и шлифовку клинка, а рукоять сделает его ученик, короче, забрать нож следовало через два дня. Морта это вполне устраивало, всё равно, в ближайшие дни ему не предстояло ни с кем воевать.

Время тянулось медленно, безделье было мучительным, охотник целыми днями валялся на кровати в своей келье и читал книги. Для тренировок тела ещё не пришло время, слишком слаб и раны не до конца затянулись. Хотя, если быть откровенным, после полученных ранений он вообще не должен был остаться в живых, несмотря на помощь опытной знахарки. Тем не менее, он остался жив, более того, облава, направленная по его следам, и обыскавшая каждый куст и каждый угол в домах, его не нашла. У цыган были способы прятать людей, а спустя всего две недели, он смог встать на ноги и даже добраться до границы, будучи упрятым в повозку с соломой, там он обратился в первый монастырь, а святые братья, приняв полуживого охотника, восприняли его рассказ серьёзно и связались со своим начальством. Из резиденции даже отправили специальный кортеж, чтобы его забрать.

Выбравшись в умывальную комнату, Морт подошёл к большому зеркалу и посмотрел на себя. Вид был отвратительный, короткие седые волосы, седая же щетина, росшая неровными клочками, голова, похожая на обтянутый кожей череп и глубоко провалившиеся мутные глаза. Стянув рубашку, он оглядел остальное. Живой скелет, вот только с ранами что-то странное. Затягивались они с обычной скоростью, кроме тех мест, где стояли адские метки. Кожа под знаками была абсолютно здоровой, поэтому большой шрам на груди разделялся на несколько шрамов, можно было подумать, что татуировка тогда выступила бронёй, защитившей его тело от оружия.

Тяжело вздохнув, он налил из большого медного кувшина, принесённого кем-то из братьев, горячей воды в таз, после чего извлёк из небольшой сумки кусок мыла и начал намыливать себя, стараясь особо не тревожить раны. Смыв грязь, он почувствовал себя уже гораздо лучше, даже, немного подумав, извлёк из сумки бритву. Ранение — не повод плевать на себя. Взбив пену и намылив голову, он подошёл к зеркалу и провёл по голове лезвием, показалась голая кожа. За этим занятием его и застал брат Доминик.

— Петер, в резиденции есть отличный цирюльник, ты не знал?

— Я привык всё делать сам, — отозвался охотник, не поворачивая головы в его сторону, — вы зашли сюда по делу, или просто так, полюбоваться на мои мощи?

— Мощи твои выглядят отвратительно, — заметил инквизитор, — настолько, что возникает острое желание отслужить по тебе заупокойную мессу. Но я пришёл именно по делу. Есть хорошие новости, Святой Престол, тщательно проанализировав наш доклад, заключил договорённость с королём Венгрии, нам позволено будет прибыть в указанные места и произвести там обыск, разумеется, в присутствии королевских чиновников самого высокого ранга.

— Чиновники высокого ранга, — заметил Морт, — не могут выезжать тайно, слух об этой поездке разлетится ещё до того, как они покинут столицу, а значит, к их приезду не останется никаких следов, ничего, что позволило бы обвинить их в колдовстве. Что будем делать тогда?

— Не знаю, — угрюмо сказал Доминик и присел на лавку, — я лично поручился за всё, в случае провала вся ответственность падёт на меня. Скорее всего, отправлюсь в дальний монастырь, где-нибудь в Ирландии, где буду замаливать грехи. Ну, или поеду в Новый Свет, чтобы нести истинную веру дикарям. Вариантов масса.

— Что с книгами? — спросил Морт.

— Одна почти расшифрована, — объяснил Доминик, мы теперь примерно представляем себе суть готовившегося обряда.

— А время? — с тревогой спросил охотник.

— Дата рассчитывается по сложному календарю, с учётом движения Солнца, Луны и Венеры, но мы, кажется, смогли посчитать, это ночь с тринадцатого на четырнадцатое ноября.

— Нужно успеть... — начал, было, охотник, но остановился, рука с бритвой замерла, на затылке остался не до конца заживший рубец от удара прикладом. Брат Доминик, вздохнув, взял у него бритву.

— Я знаю, о чём ты думаешь, Петер, — спокойно сказал он, убирая остатки волос на затылке, — так и задумано, выступим с таким расчётом, чтобы быть на месте именно в этот день. Обряд действительно нельзя пропускать, они, скорее, рискнут быть пойманными, чем расстроят своего владыку. Более того, обряд предполагает длительную подготовку, которую следует проводить совместно, большим количеством людей. Единственным неясным вопросом остаётся место проведения обряда. Мы не сможем обойти все поместья за одну ночь.

— Я знаю это место, — Морт забрал у Инквизитора бритву и прополоскал её в тазу, — лысая гора в окрестностях, туда выходят пещеры, соединяющие несколько домов знати.

— Скорее всего, ты прав, — согласился Доминик, — обряд следует проводить под открытым небом, в свете луны и звёзд, можно использовать двор в одном из замков, но вряд ли там поместятся все желающие.

— Когда выезжаем? — спросил охотник, намыливая щёки, — ждать больше нечего, время уходит.

— Тебе ехать совсем не обязательно, — вкрадчиво сказал инквизитор, — ты слаб, ещё не оправился от ранений, наконец, тебя там помнят, это может создать проблемы.

— Я поеду, — заявил Морт, начиная скоблить щёки, — если нужно, могу немного изменить внешность, но ехать нужно обязательно, без меня вы не справитесь.

— Как знаешь, — не стал возражать Доминик, — если так, то выезд нашей делегации

назначен на завтрашний вечер, будь готов.

С этими словами брат Доминик встал и вышел, а Морт, глубоко задумавшись, стёр с лица остатки пены. Собраться ему ничего не стоило. Новая одежда висела на вешалке в келье, остаётся только... вряд ли ему предстоит воевать, но оружие просто необходимо. Нож — продолжение его руки, без него он чувствовал себя беспомощным калекой.

Кузнец всё делал бесплатно, находясь на содержании у церкви, но поощрить его всё же стоило. Благодаря попустительству брата Доминика, да и вообще всех, кто отвечал за местное хозяйство, охотник раздобыл в погребе бутылку отличного вина и с ней в руках направился в кузницу. Кузнец обрадовался и ему и бутылке.

— Нож готов? — спросил охотник.

— Разумеется, — весело откликнулся мастер и полез в ящик, — ученик мой намеревался нанести позолоту, но я ему запретил, те, кто служит церкви, всегда отрицательно относятся к роскоши, я подумал, что лучше оставить его таким.

Он извлёк на свет нож. Рукоять была обложена пластинками из кости, небольшая гарда отлита из бронзы, из неё же сделано небольшое навершие рукояти. Клинок ослепительно блестел, отшлифованный до состояния зеркала. Режущая кромка была идеально гладкой, кузнец взял клочок шерсти и махнул над ним ножом, половина волосков упала на пол.

— Им можно гвозди рубить, — заявил мастер.

— Спасибо, — кивнул Морт, принимая из его рук оружие, — но я обычно имею дело с человеческой плотью, она гораздо мягче гвоздей.

Пальцы сомкнулись на рукояти, вверх по руке побежал мороз, странное ощущение, он чувствовал этот нож, словно отсиженную конечность, которая понемногу становилась послушной, теперь он цел, здоров и готов к любому бою.

Распрощавшись с кузнецом, он вернулся к себе. За это время кто-то успел заменить чучело для тренировок, у стены висел совершенно новый соломенный манекен, завёрнутый в грубую ткань. Подойдя к нему, охотник сделал несколько быстрых движений, которые посторонний человек вряд ли смог бы уловить глазом. На поверхности ткани появились глубокие надрезы, из которых посыпалась солома. Руки его были по-прежнему твёрдыми, даже слабость постепенно уходила. Если сейчас придётся драться, ничто ему не помешает.

Глава пятнадцатая

Как и планировалось, выехали вечером следующего дня. Несколько скромных экипажей без всяких опознавательных знаков, чем меньше людей знают о том, кто сидит внутри, тем лучше для дела. Морт сидел в последнем, в компании с ним было ещё несколько святых братьев, молодых и сильных, мало сведущих в деле розыска и дознания, зато способные любого еретика или грешника привести к покаянию, вбив кулаком в его голову свет истинной веры.

Охотник внял предупреждению Доминика, что его там запомнили и постарался изменить внешность. С лицом он ничего делать не стал, зато приметную бритую макушку прикрыл париком, а сам оделся в роскошный камзол с золотым шитьём, короткие штаны с чулками и башмаки с золотыми пряжками. В таком виде он походил на богатого дворянина, или купца. Под камзолом находился привычный кожаный жилет со стальными вставками. Нож он пока спрятал, зато сунул за пояс небольшой пистолет, а на бок повесил саблю, специально выбранную в арсенале. Это была морская абордажная сабля, короче кавалерийской и почти прямая, гарда хорошо защищала руку, а клинок был утяжелён к концу. Сделано это было за счёт того, что клинок имел дол, занимающий две трети длины от рукояти, а ближе к концу он становился на палец шире. Гарда была непривычной и немного ограничивала движения, но охотника это не остановило, справится, не впервой.

Пистолет он зарядил порцией картечи, среди военных людей это был дурной тон, так солдаты не поступали, но ему было всё равно. Огнестрельным оружием он умел пользоваться, но откровенно его не любил, возможно, за то, что пуля имела свойство двигаться быстрее, чем он сам, а полёт её был слишком непредсказуем.

Последним штрихом его облика были очки с тёмными непрозрачными стёклами, позаимствованные им у одного из монахов, тот страдал заболеванием глаз, лекарь прописал ему такие очки, чтобы защищаться от яркого света. Они отлично подошли охотнику, в них можно было хорошо видеть, а посторонний не мог заглянуть ему в глаза, по которым его узнали бы куда вернее, чем по одному только внешнему виду.

Святые братья всю дорогу хранили молчание, да и сам охотник не отличался разговорчивостью. Остановки были редкими, два кучера постоянно сменяли друг друга, позволяя двигаться днём и ночью, а лошадей меняли на почтовых станциях. Ели и спали, не выходя из экипажей.

Небольшая заминка вышла на границе Австрии и Венгрии, где к их кортежу присоединился кортеж королевских чиновников, которых сопровождал кавалерийский эскадрон в полсотни человек. Возглавлял их какой-то пожилой вояка, чьё лицо хранило на себе следы от множества сражений и дуэлей на саблях, он был высок ростом, худ и строен, как юноша, одет в военный мундир, а на боку висела сабля. Никакой особой роскоши, только военная выправка и донельзя надменный взгляд. Он долго совещался с инквизиторами, потом они пришли к какому-то выводу и весь караван, в котором уже насчитывалось почти два десятка повозок, не считая верховых, снова отправился в путь.

Тот факт, что встреча произошла здесь, несколько обрадовал, возможно, весть о выезде целой оравы высших чиновников короля не насторожит потенциальных фигурантов дела. Ну, выехали куда-то, вроде бы, в сторону границы, что с того?

Наконец, спустя почти неделю, кортеж остановился в окрестностях городка Венц, где

предполагалось быстро и без шума арестовать отца Стефана. К нему отправились брат Доминик, Морт и два королевских солдата, чтобы соблюсти формальности. Увы, их ждало разочарование. Церковь была пуста, а пожилой служитель, в чьи обязанности входили уборка и ремонт здания, сообщил, что святого отца нет уже два дня, уехал он внезапно и никому ничего не сказал. Пришлось убраться ни с чем (Морт, впрочем, за время разговора успел незаметно обыскать и церковь, и дом священника, но безрезультатно, ни его самого, ни каких-либо подозрительных вещей найти не удалось). Это одновременно огорчало, поскольку данного фигуранта следовало непременно разговорить, получив от него нечто более весомое, чем показания Морта, но также придавало надежду, поскольку старый священник не просто так уехал, скорее всего, ему предстоит участвовать в обряде.

Вернувшись к остальным, они доложили обо всём людям короля, после чего кортеж отправился дальше. Ближайшей целью был особняк барона Гёре, а также дом Феликса Штерна, который интересовал их наличием компрометирующих книг в библиотеке, а ещё более тем, что в нём имелся вход в подземные катакомбы.

Когда вокруг потянулась знакомая местность, охотник высунулся из кареты и окликнул кучера, велел ему притормозить. Его заинтересовал постоянный двор, где можно было перекинуться парой слов с Марией. К его удивлению, дверь была заперта снаружи, а в помещениях стояла тишина. Открыть замок труда не составило, он проник внутрь. И начал обыскивать одну комнату за другой. Здесь было пусто, печь не топилась, хлеб на одном из столов основательно зачерствел, а у порога он обнаружил застарелые пятна крови. Глаза охотника налились кровью, а рука крепко сжала рукоять сабли.

Уже на выходе его встретил перепуганный мужик, который решил проявить любопытство и заглянуть внутрь.

— Никого нет, — сказал он Морту, — всех увели, давно уже.

— Кто? — прорычал охотник.

— Не знаю, — развёл руками мужик, — наверное, люди господина Гёре, но я не знаю точно, пришли и увели всех, и Дьердя, и жену его, и Марию, старику даже лицо разбили, когда он возмущаться вздумал. Я через забор глядел, страшно было, все злые, с ружьями, думал, там и убьют всех. А постоянный двор закрыт теперь.

— Спасибо, — Морт взял себя в руки, и пошёл к выходу, по пути сунув в руку мужика серебряную монету, — они обязательно вернутся, не трогайте здесь ничего.

Выслушав его доклад, Доминик немного помрачнел, но потом спокойно ответил:

— Они живы, их явно приготовили в жертву, вот только...

— Что? — поторопил его Морт.

— Жертв должно быть три, девушка — это Мария, взрослый мужчина — это её дядя, третьим должен быть ребёнок, кто-то, не старше десяти лет, а скорее, намного моложе.

— Местные магнаты творят, что хотят, им не составит труда похитить любого крестьянского ребёнка, нам следует торопиться, иначе можем не успеть.

Время близилось к закату, теперь они подступили к особняку Гёре. Прекрасно понимая, что если хозяева не захотят выйти, никто их не заставит, а пушек в отряде нет, решили обойтись малыми силами. Тот самый человек короля, что стоял во главе операции, с несколькими людьми подошёл к воротам и постучал. Через некоторое время к воротам подошёл какой-то старик, возможно, привратник, или ещё кто-то из прислуги, открыл на воротах небольшое окошко и высунулся наружу.

— Хозяев нет дома, — поведал он, оглядывая группу солидных господ, стоявшую у

ворот, — они вернутся только послезавтра, после обеда, сейчас их нет, уходите.

Господин с усами будучи облечён немалой властью, ангельским терпением не отличался, через некоторое время его голос стало слышно за сто шагов от того места. Проникновенная речь его сводилась к тому, что он, князь Ракоци, здесь именем короля и если какой-то мелкий простолюдник будет чинить ему препятствия, то его просто вздёрнут на ближайшем дереве, а дом возьмут штурмом. Привратник от такого напора растерялся, но тут же взял себя в руки и продолжил препирательства. У командующего от ярости даже глаз задёргался, а рука сама потащила из ножен саблю. Впрочем, штурмовать ворота не потребовалось, раздался глухой удар, привратник куда-то исчез, а с той стороны начали стучать засовы.

Ворота отворились, с той стороны стоял Морт, успевший влезть через ограду и решивший вопрос с привратником, оглушив того ударом по голове. Люди короля быстро вломились в дом и начали обыск. Один из святых братьев указывал, какие именно предметы их интересуют, в первую очередь это были книги, либо еретического и оккультного содержания, либо просто подозрительные книги на непонятных языках, которые могли быть таковыми.

Немногочисленную прислугу (хозяева перед отъездом почти всех распустили по домам) заперли в комнате, а потом стали поочерёдно выводить на допрос. Допрашивал их брат Доминик, а с ним ещё один инквизитор. Разумеется, ничего подробного у них не пытались выпытать, это сделают потом, медленно и обстоятельно, тщательно записывая показания и сравнивая их между собой. Но кое-какая информация требовалась прямо сейчас. Разговорить удалось одну служанку, которая вспомнила, как совсем недавно, ближе к ночи, кого-то притащили в замок и, вроде бы, отвели в подвал.

Группа солдат немедленно, не тратя времени на поиски ключей, вынесла тяжёлую дубовую дверь, открыв проход в подвал. Как и следовало ожидать, здесь находился обширный склад всевозможных запасов, не только вина, масла и зерна, но также и пороха, несколько бочонков которого обнаружили в отдельной комнате.

Пройдя дальше по коридору, они обнаружили несколько комнат, двери которых запирались снаружи мощным запором. Они все были пусты, кроме одной, в которой нашли сильно избитую пожилую женщину. Когда её вынесли на свет (идти она не могла), Морт с большим трудом опознал хозяйку постоянного двора.

Женщина была в сознании, но говорить не могла, из её горла вырывались только хрипы. Сообразив, что она сильно обезвожена, один из святых братьев раздобыл кружку, в которую нацедил из ближайшего бочонка какую-то жидкость. Судя по запаху, это был яблочный сидр. Проглотить она смогла только с третьей попытки, но питьё пошло ей на пользу. Взгляд стал осмысленным, и вернулась возможность говорить, пусть и очень тихо.

— Где Мария? — спросил охотник.

— Я... не знаю... — проговорила женщина, — её держали рядом, а недавно увели... не знаю, куда.

— Вывели наверх? — с подозрением спросил охотник.

— Нет, — она покачала головой, — наверх они не поднимались, точно, ушли куда-то дальше, я ждала, что уведут и меня, но за мной никто не пришёл.

Больше она ничего не объяснила, солдаты ринулись дальше по коридору, разыскивая проход. Одна из бочек оказалась пустой, поэтому её быстро откатали в сторону и обнаружили вход в катакомбы, за которым начиналась темная лестница, ведущая вниз. Куда

она ведёт, выяснить не удалось, требовались хорошие фонари. Видны были только несколько ступеней, грубо вырубленных в известняке.

Вниз пока спускаться не стали, поручив солдатам охранять вход. Следующей целью был дом Феликса Штерна, который Морт уже однажды обыскивал и знал, что именно там можно найти.

Как и ожидалось, хозяина не было дома, как и всей прислуги, дом был пуст, но дверь в подвал была закрыта изнутри. Логично было предположить, что хозяин дома, распустив прислугу, каковой насчитывалось полтора человека, тихонько спустился вниз, в подвал, где и присоединился к своим единомышленникам.

Другой новостью было то, что из ящика стола исчез тот самый обсидиановый кинжал, которым полагалось убивать жертву.

— Что будем делать? — задал вопрос брат Доминик, словно бы обращаясь в пустоту.

— Пока всё ясно, — ответил ему Морт, — они готовят обряд, захват следует производить ночью.

— А ты уверен, что знаешь место? Что, если мы ошиблись?

— Тогда жертвы погибнут, а преступники уйдут от наказания.

— Не уйдут, — заверил командующий, — того, что мы нашли, достаточно для серьёзного разбирательства. Его Величество — праведный христианин, он не потерпит еретиков в своём королевстве, к каким бы фамилиям они ни принадлежали.

Тут прибыли посыльные, которые обошли ещё несколько домов местной знати. Как и ожидалось, хозяев дома не было.

— Сколько человек будет участвовать в дьявольском обряде? — спросил князь.

— Около тридцати, — прикинул Морт, — мужчины и женщины, вряд ли окажут сильное сопротивление.

— Я не о том, просто их нужно задержать и сопроводить в нужное место, да ещё слуги, да ещё свидетели, у меня не хватит людей, я уже послал гонца, чтобы сюда прибыли две сотни отборных солдат из пехотного полка, расквартированного поблизости отсюда. Но успеют ли они прибыть до темноты?

— Да, это сложно, — согласился Доминик, — но постараемся обойтись своими силами, святые братья тоже кое-что могут.

Решено было оставить полдюжины солдат у входа, которые с наступлением темноты направятся по проходу, чтобы отрезать путь к отступлению, Морт растолковал им, в каком направлении двигаться. Остальные окружают гору, где, как они предполагали, будет совершаться обряд. Если же они ошиблись, тогда будут убиты люди и наказать виновных станет куда сложнее.

Осенний день был короток. Скоро наступила темнота, а на небе возшла полная луна, позволяющая видеть почти как днём. Но людям, собравшимся здесь, этого показалось мало, обширную поляну они окружили факелами и масляными светильниками, осветив место будущего действия.

Морт подумал, что этот свет должно быть видно издали, кто-то из местных крестьян мог заподозрить неладное. Хотя, вероятность этого невелика, крестьяне обычно ложатся спать на закате, а встают с рассветом, или даже раньше. Им недосуг смотреть, что за огонь горит в ночном лесу. Кроме того, всем было очевидно, что местная знать никого не боялась и в полной мере ощущала себя хозяевами жизни, что, в целом, было недалеко от истины.

Скоро послышалась тихая музыка, даже не музыка, а нечто, вроде множества

серебряных колокольчиков, чьи звуки сливались в нестройную мелодию. Потом послышалось пение, монотонное, тягучее. Слова на незнакомом языке срывались с уст собравшихся и тоже образовывали нечто, вроде печального гимна. Образованный в центре светлого круга открытый пятачок занимали три деревянных алтаря, на которые укладывали будущие жертвы. В центр встал высокий мужчина в балахоне, чьё лицо невозможно было узнать из-за нарисованных на нём знаков. В одной руке он держал книгу, но слова произносил, не заглядывая в текст, видимо, прав был Доминик, когда говорил, что заклинания они помнят наизусть, а книгу держат только для вида.

Пение становилось всё громче, а заклинания и вовсе звучали подобно грому, толпа постепенно приходила в экстаз. В центр вышла женщина в таком же балахоне. Её Морт узнал, это была жена барона Гёре. Она стала повторять слова заклинания вместе с мужчиной. На какое-то время все смолкли, после чего начали повторять одну фразу, они произносили её с каждым разом всё громче. Тут женщина скинула балахон, оставшись совершенно обнажённой, несмотря на то, что ночь была холодной. Тело её было покрыто знаками, нарисованными кровью, внимательно присмотревшись, Морт определил, что знаки эти не нарисованы, они процарапаны по её телу острым предметом и всё ещё продолжают кровоточить. Но женщина не замечала ни боли, ни холода, она целиком была поглощена предстоящим действием, когда в очередной раз собравшиеся выкрикнули заклинание, она достала откуда-то тот самый обсидиановый кинжал и высоко подняла его, повернувшись при этом к алтарю с лежавшей на нём девушкой. Жертва также была обнажена, руки её не были связаны, но и сопротивляться она не могла, была слишком напугана, или же её опоили колдовским зельем. Ещё мгновение и...

Ждать было больше нечего, из темноты в освещённый круг вышел князь Ракоци и громко скомандовал:

— Именем короля и Святой Церкви, вы все арестованы, бросьте оружие и не оказывайте сопротивления.

Сектанты, уже потерявшие связь с реальностью, на эту команду отреагировали по-разному. Кто-то встrepенулся, словно на него вылили ушат холодной воды, кто-то начал метаться, кто-то попытался вытащить оружие. Нагая женщина с кинжалом решила идти до конца, она выкрикнула непонятное слово и попыталась вонзить кинжал в жертву. В этот момент перед ней вспыхнуло облако из белого света, а одновременно грянул гром. Голова женщины разлетелась облаком кровавых брызг, свет погас, обезглавленное тело ещё несколько мгновений стояло на ногах, разбрызгивая кровь из артерий, после чего упало ничком прямо на свою несостоявшуюся жертву.

В круг света вышел Морт с дымящимся пистолетом в руке. Страшный конец жрицы подействовал на всех отрезвляюще, со всех сторон стали выходить солдаты, князь Ракоци всё же дождался прибытия двухсот пехотинцев, которых ради такого случая посадили на коней, временно сделав драгунами. Холм был плотно оцеплён солдатами, убежать отсюда было уже невозможно, а сопротивляться, видя печальную судьбу женщины, тоже никто не рискнул.

Несколько человек попытались скрыться в пещере, но тут же вышли оттуда, пятясь назад от десятка наставленных на них ружей.

— Вяжите, — коротко приказал князь, скорчив злобную гримасу.

Этим занялись инквизиторы, попутно проводя опознание присутствовавших. Некоторые попытались возмущаться, упирая на своё благородное происхождение и угрожая жалобами королю, но это прекратилось, как только князь объявил, что все они заочно лишены титулов,

а тяжёлые кулаки святых братьев и вовсе отбили любую охоту говорить. Морт облегчённо вздохнул, их дело сделано, теперь предстоит долгий труд дознавателей, а потом и палачей. Ему тут больше нечего делать.

Сняв камзол, он подбежал к жертве и попытался её прикрыть. Мария (это была она) пыталась что-то бессвязно бормотать, глаза её были полуприкрыты. Прикрыв наготу девушки, охотник взял её на руки и вынес из круга.

Все были довольны, король Венгрии сдал своих магнатов, не желая защищать колдунов и вероотступников, инквизиторы, накрыв гнездо ереси и колдовства проводили дни в бесконечных допросах свидетелей и обвиняемых, исписывая горы бумаги полученными показаниями, сами обвиняемые наперебой рассказывали гадости о каждом из своих подельников, надеясь заслужить хоть какое-то снисхождение. Высоколобые мыслители, вроде брата Доминика, занимались аналитикой, пытаясь свести показания воедино, чтобы понять, с чем они столкнулись. А Петер Морт благополучно вернулся в свою келью, где продолжил заниматься тренировкой тела и разума, не забывая временами делать набег на кухню, чтобы восполнить силы и поправить здоровье.

Мария тоже была здесь, её родственников оставили в Венгрии, а сама она должна была свидетельствовать на суде. Проживала она временно в той же женской обители, что и Агата (наконец-то, вернувшись к своим родителям), охотник изредка видел её и даже пару раз они успели поговорить, когда она ждала своей очереди к дознавателю.

Изредка в допросах участвовал и сам охотник, не то, чтобы он был там особо нужен, но кое-какие показания мог подтвердить или опровергнуть. Попытки при допросах почти не применялись, впрочем, это и не требовалось, обвиняемые прекрасно понимали, где они находятся, а следовательно, знали и то, что малейшее заpiresательство приведёт к визиту палача.

Однажды к нему в келью пришёл брат Доминик и решил поделиться результатами следствия, которое шло уже месяц.

— Что-то выяснили? — спросил Морт, сидя на невысоком стуле и поднимая над головой гири.

— Мы выяснили многое, — с загадочной улыбкой сказал ему инквизитор, — но, чем больше мы об этом узнаём, тем больше новых загадок встаёт перед нами.

— Объясни, — охотник уже хрипел, локти его дрожали, но гири продолжали подниматься и опускаться. — Главное, ради чего они всё это делали?

— А ты не понял? Тогда задумайся, вспомни, почему среди обвиняемых нет отца Стефана?

— Почему? — Морт, наконец, поставил гири на пол и теперь восстанавливал дыхание.

— Потому что он не доехал до резиденции, умер в пути, да не просто умер, а прямо на глазах начал разлагаться, через два часа от него остались только белые кости.

— И? — Морт теперь разминал шею.

— Самое главное мы узнали чуть позже, когда добрались до документов епископа, которого, кстати, сейчас тоже допрашивают. Оказалось, что отцу Стефану на момент ареста было сто десять лет, я верю, что подобные долгожители встречаются изредка, но он должен был быть дряхлым стариком, каковым и был, когда его назначали на должность, тогда ожидали, что он скоро умрёт, но он протянул несколько лет, а потом выяснил, что можно и вовсе не умирать. А теперь его адский покровитель лишил его своих даров, а потому задержавшийся на этом свете старик просто обратился в прах.

— Но большинство их были молодыми, — заметил Морт. Он достал из шкафа ремень, на котором имел обыкновение править бритву, застегнул его, подвесив на нём гири, надел себе на шею и, встав со стула, начал делать поклоны.

— Сейчас, возможно, но старость не щадит никого, — спокойно заметил Доминик, — например, баронесса Гёре, бывшая когда-то первой красавицей королевства, а теперь на глазах превращающаяся в старуху. Она ведь далеко не молода, ей пятьдесят пять лет.

— Но у неё юный сын, — заметил охотник.

— Она родила его в тридцать девять, что совсем непросто, его сейчас тоже проверяют, он не так давно уехал в столицу, вполне мог знать об увлечениях родителей.

— Но как давно существует это общество? — после двадцатого поклона, Морт снял ремень с шеи и поставил гири.

— Почти восемнадцать лет, количество участников росло, обряды становились всё смелее, если бы мы их не остановили, весенний обряд уже обошёл бы в дюжину жертв.

— А что с обрядами? Какому богу они молились?

— А вот тут мы подходим к самому интересному. На путь колдовства и поклонения демонам их изначально совратил некий учёный книжник, прибывший из османских владений и задержавшийся в замке у одного из тамошних аристократов. Это был человек (я надеюсь) великой учёности, знал бесчисленное количество языков и объездил почти весь мир. Данный культ был его собственной разработкой, можно назвать его апостолом Дьявола, если допустить, что мы имеем дело именно с Дьяволом в нашем, христианском понимании. Именно он разработал проведение обрядов, он научил их читать фразы на незнакомых языках, он показал им свои магические способности и подчинил их себе, а через себя и своему хозяину.

— Так кто же он?

— Сложно сказать определённо, допускаю, что ему очень много лет, если его адептам дарована была долгая молодость, то сам он точно не обделил себя в этом. В то, что он объездил весь мир, тоже охотно верится, культ этот, действительно, происходит из Нового Света, но наш колдун его развил, переработал и положил на почву наших, европейских еретических культов, которые также знал в совершенстве.

— Я запутался, — честно сказал охотник, стаскивая через голову рубашку, мокрую от пота.

— Я тоже, — усмехнулся Доминик, — сейчас лучшие умы нашего ордена ломают головы, пытаюсь свести воедино все полученные знания. Над изъятymi книгами трудятся несколько переводчиков и толкователей, но мы так и не выяснили, кем был этот колдун. Даже подлинного имени его не знаем. Он невероятно силён, но, насколько нам стало известно, сила его имеет массу ограничений, более того, она отличалась периодичностью по сезонам года и даже по дням недели. Также она зависела от его нахождения в конкретной географической точке.

— Есть мысли, где его можно найти? — охотник вынул из шкафа мыло и полотенце, — сейчас он вполне может искушать других христиан, предлагая им взамен знания и силу.

— Может, более того, я уверен, что именно этим он сейчас и занят. Что же касается места, то тут мы можем рассматривать всю землю. Своим адептам он говорил, что бывал в Китае, Индии, Персии, Аравии, посещал с караванами Египет и Ливию, даже общался с колдунами на севере Швеции, которые, вроде бы, хранят какой-то языческий культ (это, кстати, повод наведаться туда и проверить, Шведский король — добрый католик и активно с

нами сотрудничает).

Более инквизитор ничего сообщить не мог, он удалился к себе, а Морт, пытаясь утрясти в голове всё услышанное, собрался в помывочную. Привычка мыться у него была с детства, к этому приучил его отец, многие святые братья смотрели с подозрением, но, как и многое другое, эту странность ему прощали. Вот и теперь он отдал рубашку в прачечную, откуда получил новый комплект чистого белья. Горячую воду получилось набрать на кухне, где почти всегда имелся большой котёл с кипятком. Теперь, уединившись в каменном мешке, где на полу имелся сток для воды, он спокойно начал намыливать себя с головы до ног. Уже в самом конце, когда он промокнул тело чистым полотенцем, в голове возникла некая мысль. Некоторое время он обдумывал её, после чего спешно начал одеваться.

Увы, к тому моменту, когда он добрался до инквизиторов, его догадка уже устарела. Когда он вошёл, святые братья о чём-то ожесточённо спорили, спор был настолько жарким, что казалось, будто инквизиторы вот-вот пустят в ход кулаки. Его появление вызвало растерянность, спор затих, а брат Доминик повернулся к нему и спросил:

— Что-то случилось?

— Возможно, — ответил Морт, — не уверен, что моя догадка что-то даст, но тот самый колдун, о котором мы говорили, он ведь много путешествовал, так?

— Так, — подтвердил инквизитор, — обычно с караванами, а что?

— Колдун, с которым мы имели дело в прошлый раз, тот, что обратился барона Минца, он ведь искал деньги на какое-то путешествие, я подумал, что, может быть...

— А вы неглупый человек, Морт, — заметил брат Михаэль, один из дознавателей, — брат Доминик, доведите ему то, что мы сами только что узнали.

— Пойдём, Петер, — спокойно сказал инквизитор, кивая на дверь, — ты молодец, твоя догадка абсолютно верна, осталось решить, что нам делать дальше.

Когда они вернулись в келью охотника, инквизитор затворил дверь, словно боясь, что кто-то может их подслушать. Он присел на стул и начал негромко рассказывать:

— Сегодня проводили очередной допрос князя, точнее, уже бывшего князя, Зриньи. Это один из первых адептов секты того самого колдуна. Он, в отличие от остальных, несколько не раскаивался в содеянном и на сотрудничество со следствием не шёл, поэтому мы были вынуждены применить пытки. Надо отдать должное нашим мастерам, они умеют разговорить любого. На пытке он показал, что колдун этот поддерживал связь с ними, путём переписки. Это первое, что нас заинтересовало. Второе, мы узнали имя злодея, не уверен, что имя это настоящее, но он им назывался. Звали его Шамаэль. Как ты помнишь, это имя нам уже кое-где встречалось. Также мы выяснили, откуда пришло последнее письмо, его, в силу некоторых причин, нельзя было уничтожить, поэтому мы его достали, оно было вшито в обложку одной из книг. Так вот, письмо это было написано в Англии, в порту Бристоль, написано оно было, к счастью для нас, на латыни, а потому мы смогли ознакомиться с ним подробно.

— И что там?

— Он собирался повторить своё путешествие, вербовать новых адептов и продолжать службу некоему хозяину, а им завещал ждать его через десять лет, продолжать обряды и вербовать новых членов общества.

— Куда он собрался?

— Точно об этом не сказано, но по косвенным признакам мы можем определить, что целью путешествия были английские колонии в Новом Свете, где он пока ещё не был.

Также, по косвенным признакам, можно определить, что он ищет нечто, некие магические артефакты, что разбросаны по свету и должны быть собраны воедино для какого-то действия. Вот, собственно, и всё.

— Для этого он искал деньги?

— Да, но, по правде говоря, колдун такого уровня мог найти более простой способ получения денег, достаточно было попросить их у своих могущественных адептов, хотя, не исключая, что он их уже нашёл. Письмо было написано два месяца назад, то есть, почти сразу после того, как мы потеряли его след.

— И? Что теперь можно сделать? — с подозрением спросил Морт, он уже догадывался, кто именно пойдёт по следу.

— Скорее всего, он уже отбыл на корабле за океан, но нам нужно уточнить его маршрут и принять меры. Придётся поработать в Бристоле. В Англии ситуация для нас гораздо удобнее, чем в Венгрии, поэтому там есть отделения Инквизиции во всех крупных городах, ты прибудешь туда, отметишься, но работать будешь самостоятельно, лишь изредка докладывая о результатах. Ты ведь знаешь английский?

Морт кивнул. Он в совершенстве знал английский, а ещё немецкий, испанский, латынь, мог объясняться на фламандском и итальянском, неплохо знал цыганские диалекты, более того, многие языки он изучал достаточно быстро, просто проживая в стране, где на них разговаривают. Только мадьярский ему отчего-то не давался.

— Официального приказа мы пока не получили, но, думаю, что это вопрос двух-трёх дней. Учитывая недавний конфуз, поедешь туда не один, с тобой отправятся двое святых братьев. Просто для подстраховки.

Тут инквизитор настроился на долгий торг, учитывая склонность охотника везде всё делать в одиночку. Но тот только уточнил:

— Кто именно?

— Решать не мне, — уклончиво ответил инквизитор, — но думаю, что это будут брат Иеремиа и брат Иаков.

Морт не стал спорить, конечно, он привык работать один и надеяться только на себя, но этих братьев он знал и привык доверять им. Оба они не блистали разумом, но были надёжными союзниками в любой драке, кроме того, они умели при желании маскироваться под обычных людей и не раз участвовали в засадах. Но главное — оба были уроженцами тех мест, знали язык и местные обычаи. А брат Иеремиа, кроме прочего, даже какое-то время служил матросом на торговом судне. Отказываться было бессмысленно, тем более, что начальство отказа не примет.

— Я согласен, — спокойно сказал Морт, — когда отправляемся?

— Скоро, очень скоро, — инквизитор улыбнулся, радуясь в душе, что человек, сидящий перед ним, так верен делу церкви, — но давай дождёмся приказа. И ещё кое-что.

— Слушаю, — Морт поднял глаза.

— Та девушка, Мария, которую мы спасли из лап сектантов, что ты о ней думаешь?

— Думаю? — охотник растерялся, — а что я должен думать?

— Понимаешь, я недавно беседовал с ней, сначала о деле, в котором она, как ты, наверное, помнишь, проходит свидетелем, а потом и об остальном. Она призналась мне, что не особо хочет возвращаться домой, но это не беда, мы могли бы определить её в женскую обитель, где она и сейчас проживает, но её такая жизнь не прельщает, девушка не созрела для того, чтобы посвятить себя Христу. Ты понимаешь?

Морт отрицательно покачал головой.

— Это простая крестьянская девушка, хотя и грамотная, — инквизитор тяжело вздохнул, — её устремления просты: найти хорошего мужа, обвенчаться и нарожать ему кучу детей.

— А я тут причём? — охотник уже догадался, куда клонит инквизитор, но ответить что-то конкретное был не готов.

— Она призналась, что любит тебя, и, разумеется, хотела бы стать твоей женой, ты ещё достаточно молод, не давал никаких обетов, а следовательно, можешь создать семью. Так?

— Какой из меня семьянин? — грустно спросил охотник, — я месяцами пропадаю в разных концах света, регулярно рискую жизнью, убиваю чаще, чем другие обедают, не говоря уже о том, что...

— Это последнее, я уверен, так и останется в тебе, — перебил его инквизитор. — Что же касается остального, то вспомни, как живут жёны моряков или солдат, они ведь точно так же подолгу ждут своих мужей, верность в разлуке — отличное испытание женской добродетели. Риск для жизни тоже всегда сопутствует многим профессиям, при всём этом ты — живой человек. Скажи, неужели тебе не хотелось хоть раз вернуться в свой дом, где тебя встретит добрая ласковая жена, которую ты заключишь в свои объятия? А взять на руки своего ребёнка, своего ребёнка, который улыбнётся и назовёт тебя отцом?

Морт задумался. Сам он никогда не знал материнской ласки, его мать умерла, когда ему было два года, её он не помнил. Отец его, охотник, всю жизнь проживший в лесах, был человеком грубоватым, но сына любил. О нём остались самые тёплые воспоминания. Петер впервые заплакал тогда, когда в десятилетнем возрасте застрелил медведя, который успел за секунду до этого убить отца. Он сидел над ещё теплым телом отца и рыдал, не зная, что делать дальше. Он слышал от других людей, что мёртвых положено хоронить в земле и ставить на могиле крест. Так он и поступил тогда, а потом оставил дом в лесу и вышел в большой мир. А теперь он сам станет отцом, а кто-то будет смотреть на него так, как он смотрел на своего отца. Мысль была заманчивой, но, в то же время, вызывала растерянность.

— Я понимаю, что тебя мучает, — продолжал Доминик спокойным, даже ласковым тоном, — ты думаешь, что обзаведясь семьёй, станешь слабее, но это не так. Сейчас ты бездумно идёшь на риск, это приносит пользу нам, но, рано или поздно, погубит тебя. А я, как и другие мои братья, предпочитаем видеть тебя живым и счастливым. Семья — тот якорь, что удержит тебя на этом свете. Тебя никто не торопит, поговори с ней, реши, что важнее, как знать, может быть, всё у вас получится и в мире появится ещё одна счастливая семья.

— Хорошо, — со вздохом сказал Морт, — я поговорю с ней, где она?

— В обители, но скоро будет здесь, я на всякий случай послал за ней, якобы для дачи показаний.

В предусмотрительности брату Доминику сложно было отказать, поэтому, как только он удалился, дверь в его келью отворилась и в ней показалась Мария, немного смущённая, но улыбкавая.

— Мне сказали, что ты меня ждёшь, — сказала она, присаживаясь на край кровати.

— Да, конечно, — с грустью ответил Морт, не зная, с чего начать разговор, — брат Доминик сказал мне о твоих чувствах, ты хорошая девушка...

— А ты — хороший мужчина, — она широко улыбнулась, — почему ты не женат?

— Работа не располагает к женитьбе, — честно признался он, — но, сказать по правде,

я теперь задумался об этом.

— И? Что надумал? — в голосе её появилась надежда.

— Я не против, — выдавил из себя он, — но мне жалко тебя, зачем нужен муж, который пропадает подолгу в других странах и занимается слежкой и убийствами?

— Затем, — с нажимом произнесла Мария, — что я люблю тебя, мне неважно, кто ты и чем занимаешься, я хочу быть твоей женой и буду ждать тебя хоть всю жизнь.

Последние слова она едва не выкрикнула, а на глаза её навернулись слёзы. Морт вздохнул, ещё немного подумал, потом, видимо, приняв решение, твёрдо сказал:

— Иди к брату Доминику, пусть готовит венчание, да побыстрее, пока я не передумал.

Слёзы у Марии испарились в один момент, она выскочила в открытую дверь и помчалась по коридору.

Глава семнадцатая

Англия, порт Бристоль, 13.12.1698 г.

Погода бала мерзкой, шёл мелкий дождь, переходивший временами в мокрый снег, который тут же таял и добавлял грязи на улицах. Люди всё теснее набивались в портовый кабак, где можно было хоть немного согреться. Этому служили большой камин, где весело полыхало пламя и добрая выпивка, что грела замёрзших людей изнутри не хуже настоящего пламени.

За дальним столиком, у крошечного окна, сидели трое. Первых двоих любой наблюдатель определил бы, как матросов, временно оказавшихся на берегу. Это были молодые парни, чем-то похожие друг на друга, оба могучей комплекции, широкие в кости и с улыбочивыми лицами. Третий от них резко отличался, маленький, худой, бритый наголо и с нездоровым бледным лицом. Он сидел закутавшись в плащ и держал в руках кружку с джином, тогда как его собеседники обходились пивом.

Отхлебнув ядрёного пойла, он закусил его кусочком вяленой рыбы и спросил, обращаясь сразу к обоим:

— Когда придёт ваш информатор? — они говорили по-английски, чтобы не вызывать подозрения окружающих, тем более, что ничего секретного в их речах не было.

— Сказал, будет свободен после полудня, — Джереми пожал плечами и отхлебнул пива из кружки, — уже должен был прийти.

Он оглянулся и пробежал взглядом по толпе, нужного человека не было.

— Что у тебя, Джек? — Морт повернулся ко второму брату.

— Говорил с одним, — неуверенно сказал тот, — он кое-что вспомнил, что был тут, дескать, кто-то, кто вербовал команду на корабль. Это был не моряк, он ничего не понимал в морском деле, но хотел набрать команду.

— А подробнее?

— А подробнее он не знает, поскольку сам того человека не видел, кроме того, он чего-то боится.

— Чего-то?

— Сказал, что тем человеком заинтересовались местные, ну, те, без кого здесь ничего не делается. Послали за ним следить. А потом того, кто следил, нашли на пирсе, выпотрошенного, словно рыба. И ещё он шёпотом добавил, что потрошили не ножом, а, вроде бы, когтями.

— И? Местные воротилы это проглотили?

— Они ничего не успели сделать, той же ночью бриг «Святой Николай», отчалил, взяв курс, вроде бы, на запад.

— Вроде бы?

— Никто точно не знает, сменить курс они могли сразу, как только вышли из порта.

Тут разговор прекратился, поскольку в кабаке появился тот, кого они ждали. Это был немолодой мужчина, одетый в засаленный мундир, бывший когда-то мундиром военно-морского флота. Выглядел он плохо, видно было, что человек этот пьёт, пьёт давно и помногу.

Джереми едва заметно кивнул ему, приглашая присесть на свободный стул. Взяв направление, гость пошёл к ним, расталкивая локтями пьяниц, которые постепенно заполняли кабак. Грузно присев на стул, он оглядел всех троих и, определив главного, представился:

— Джордж Стейн, лейтенант флота Его Величества... бывший, разумеется.

— Питер Морт, — представился охотник, не вдаваясь в подробности.

— Я знаю, что вас интересует, — бывший лейтенант, не спеша, пригладил седые сальные космы на голове, потом достал из карман несвежий платок и шумно высморкался, — я могу вам кое-что рассказать об этом, вот только...

Джек достал заранее приготовленную бутылку, выдернул пробку зубами и налил в запасную кружку.

— Ром, — Стейн шумно потянул носом, вдыхая запах напитка, — настоящий, с Ямайки, лучше не придумать.

Он приложился к кружке и запрокинул голову, кадык ходил вверх-вниз, пока он не выпил всё до дна, не пролив при этом ни капли. Поставив кружку на стол, он отдышался и вытер рукавом подбородок, которого давно не касалась бритва. Ром подействовал, бывший лейтенант приободрился, а взгляд его стал более осмысленным.

— Итак, джентльмены, я готов к разговору, задавайте ваши вопросы.

— Нас интересует один человек, — начал Морт, — около месяца назад он нанял корабль, на который и вербовал команду. Бриг «Святой Николай», знаешь о таком?

Стейн усмехнулся.

— Знаю ли я? Знаю, знаю даже больше. Знаю, что «Святой Николай» ещё недавно был «Морским львом» его отняли у команды из Амстердама, которую, по слухам, отправили на корм рыбам. А потом, чтобы побыстрее избавиться, продали тому, кого вы ищете.

— Это неважно, — Морт поморщился и ещё раз отхлебнул из кружки, — кто этот человек? Ты его видел?

— Видел, но лучше бы мне с ним никогда не встречаться. До сих пор помню его глаза, что прожигали меня насквозь, а его голос всё ещё звучит у меня в ушах.

— Мне это не интересно, — оборвал Морт моряка, — как он выглядел?

— Выглядел, — Стейн попытался вспомнить, — выглядел он обычно. Респектабельный джентльмен, с деньгами, хорошо одет. Всё, как обычно, если не говорить с ним и не заглядывать ему в глаза.

Морт достал из кармана кусок бумаги и разложил на столе.

— Похож? — спросил он, тыкая пальцем в изображение, это был портрет, нарисованный лучшим художником Инквизиции со слов покойного барона Минца.

— Да, думаю, это он и есть, — задумчиво проговорил Стейн, — только у него ещё борода была, небольшая, вот тут.

— Что ему было нужно? — спросил Морт, убирая бумагу.

— Нужны были люди, команда, которая поведёт корабль туда, куда он скажет.

— Он предлагал наняться?

— Не просто наняться, он предлагал мне стать капитаном на судне, понимаете? Матросов набрать недолго, их тут постоянно ошиваются целый табун, но для плавания нужен капитан. Матросы умеют ставить паруса, мыть палубу и, в крайнем случае, ворочать штурвал. Этого недостаточно, нужен тот, кто вычислит курс.

— Куда он хотел попасть?

— Точно он не сказал, а спрашивать я побоялся, куда-то в Новый Свет, а куда именно, неизвестно. Сказать он должен был в день отплытия.

— Команду он набрал?

— Да. Набрал. — Стейн незаметно указал на кружку, и Джек налил ему ещё. — Не команда та состояла из... не знаю, как вам сказать, представьте себе человеческие отбросы, так вот, если рассмотреть большую толпу таких и выбрать среди них совсем уж конченных людей, то получится эта его команда.

— Зачем они ему?

— Понятия не имею, — честно признался Стейн, — дело в том, что даже на пиратские суда капитаны избегают брать таких. Эти люди — плохие моряки, они могут резать глотки, но и это делают плохо. Я бы взял таких только затем, чтобы выйти в море и затопить корабль. Вместе с ними. Таких не жалко.

— А что с капитаном?

— Я дал своё согласие, а он выдал мне... — бывший лейтенант отхлебнул рома и полез в карман, — вот такую штуку, и... немного денег.

На стол легла свинцовая бляха, размером с монету, покрытая неизвестными знаками.

— Почему же ты здесь? — спросил Морт, разглядывая новый предмет, знаки ему ни о чём не говорили, но сам факт вручения бляхи был весьма интересен.

— Я испугался, — признался Стейн, — в ночь, когда следовало отплывать, я пил, пропивая полученные деньги. Ром приглушает страх, это верно, вот только не в этом случае. Чем больше я пил, тем больше боялся. Я уже понял, кто он и зачем ему мы, понял, что никто из нас не вернётся из этого плавания, а потом, ближе к рассвету, когда следовало уже быть на борту, я бросил всё и побежал. Подальше от порта, от моря, от города, бежал туда, где меня никто не найдёт. Даже он. Я спрятался у одного своего друга, он приютил меня в своём доме. Ночью кто-то пришёл и ломился в дверь, но выломать не смог, только напугал до смерти и меня и самого хозяина. А утром, когда мы осмелились выйти, на двери были следы когтей, огромных, как ножи. Больше такого не повторялось, я понял, что он оставил меня в покое и ушёл на корабле. Вряд ли навсегда, такие, как он, никому ничего не прощают. Остаётся только надеяться, что выпивка прикончит меня раньше, чем он вернётся.

— Ты хочешь сказать, что они отправились без капитана? — уточнил Морт, незаметно убирая знак в карман, реакция Стейна была понятна, более того, старый пьяница оказался очень умён и поступил правильно.

— Был ещё один человек, — информатор снова приложился к кружке, — Рыжий Эванс.

— Он может заменить капитана? Спросил Морт.

— Думаю, что да. Понимаете, этот человек всю жизнь в море, он грамотный, многое знает и ничего не боится, его ждала бы лучшая судьба, если бы не его происхождение. Оно у него на роже написано. Мать его происходила из карибов, а отец был на четверть чернокожим, цветом кожи он напоминал негра, но при этом рыжие волосы и глаза разного цвета, один чёрный, другой синий. Он точно мог бы командовать судном, но вместо этого пьянствовал в порту, дожидаясь возможности наняться матросом. Это, наверное, единственный стоящий человек из всех, кто нанялся на корабль. Я буду молить Всевышнего, чтобы он вернулся живым.

— Думаю, он доживёт до конца плавания, — заметил Морт.

— Само собой, — Стейн усмехнулся, — без него корабль просто пропадёт в океане. Кроме того, этот человек расспрашивал меня, сколько нужно людей, чтобы управлять

кораблём. Минимальное количество. Подозреваю, что команда ещё в пути сильно сократится в числе.

— И сколько же нужно?

— Четверо, вместе с капитаном. Но эти люди не будут ни есть, ни спать, такое допустимо только в крайнем случае.

— Что-то ещё можешь рассказать? Есть мысли, куда он мог направиться?

— Никаких, — честно ответил моряк, — Новый Свет велик, там куча гаваней, от северной до южной оконечности. Не могу сказать точно, кто-то из команды мог что-то знать, но они уже не расскажут.

— Они с кем-то говорили?

— В последнюю ночь они все напились, как свиньи, а потом пошли в бордель, пользуясь тем, что нашли немного денег. Не знаю, как их туда впустили, там приличное заведение, а эти, с позволения сказать, матросы, были грязны и воняли, как куски дерьма больного чумой хряка. Не завидую тамошним девкам.

— Ясно, — Морт поморщился, на самом деле ничего было не ясно, — держи, если вспомнишь что-то ещё, знаешь, где нас искать.

Приняв от охотника тощий кошелек с серебром, Джордж Стейн прихватил недопитую бутылку рома и нетвёрдой походкой направился к выходу.

— Что будем делать? — мрачно спросил Джереми, быстро раздобыв ещё две кружки пива.

— Вариантов у нас немного, — заключил Морт, — хорошо бы поговорить с девками в борделе. Сегодня ходим.

— Мы давали обет, — напомнил Джек, — мы ведь святые братья.

— Не нужно вслух говорить лишнего, — напомнил Морт, — кроме прочего, вы давали обет послушания, кроме того, это не самый страшный грех, когда мы зайдём в местное отделение Инквизиции, я попрошу, чтобы вас исповедовали и отпустили грех, сошлётесь на мой приказ.

— Я понятия не имею, что нужно делать, — честно признался Джек, — я никогда не был с женщиной.

— Это падшие женщины, — напомнил Морт, допивая джин и поднимаясь из-за стола, — они всё умеют и всё сделают сами. Тебе важно другое, попробуй их разговорить. То, что однажды в их заведение пришла толпа оборванцев с деньгами, должно отложиться в памяти, кто-то что-то мог сказать, а они слышали. Другого пути у нас всё равно нет.

Бордель, о котором говорил Стейн, находился довольно далеко от порта, здесь было относительно спокойно, никаких толп, никаких пьяных, спящих под забором. Заведение, в самом деле, было приличным, девки предлагались относительно молодые, они регулярно мылись, а раз в неделю их ещё и осматривал врач. Цены тоже были солидные, но деньги у них были, можно было начинать. Заведовала заведением немолодая женщина, сохранившая остатки красоты, которая, наскоро оглядев пришедших, определила им три комнаты, а потом предложила на выбор местных женщин. Святые братья ступшевались, поэтому Морт сам выбрал по паре относительно свежих женщин на каждого и отправил их развлекаться, сказав шёпотом, чтобы не забывали о деле. Выбрал он пару и для себя, взяв за руку одну из самых молодых девушек, он повёл её в комнату.

Примерно через час, когда упражнения были закончены, Морт вышел в холл, добиться чего-либо от проститутки он не смог. А любовные упражнения его особо не прельщали, хотя

о них он тоже не забыл, пусть и не получив должного удовольствия. Она отлично помнила тех, кто был здесь в ту ночь, но вот их разговоры в памяти не отложились, пришлось заплатить ей пару монет за старание и отпустить. Святые братья, по всей видимости, дорвавшись до запретного, прекращать не собирались, прислушавшись у дверей их комнат, Морт различил скрип кроватей и притворные стоны. Проходя к выходу, он снова столкнулся с хозяйкой (или управляющей) заведения. В голову пришла запоздалая мысль, что эта женщина может знать больше.

— Скажите, а нельзя ли мне побыть с вами, пока мои спутники развлекаются?

Женщина сидела за прилавком, положив на него свою немалых размеров грудь, услышав его голос, она удивлённо подняла глаза.

— Я понимаю, что это неожиданно, — Морт попытался включить своё обаяние, которого у него отродясь не было.

— Я давно не занимаюсь этим, молодой человек, эта часть моей жизни осталась в прошлом.

— Но, может быть, на вас подействует обаяние молодого человека? — Морт попытался придать себе дружелюбный вид, получилось плохо.

Женщина рассмеялась. Мелкий невзрачный охотник особым обаянием не блистал.

— Мне нравится ваша смелость, предлагаю просто посидеть с бокалом вина и поговорить.

— Это как раз то, что мне нужно.

В холле заведения был небольшой столик, куда они и присели, прихватив бутылку испанского вина и вазу, наполненную сушёными фруктами. Разлив вино в два красивых стеклянных фужера, Морт протянул один из них даме и начал разговор:

— Зовут меня Питер Морт, хотя имя моё вам ни о чём не скажет...

— Имя не говорит, — перебила его хозяйка, — говорит другое. Например, ваш акцент, вы явно с материка, скорее всего, из Германии, так?

— Именно, — кивнул головой охотник, о месте своего рождения он обычно не говорил, проще было считать себя немцем.

— А эти двое, что пришли с вами, несмотря на внушительный внешний вид, выглядят несмелыми, я бы сказала, что они либо монахи, либо просто воспитывались при церкви.

— Вы очень проникательны, — заметил Морт, отметив про себя, что с такими помощниками инкогнито сохранить непросто.

— Так что же привело столь странную компанию в моё заведение? — спросила она, пригубив вино, — вам явно что-то нужно, и это отнюдь не любовные утехы.

— Сказать по правде, нам нужно было узнать кое-что.

— Спрашивайте, если смогу, то отвечу. Кстати, меня зовут Глори.

— Очень приятно, а я... — Морт вспомнил, что уже представлялся, — в общем, нас интересует один момент, около месяца назад сюда заявила толпа оборванцев при деньгах.

— Да, я их помню, — Глори поморщилась, — отвратительные создания, но ради денег пришлось потерпеть.

— Так вот, — продолжил Морт, также приложившись к бокалу, вино было отменным, — они получили деньги, нанявшись на корабль. Меня интересует, куда этот корабль направлялся?

Глори задумалась. Вряд ли она ничего не помнила, способность слушать запоминать и делать выводы была у неё развита отлично.

— Точно сказать не могу, но кое-что они говорили, вряд ли этот сброд разобрался в географии, но один обронил фразу про леса и болота, а другой сказал что-то про остров или полуостров. Ещё одна из девушек говорила про незнание испанского языка, о котором жалел один из них.

Морт облегчённо вздохнул. Он географию знал хорошо и примерно представлял, где находятся испанские владения. Это сильно сужало круг поисков.

— Флорида? Юкатан? Куба? — спросил он вслух, надеясь, что хозяйка вспомнит названия.

— Ничего такого я не слышала, — честно призналась она, допивая вино, — уже поздно, что вы планируете делать дальше?

— Собираюсь дождаться своих спутников и отправиться домой, — ответил ей Морт.

— Думаю, ваши спутники сами найдут дорогу, — сказала она, посмотрев ему в глаза, — я подумала, что уже очень давно не была с мужчиной, мне это было не нужно, сами понимаете, то, что всегда было твоей работой, сложно воспринимать, как удовольствие. Но беседа с вами, пусть и короткая, мне нравится. Как и вы сами.

— Я понимаю, — кивнул Морт.

— А раз так, то, думаю, нам стоит продолжить разговор в более приятной обстановке.

Морт хотел было заикнуться о том, что женат, но, после визита к проститутке, это было бы нелепо. Поэтому он встал, взял свою собеседницу за руку и направился во внутренние покои дома. Там они оказались в просторной спальне с массивной деревянной кроватью, застеленной чистыми простынями и с множеством подушек. Здесь было мало света, но он и не требовался. Женщина села на кровать повернувшись к нему спиной и посмотрела на него. Поняв намёк, охотник начал расстёгивать пуговицы на платье. Это заняло несколько минут, после чего жёсткий корсет упал вниз, а Глори облегчённо вздохнула. Повернувшись к нему, она взяла его рукой за бритый затылок и притянула к себе. Морт непроизвольно ответил, что сила у неё отнюдь не женская. Поцелуй затянулся, а в процессе хозяйка избавляла от лишних предметов одежды себя и его. Когда на ней осталась только нижняя рубашка, настолько прозрачная, что не скрывала ничего, а на нём одни подштанники, Морт потянулся, чтобы задуть свечу, но она его остановила.

— Это ни к чему, помни, кто перед тобой.

Оставив попытки, он запустил руки под рубашку, некоторое время они боролись со складками материи, после чего последняя деталь одежды отлетела в угол. Она откинулась на спину и предоставила Морту покрывать поцелуями её роскошное тело. Нельзя было сказать, что недавняя работа теперь не доставляла ей удовольствие. Женщина стонала и извивалась, всё крепче прижимая его к себе, когда они, наконец, слились в одно целое, стон хозяйки слышали, наверное, все, кто был в доме.

Продолжалось это до утра, когда хозяйка, вроде бы, заснула, Морт осторожно выскользнул из её объятий и стал одеваться. При этом он старательно убеждал себя, что эта измена жене была необходима, что так было нужно для дела. Он обязательно потом покается. И перед ней тоже.

— Будешь в отделении, — пробормотала Глори, не открывая глаз, — передавай привет брату Патрику.

— Обязательно, — ответил охотник, ничему уже не удивляясь.

Глава восемнадцатая

Святые братья встретили его в номере гостиницы, оба были хмурыми и слегка пьяными, а на столе стояла полупустая бутылка джина. Увидев его, они слегка приободрились.

— Мы не должны были этого делать, — с упрёком напомнил ему Джереми, — обет безбрачия...

— Не начинай, пожалуйста, — перебил его Морт, — это было под моим принуждением, кроме того, все мы старались ради святого дела. Скажи лучше, что удалось найти.

— Флорида, — буркнул Джек, наливая джин, — это слово обронил один из моряков.

— Вот и всё, — обрадовался Морт, — эта информация оправдывает ваш невольный грех.

— Дело не только в однажды совершённом грехе, — проворчал недовольно Джек, опрокидывая в рот спиртное.

— Тебе понравилось? — с улыбкой спросил Морт, — так даже лучше, теперь следование обету будет для тебя настоящим подвигом. Сейчас мы пойдём в резиденцию, а там вы сможете исповедоваться. Думаю, грехи вам отпустят.

Так и вышло, братья отправились на исповедь, а сам охотник пошёл на доклад к руководителю местного отделения Инквизиции. Тот принял его радушно, тем более, что уже знал об их миссии и готов был оказать всевозможное содействие.

Усадив Морта за стол, он сел напротив и приготовился слушать.

— Вам, наверное, сообщили, что мы проводим расследование.

— Разумеется, — глава местного отделения, брат Патрик, был немолодым худощавым мужчиной высокого роста, с большой залысиной и живыми глазами, — мы получили письмо, в котором объяснялась цель вашей миссии, но там также упоминалось, что миссия секретна, подробности известны ограниченному кругу людей, и нам не следует вмешиваться, если вы сами не попросите помощи.

— Секретность теперь ни к чему, — развёл руками Морт, — тот, кого мы должны были выследить, благополучно отбыл на запад, предположительно, во Флориду.

— Вам удалось это разузнать, поздравляю. Как зарекомендовали себя братья?

— Сказать по правде, они верные сыны церкви, достойны уважения, вот только маскироваться под мирян умеют плохо. Например, содержательница публичного дома нас раскусила очень быстро и даже просила передать вам привет.

— Понимаю, Глори, да простит Всевышний её многочисленные прегрешения, давно и надёжно служит нам в качестве осведомителя, — ответил брат Патрик с улыбкой, — очень многое удаётся узнать у подвыпивших мужчин, не умеющих держать язык за зубами. Что же касается братьев, то тут перед нами стоит нелёгкий выбор, либо использовать верных сынов церкви, для которых верность обетам стоит выше, чем хорошо сделанная работа, либо довериться беспринципным людям, вроде вас, которые умеют притворяться кем угодно, но и надёжность их оставляет желать лучшего.

— Сейчас их исповедуют, — напомнил Морт.

— Да, брат Джозеф их выслушает и отпустит грехи, не утруждая их епитимьей. А нам следует решить, чем заняться теперь. Из письма я узнал, насколько опасен субъект, которого вы преследуете, думаю, следует отправиться за ним в Новый Свет.

Морт вздохнул. Раньше его бы это несколько не смутило, зато теперь, когда он женат и

есть на свете женщина, что ждёт его и тоскует, подобное путешествие казалось ему обременительным. Их семейная жизнь длилась только десять дней, а теперь наступила долгая разлука.

— Разумеется, сначала мы свяжемся с руководством, — продолжал Патрик, — ради экономии времени сделаем это напрямую, минуя Лондон, туда я потом пошлю подробный отчёт.

— Не нужно, — хмуро ответил Морт, — ради экономии времени вы отправите подробный отчёт и в резиденцию, а сейчас потрудитесь найти корабль, который доставит нас к берегам Флориды.

— Хорошо, — задумчиво сказал Патрик, — но военные корабли туда не ходят, это владения испанской короны, а отношения с Англией...

— Зато ходят торговые, — перебил его Морт, — нам не так много нужно, только доставить трёх пассажиров через океан, хотя я предпочёл бы отправиться в одиночку. В конце концов, не нужно заходить в гавань, достаточно подойти поближе, посадить нас в шлюпку и отправить в сторону берега.

— Мы так и поступим, — сказал ему Патрик, — пока отдыхайте, а завтра будем искать подходящий корабль.

— Сколько займёт дорога? — спросил Морт, поднимаясь с места.

— Около трёх недель в одну сторону, — объяснил Патрик, — возможно, быстрее, зависит от погоды и попутного ветра. А это важно?

— Важно, — ответил Морт, но не стал упираться на разлуку с женой, — следует помнить, что тот, кого мы преследуем, не станет дожидаться нас в порту, у него уже есть фора в один месяц, а теперь ещё добавим время на дорогу.

— Иных путей нет, корабль — самый быстрый транспорт из тех, что нам доступны.

Говорить было больше не о чем, Морт встал и направился к выходу, там он столкнулся с обоими братьями, которых священник выталкивал из своего кабинета, повторяя, что их грехи отпущены, только нужно ещё десять раз прочитать «Отче наш». Братья же, не удовлетворённые несерьёзным наказанием, настаивали на большем. Пришлось взять их за рукава и отвести в сторону.

— Слушайте меня внимательно, — злым голосом сказал Морт, — сейчас мы трое боремся со злом, злом такой силы, что ещё не попадалось нам. Одолеть его мы сможем, но для этого нужно быть умнее, ваша верность обетам — это прекрасно, но дело наше требует работы головой. У вас есть голова? Так вот, запомните, голова вам не только для того, чтобы носить тонзуру, хоть вы её и не носите. Чтобы победить, будьте добры выглядеть, как миряне, не останавливаясь ни перед чем. Очень может быть, что вам придётся резать глотки, вы к этому готовы?

— Это проще, — пожал плечами Джереми, — только лучше не резать.

Он отогнул полу плаща, продемонстрировав закреплённый на поясе боевой цеп. Две палочки, окованные на концах железом и соединённые тонкой цепью с паяными кольцами.

— Ну, да, — облегчённо вздохнул Морт, — дубьё — дело богоугодное. А теперь идём со мной, у нас есть пара дней отдыха, следует ими воспользоваться.

Воспользовались отдыхом они без особой фантазии, отсыпались и отъедались, пока не наступило время лишений, голода и напряжения сил. Для братьев это, впрочем, было бы даже к лучшему, трудности для них были благом, в отличие от подлостей, хитростей и лжи, которые, увы, порой бывают необходимы.

Брат Патрик связался с ними через три дня, вызвал их в свой кабинет и объявил, что завтра на рассвете из порта отправляется судно, которое доставит их в английские владения, откуда рукой подать до испанской Флориды, куда надлежит добираться уже пешком или на другом судне. Новость была встречена с удовлетворением, хотя все трое, разумеется, понятия не имели, что будут делать на месте и как далеко успел уйти объект их охоты.

Наскоро собравшись, они направились в порт. Судно называлось «Королевский лев», это был торговый бриг, почти новый, при этом его зачем-то снабдили шестнадцатью пушками, по восемь с каждого борта. Для полноценного морского боя это было мало, а для купеческого корабля и вовсе казалось ненужной тяжестью. Тем не менее, никто не стал задавать никаких вопросов, капитан, увидев соответствующие бумаги, определил им небольшую каюту, где полагалось сидеть безвылазно до конца путешествия, за исключением случая нападения пиратов, когда три человека, обученные профессионально убивать, придутся как нельзя к месту. Кормёжка им полагалась из офицерского котла, кроме того, к ней прилагалась порция рома, которая была отнюдь не лишней, безделье в пути было бы не менее изнурительным, чем тяжёлая работа.

На рассвете, отсалютовав холостыми залпами из двух пушек, «Королевский лев» снялся с якоря и направился в открытое море. Капитан, который представился им, как Джеймс Кеттлер, объяснил, что плавание будет довольно спокойным, что штормов не ожидается, а нападение пиратов маловероятно, тем более, что взять у них нечего, весь груз составляла почта и несколько пассажиров. Обратно они пойдут с грузом табака и специй, тогда им следует опасаться. Морт принял это к сведению, пираты его не пугали, мандат Святого Престола действовал не хуже самой прочной брони, кроме того, большинство пиратов были англичанами, в зависимости от международной обстановки они, то становились каперами на королевской, то, в случае подписания мира, снова пиратами, спрятавшими свой патент в сундук, в любом случае, на английские суда редко, кто покушался.

Сидение в каюте оказалось условным, Морт выбрался на палубу и активно присматривался к работе матросов, сам он бы далёк от морского ремесла, поэтому с жадностью запоминал, какие действия выполняют люди, как называются снасти, какая конфигурация парусов требуется, чтобы поймать нужный ветер. Всё это откладывалось в памяти, чтобы, в случае необходимости, прийти на помощь. Корабль был довольно тесным, чтобы не мешать работе команды, ему приходилось ютиться у борта, рискуя вывалиться прямо в океанские волны.

Безмятежное плавание продолжалось ровно десять дней. Утром одиннадцатого дня, проснувшись и продрав глаза, Морт ощутил неясное чувство тревоги. Он не мог объяснить, что именно происходило, но это не было простым предчувствием беды, происходило нечто плохое, то, чего не должно быть. Поднявшись на палубу, он ещё более утвердился в своих опасениях. Здесь царил непонятная суета, матросы были взвинчены и даже, кажется, чем-то напуганы. Решив не строить никаких догадок, охотник отправился за разъяснениями к капитану. Тот как раз завтракал у себя в каюте, запивая десерт из фруктов с сахаром дорогим вином, запах которого чувствовался далеко за пределами каюты. Охотника пропустили без вопросов, он считался очень важным пассажиром, отношение капитана к нему было соответствующим.

— Присаживайтесь, Мистер Морт, хотите вина? — предложил он, вытирая губы салфеткой.

— С удовольствием, но не могли бы вы ответить, что произошло на судне, и почему

матросы так взвинчены?

— Вы тоже заметили, — капитан вскинул брови, — да, так и есть, кое-что случилось. Пропал матрос, который стоял на вахте. Ничего удивительного в этом нет, такое часто случается, он мог выпасть за борт, более того, допускаю, что он это сделал намеренно, такое тоже бывает, долговременная изоляция от мира иногда приводит к помешательству.

— Почему тогда все так напуганы? — не понял Морт.

Капитан вздохнул.

— Утром на фальшборте обнаружили кровь, довольно много, это не случайный порез пальца. Можно представить, что матроса этого сначала убили, а потом уже выбросили за борт, а это уже куда серьёзнее. Я допросил всех, но никто не смог ничего сказать. Убийца, если он всё же есть, где-то среди нас.

— Можно посмотреть это место? — спросил Морт, в котором проснулся профессиональный интерес.

Вызванный матрос проводил его к указанному месту, кровь уже отмыли, но часть её успела впитаться. Охотник приложил пальцы к красному пятну на дереве и погрузился в себя. Внутреннее чутьё говорило невнятно. Человек был убит, это ясно, он почти физически ощутил его боль, увидел то, что тот видел в последние мгновения жизни, но облика убийцы не разобрал. Тогда он тихонько позвал то, что сидело в нём, неважно, как это называлось. Снова вспышка света, снова боль, снова падение за борт, но теперь он физически ощутил присутствие чего-то, что не было человеком. А кем? Или чем?

Тут его размышления были прерваны громкой перебранкой, прислушавшись, он понял, что один из матросов спорит с боцманом, первый утверждал, что встретился с пропавшим уже утром, а боцман, как и вся остальная команда, считал, что исчезновение произошло в середине ночи. Матрос стоял на своём и готов был поклясться, чем угодно.

— Ты его видел? — спросил Морт у матроса, подойдя со спины.

— Так точно, сэр, — заявил он, видно было, что он не врёт, напротив, в своих словах уверен, — я поднимался из трюма, а он шёл мне навстречу. А когда я поднялся, то узнал, что его, оказывается, все ищут.

— Как он выглядел? — Морт уже едва не подпрыгивал от нетерпения, он уже почти удостоверился в том, что на борт пробралась нечистая сила.

— Как обычно, — матрос растерялся, — только глаза почему-то прищурил, словно из темноты вышел на яркий свет, хотя шёл-то он с палубы в трюм.

Это было уже кое-что, убийца принял облик убитого, но глаза могли его выдать. Зачем тогда ему было идти в трюм?

— Вы хорошо знаете своих матросов? — спросил он у капитана, который к тому времени закончил завтрак, надел мундир и парик и поднялся на палубу.

— Почти все ходят со мной в десятый раз, новых только трое, в том числе и пропавший.

— Где те двое, которые остались?

Скоро перед ним стояли двое молодых матросов. Оба были напуганы, в чём была немалая заслуга Морта, чего-чего, а страх он умел нагонять отлично. Подойдя к ним вплотную, он посмотрел в глаза каждому, взял за руки, осмотрел одежду, выискивая следу крови, потом даже обнюхал. Это ничего ему не дало. Ну, или почти ничего. Один из матросов пах как-то странно, такой запах присутствовал в библиотеках, бумага, типографская краска и сырость, пополам с мышинным помётом. Это показалось странным, но никак не служило доказательством вины.

Матросов он отпустил, а сам присел на небольшую бухту каната и погрузился в раздумья. Чуть позже к нему подошли Джереми и Джек.

— Что здесь было? — спросил Джереми.

— Сам пока не знаю, — честно признался Морт, — но есть ощущение чего-то очень плохого. Есть у меня мысль, что это не последнее убийство на корабле.

— Надо найти убийцу, — решительно сказал Джек.

— Убийца тот не обязательно из плоти и крови, — напомнил Морт, — допускаю, что это как-то связано с нашим делом.

Скоро к ним подошёл ещё один человек, он тоже был пассажиром на борту, как и они, только, в отличие от них, он был человеком благородного происхождения и отнюдь не бедный. Звали его, кажется, Моррис, мистер Моррис. Если Морт правильно понял, то это был землевладелец, наживший неплохое состояние в самой Англии и решивший переехать на жительство в Новый Свет, где возможностей для дальнейшего наживания богатства имелось гораздо больше. Высокий мужчина, чем-то похожий на сержанта Алоиса, только старше последнего лет на пятнадцать. В путешествии его сопровождала жена и дочь, надо полагать, дочь была от первого брака, поскольку была ровесницей жены. Женщины обычно сидели в каюте, тогда как отец семейства позволял себе прогулки по палубе.

— Вы тоже слышали об этом происшествии? — спросил он с важным видом.

Морт подумал, не стоит ли ему встать в присутствии столь важного господина, но решил, что сойдёт и так.

— Разумеется, у меня даже есть кое-какие мысли по этому поводу.

— Хотелось бы узнать, — важный господин не обратил внимания на бестактность и продолжил стоять.

— Некто убил матроса и толкнул его за борт, это ясно всем. Убийца на корабле, среди нас, это тоже сомнению не подлежит. А тот факт, что убийцей должен быть кто-то из команды, я бы поставил под вопрос.

— Но на корабле больше никого нет, — с удивлением воскликнул господин Моррис.

— Я бы не был в этом так уверен, — Морт как раз был уверен в обратном, — есть у меня мысль, что... капитан?

Капитан был поблизости, видимо, решил взбодрить матросов личным присутствием.

— Чем могу помочь? — спросил он, подобравшись поближе.

Морт всё же соизволил встать.

— Могу я осмотреть багаж судна? Что именно мы везём?

— Гору бумаги, письма, документы, кое-какие вещи. Трюм полупустой, можете сходить и осмотреть.

— Я не брал почти ничего, — добавил Моррис, — только самое необходимое, одежда, документы, деньги, да и те почти все в векселях. Меня там ждут, всё необходимое я найду на месте.

— Если можно, отведите меня туда, — попросил Морт.

Когда он, в сопровождении двух матросов спустился в грузовой трюм, в нос ему ударил запах. Тот самый, что он почуял от матроса. Бумага, краска, пыль, мыши. Доказательств у него не было, но матроса этого необходимо изолировать, так будет спокойнее. Впрочем, может быть и так, что вороватый парень решил пожить в вещах и найти что-то ценное.

Груз выглядел неповреждённым. Большие мешки с бумагой лежали в ящиках, на которых была жирно выведена опись содержимого. Вскрывать каждый мешок, откровенно

говоря, было неперспективно. Да и чутьё подсказывало, что ничего там нет. Нужно искать в другом месте.

Он прошёл чуть дальше. Тут тоже были мешки, но в них содержались объёмные предметы. Один из них привлёк внимание охотника. Очень уж характерная прямоугольная форма. Подняв его, он понял, что внутри находится книга.

— Вскрой мешок, — велел он матросу.

Тот неодобрительно на него покосился, после чего достал короткий нож и вспорол ткань. На пол упала толстая книга в деревянном переплёте, на котором бронзовыми пластинками была выложена отвратительная морда какого-то демона.

— Что написано на мешке? — спросил Морт, не сводя глаз с книги.

Матрос вряд ли умел читать, но надпись постарался найти. Не нашёл, никакого пункта назначения не предполагалось. Присев рядом, охотник попытался книгу открыть, но тут же одёрнул руку, пальцы словно обожгло огнём. Выждав несколько мгновений, он повторил попытку, книга сдалась. Если переплёт выглядел почти новым, то содержимое оказалось куда старше. Страницы были из пергамента, очень качественного, как бы не из человеческой кожи. Да и красноватые чернила вызвали определённый интерес. Присмотревшись внимательно, он различил знакомые буквы. Латынь. Завернув книгу в ткань, он поднялся на палубу.

— Вот это было среди вещей, — сказал он капитану, показывая книгу.

— Что за дрянь? — капитан сморщился от отвращения.

— Пока не знаю, — честно ответил Морт, — адресата нет. Я постараюсь её изучить, а потом выброшу в море. И ещё, капитан, постарайтесь сделать так, чтобы матросы не ходили по одиночке, особенно ночью.

— Это я знаю и без вас, я уже отдал такой приказ, — с недовольным видом сообщил капитан.

Глава девятнадцатая

Атлантический океан 27.12.1698 г.

Сущность, напавшая на человека или иное существо, обычно поглощает его жизненную силу. Получив её, сущность может воплотиться, как живое существо, часто при этом выбирая образ того, кто послужил источником силы, в таком виде она может начать поглощать его и физически, отрывая куски мяса и тем самым ещё более увеличивая свою силу и мощь...

Морт оторвался от книги и задумался. Он уже начал понимать, что именно случилось с тем матросом, вот только была ли книга тому виной, сама по себе она не может действовать, несмотря на свою злую силу. Нужен кто-то, кто заставит её страницы говорить. Или может. Матрос исчез, в то время, как книга спокойно лежала в трюме. Кто-то брал её? Тот матрос? Матроса, кстати, по совету Морта, забили в кандалы, во избежание повторения трагедии. Или это он положил книгу в багаж?

Не придя ни к какому мнению, Морт отхлебнул из кружки почти остывший грог и, пододвинув свечу, снова углубился в чтение.

Часто такие сущности, обосновавшись в мире, выбирают какое-то место, дом, дворец, просто участок земли и делают его своими охотничьими угодьями, когда, вследствие их охоты, место это становится заброшенным и безлюдным, они сами постепенно хиреют и чахнут, медленно стираясь из материального мира. Это обычно занимает сотню лет, или чуть больше, в зависимости от количества сущностей и их силы.

Так, кажется, теперь стало понятно. Сущности, о которых уже множество раз упомянула книга, теперь на этом корабле, они будут поедать экипаж, пока не закончатся люди, потом корабль, лишившись управления, будет дрейфовать по морским волнам, но вряд ли это займёт сто лет. Рано или поздно, кто-то его подберёт, заранее обрадовавшись подарку, и всё начнётся заново.

Пролистав несколько страниц, где совершенно невразумительно описывались нравы этих сущностей, он начал читать абзац, где, как ему показалось, есть что-то важное.

Сущность уязвима в момент воплощения. Контролировать обратный переход в бесплотное состояние она не в силах, это происходит само, когда расходуется полученная энергия. В этот момент, повреждения, наносимые воплощению, будут повреждать и саму сущность. В бесплотном состоянии она не имеет выраженной формы, но повреждения, полученные в телесном виде, повреждают её структуру, после таких повреждений сущность часто не может существовать и покидает верхний мир.

Отличить воплощённую сущность легко, глаза её горят синим огнём, это хорошо видно невооружённым глазом. Также воплощённые сущности не испытывают боли, повреждения они чувствуют позже, когда снова переходят в бестелесный облик.

Морт улыбнулся, это было уже что-то, значит, враг уязвим, а потому, его можно и убить, ну или просто удалить из этого мира, что, в общем, то же самое. Дальнейшие его размышления прервал пронзительный крик, который тут же оборвался. Святые братья, мирно дремавшие в гамаках, попадали на пол, но тут же вскочили, сжимая в руках оружие. Морт вынул нож и побежал на палубу. Крик раздавался с правого борта. Оказавшись наверху, они увидели, что корабли плывёт в густом тумане, который не позволяет разглядеть даже

воду за бортом.

Но кое-что они разглядели хорошо, в тумане стоял некто, кого они определили по светящимся синим глазам. Всё было так, как и написано в книге, сущность, сожрав человека, воплотилась в виде плотского существа, копируя форму жертвы. Теперь она была уязвима. Морт только начал атаковать, но его опередил брат Джереми. Боевой цеп, описав короткую дугу, обрушился на голову неизвестного, которая сразу покосилась набок, брат какое-то время помедлил, размышляя, бить ли снова, но Морт крикнул:

— Бей! Бей ещё, надо успеть!

Удары посыпались один за другим, сам Морт обнажил саблю и несколько раз рубанул сверху. Удары достигли цели, плоть чудовища поддалась стали. В процессе избиения этот некто не издал ни звука, но словно бы уменьшался в размерах. Скоро он вовсе исчез, оставив тело и перейдя к бесплотному существованию. Тут раздался душераздирающий крик, словно бешеного кота засунули в разворошенный муравейник. Даже у привыкшего ко всему Морта кровь застыла в жилах. Некоторое время он простоял молча, после чего обернулся и увидел в тумане команду во главе с капитаном.

— Что это было? — спросил капитан, сжимая в руках кортик.

— Наших врагов стало меньше, — предположил Морт, — один из демонов отправился обратно в ад. Но, подозреваю, это только начало.

— Та книга...

— Я прочитал кое-что, но она сама по себе не может быть источником появления чудовищ, кто-то живой вызвал их.

— Тот матрос, Том, я прикажу бросить его за борт, — прорычал капитан.

— Это не поможет, — поспешил его разочаровать Морт, — звери уже вырвались из клетки, теперь неважно, кто их выпустил, важно, как их загнать обратно. А с матросом я ещё переговорю.

Туман никуда не исчез на рассвете, да и сам рассвет за тяжёлыми тучами был едва заметен. Матросы дежурили на палубе, сжимая в руках оружие, они тряслись от страха и зевали от недосыпа. Оказалось, что пропали сразу трое, только последний успел вскрикнуть, что позволило поймать чудовище в момент воплощения. Вряд ли им снова так повезёт. Нужно читать дальше, а потом выбросить книгу. Морт подумал, что и туман этот здесь неспроста.

До каюты он не дошёл, на пути его остановил Моррис, который был бледен и слегка дрожал.

— Что происходит? — спросил он испуганным голосом.

— Если коротко, то мы в большой опасности, — честно объяснил Морт, — нечистая сила завелась на корабле, она питается людьми и никуда отсюда не уйдёт. Нам предстоит или победить её, или погибнуть.

— Вы справитесь? — с надеждой спросил он.

— Не знаю, — честно ответил охотник.

Допрос матроса ничего не дал, он признался во всём, какой-то господин заплатил ему большую сумму денег за то, чтобы пронести на борт книгу. Он, разумеется, не знал, чем всё закончится, думал, это обычная контрабанда. А теперь было уже поздно, уничтожение книги ничего не даст, нужны другие меры. Какие?

Вернувшись к себе, Морт снова засел за книгу. Текст пришлось пробежать глазами быстро. Среди прочего, он нашёл, как призвать всех чудовищ в одно место. Там был описан

сложный обряд, требующий множества условностей и ингредиентов. Он не служил отпугиванию или порабощению существей, но мог собрать их в одном месте. Для обряда требовалась жертва, жертвой этой становился тот, кто проводил обряд, они съедали его, собравшись вместе.

Крики раздались в разных местах корабля. Выскочив на палубу, они не знали куда бежать, снова исчезли люди, снова сущность воплотилась, но убить её они не успели. Расхохотавшись сатанинским смехом, чудовище, принявшее облик матроса, прыгнуло за борт.

— Капитан? — спросил Морт, обращаясь в пустоту.

— Я здесь, — отозвался капитан, вставая с палубы, лицо его украшал огромный синяк.

— Что с вами, — не понял Морт.

— Бунт, — объяснил капитан, показывая за борт, они захватили шлюпку и сбежали, я пытался их остановить.

Действительно, в клубах тумана видна была лодка, медленно удалявшаяся от корабля.

— Безумцы! — воскликнул Морт, — это вас не спасёт.

Вряд ли его услышали беглецы, но скоро они испытали на себе справедливость его слов. Туман вокруг лодки поредел, послышались крики и чавканье. В лодке встали на ноги семь фигур, который сверкнули синими огоньками глаз, расхохотались и исчезли, а следом и сама лодка разлетелась в щепки.

— Что, если нам закрыться в трюме? — предложил капитан, — они смогут туда проникнуть?

— Смогут, — мрачно сказал Морт, — они проникнут везде, спрятаться от них нельзя, убежать, как мы только что увидели, тоже.

Вскоре выяснилось, что матросу, сидевшему в кандалах, кто-то по собственной инициативе перерезал горло, вряд ли это кому-то поможет, матросы просто отвели душу.

Все они закрылись в трюме, матросов осталось всего двенадцать, а ещё капитан, Морт, двое святых братьев и семья Морриса. Капитан был бледен, он сжимал рукоять кортика и злыми глазами оглядывал остальных. Сущности их пока не тревожили, но это вопрос времени, скоро они проберутся сюда. Даже если получится убить одну или две, их это не спасёт. Морт лихорадочно читал книгу, запоминая последовательность действий. Некоторых монстров можно было успокоить жертвой, но не этих, эти не насытятся никогда. Нужно собрать их вместе и попытаться победить.

Внезапно один из матросов поднялся с места и показал пальцем на Морта.

— Это всё он! — завопил матрос бешено вращая глазами, — он привёл их сюда, проклятый колдун!

Он поднял палку, чтобы броситься в атаку, но не успел ничего сделать, на полпути его голова встретилась с кулаком Джека, и матрос кубарем отлетел в сторону.

В этот же момент из стены высунулось несколько длинных рук, сотканных из тумана, они схватили ещё двоих матросов и капитана, а потом резко дёрнули на себя. Всё заняло только одно мгновение, только эффект теперь был другим, тела их истлели, а при ударе об стену просто разлетелись в прах.

Остальные матросы завопили, обезумев от ужаса и побежали наверх, слышно было, как они прыгают за борт. Моррис с семьёй тоже хотел последовать их примеру, но Морт остановил его.

— Нет! — крикнул он, преграждая дорогу, — способ есть, я попробую.

Вряд ли он сам верил себе, но и пассивное ожидание смерти ему не нравилось. Они вышли на палубу, где уже никого не было. Морт захлопнул книгу и стал готовить обряд.

— Мне нужна ваша дочь, — сказал он Моррису.

— То есть, как это, нужна? — не понял он.

— Мне нужна её кровь, немного, это не смертельно, но может нас всех спасти, — объяснил охотник, — пожалуйста, времени нет.

— Элизабет, — сказал старик упавшим голосом, — иди сюда и делай всё, что скажет этот джентльмен.

Дочь Морриса была напугана до полной потери воли, она побледнела и была согласна на что угодно. При этом она, к счастью, была девушкой крепкой и здоровой, небольшая кровопотеря её точно не убьёт. Оставалось надеяться, что девица не согрешила тайком от отца, для обряда требовалась кровь девственницы.

Закатав рукав её платья, Морт достал нож и аккуратно полоснул по запястью, девица всхлипнула, но не вырвалась, что, впрочем, сделать было непросто, хватка у охотника была железная.

Таская её за собой по палубе, Морт выводил её кровью пентаграмму, она получилась не совсем правильной, но обряду это не повредит, теперь на концах пентаграммы они установили свечи, а Морт, встав в центр, взял в руки книгу и начал читать заклинание. Он говорил медленно, стараясь тщательно проговаривать слова на незнакомом языке. Следовало поворачиваться в разные стороны света, для чего он положил рядом с собой компас.

Скоро стал виден результат. Туман вокруг корабля рассеялся, тогда как вокруг самого Морта он становился всё гуще. Скоро он перестал видеть остальных, вокруг него возникла непрозрачная стена из тумана. С последним словом заклинания внутри этой стены появились они. Приняв форму убитых людей, они окружили его, форма не предусматривала схожести, фигуры состояли из всё того же тумана, принявшего форму тела. Он разглядел среди них капитана. Глаза горели синим огнём. Десятки рук потянулись к нему, но пока не схватили, он знал только одно, они теперь заперты здесь вместе с ним и уйдут наружу, только убив его. Это у них получится легко. По крайней мере, они так думали.

— Жертва, — прошипел тот, кто стоял ближе всех, — он сам, сам к нам пришёл.

Он говорил так, словно перед ним стоял кусок пирога. Вкусного свежего пирога, которого хватит на всех. Морт в ответ промолчал, только покачал головой и повёл плечами, разминая суставы, словно при подготовке к драке. Драться он не собирался, нож этих существ не возьмёт, но у него были другие методы.

Когда призрачные руки уже прикоснулись к нему, он распахнул внутренние двери, выпустив на волю то, что сидело в нём. Неважно, была ли это сила Дьявола, или же его собственная. Главное, чтобы она на них подействовала.

Так и вышло. Сила, словно яркий свет, ударила во все стороны, отразилась от стен, вернулась к нему и снова ударила, сминая окруживших его чудовищ, там, за пределами круга, их бы это не взяло, возможно, Морт смог бы защитить одного только себя. Здесь же им было некуда спрятаться, свет сжигал их, заставлял извиваться и почти по-человечески стонать от невыносимой боли.

— Это он! — раздался слабый голос, — повелитель, мы не знали, прости, не убивай нас!

Повелитель. Слово было сказано. Кто может повелевать чудовищами? Правильно. Морт стоял в недоумении, понимая, что Сатана был прав, это он сам делает, это его сила, и ничья больше. Помучив чудовищ ещё немного, он слегка ослабил напор и сказал:

— Убирайтесь! — голос его рычал, до боли напоминая голос демона, — возвращайтесь в нижний мир и не смейте возвращаться!

Под ногами у них разверзлась бездна, сам он продолжал стоять ногами на пустоте, а монстры ухнули вниз и потерялись в тёмном провале. Он некоторое время постоял так, потом снова затворил ворота личного ада и скомандовал сам себе:

— Всё!

Стены исчезли, исчез и туман, только что застилавший корабль и море вокруг, осталось ясное небо без единого облачка и доски палубы под ногами. Оглянувшись, он разглядел перепуганных спутников и только тогда рухнул в обморок.

Очнулся он уже ночью, когда над головой было звёздное небо, свежий ветер раздувал паруса, а рядом сидел брат Джереми.

— Как ты? — спросил он, увидев, что охотник открыл глаза.

— Нормально, — отозвался он, и сразу же облегчённо вздохнул, голос был обычным, — где мы?

— Посреди океана, — спокойно ответил брат, — точно не скажу, нам удалось справиться с парусами, мы идём на запад, но это всё, что я могу сказать. Капитана нет, вообще никого нет, остались только мы, нас трое, да ещё семья мистера Морриса, отец, его жена и дочь. Надеюсь, мы сможем добраться до берегов Америки.

Надеяться стоило. Тот спившийся моряк, Стейн, говорил, что нужно четверо человек, которые не будут спать и есть, тогда они смогут управлять кораблём. Правда, эти четверо должны быть моряками. Среди них только один матрос, который служил на корабле шесть лет назад. Кроме того, осталось ещё несколько дней пути, смогут ли они не спать?

— Вас нам послал сам Господь, — раздался рядом голос старика Морриса, — только благодаря вам мы остались целы, спасибо вам огромное, мистер Морт.

Охотник только слабо кивнул в ответ, он-то знал, что как раз Господь к их спасению непричастен.

— Где книга? — спросил он.

— Я бросил её за борт, — ответил Джек, — мне было страшно, я думал, что, пока она здесь, они нас не оставят.

— Хорошо, — выдохнул Морт, — так даже лучше.

Это, действительно, было правильно. Книга погубила экипаж, но она же спасла им жизнь. Проклятый колдун, что смог подстраховаться, заложив им на корабль источник смерти, поневоле дал им подсказку и навёл на путь к спасению. Другое дело, что обычный человек вряд ли смог им воспользоваться. Тем более, если он святой брат, нужна была другая сила, которой, как он был уверен, его преследователи обладать просто не могли.

Плавание затянулось, единственный, кого можно было назвать моряком, имел довольно слабое представление о расчёте курса, его усилий едва хватало, чтобы корабль продолжал худо-бедно двигаться на запад. Пройти мимо континента им не грозило, но морские течения могли снести корабль на север, или на юг, что значительно усложнит их путь к цели.

Экипаж, если это сборище дилетантов можно было так назвать, не унывал. Дорога займёт лишние дни, но это не так страшно, запасов на корабле хватает, паруса стоят и даже ветер, вроде бы, попутный. Сам Джереми уверял, что бояться им нечего, но только до того момента, пока они не подойдут к берегу. Рифы и отмели, которые они не смогут обойти, поскольку корабль плохо управляется, могут привести к гибели. Он допускал, что лучше им будет, при появлении на горизонте земли, пересечь в шлюпки и добраться до берега.

Как бы то ни было, а корабль медленно, но верно, двигался на запад. Морт, пользуясь свободной минутой, копался в книгах, найденных в каюте капитана. Там была масса интересных сведений, среди которых имелись и способы установления местоположения корабля. Ночи он проводил, пытаясь сопоставить рисунок звёздного неба с картинками в книгах. Наука эта давалась тяжело, будущие капитаны отдадут ей многие годы, тогда как ему судьба отпустила лишь несколько дней. Широту худо-бедно установить удалось, оказалось, что они не так уж сильно отклонились от курса. Нужно было принять немного на север, чтобы не пройти южнее Флориды, кроме того, по курсу имелась куча островов, где можно пристать и пересечь на другой корабль.

Дни летели быстро, скоро они уже могли вполне сносно управляться с парусами, судно прибавило хода, что не могло не сказаться на настроении «команды». Женщины, в первые дни после случившегося сидевшие в трюме безвылазно, теперь немного осмелели, начали выходить на палубу и даже оказывать помощь остальным.

Землю они увидели, спустя две недели после того, как корабль опустел, но, к всеобщему разочарованию, долгожданная суша оказалась лишь цепочкой скал, торчавших из воды. Кроме морских птиц, там никто не жил, да и пристать к ним было бы затруднительно. Тем не менее, это была земля, следовало думать, что и до обитаемых мест не так далеко.

Однако, всё решилось проще, утром следующего дня, разглядывая в подзорную трубу бескрайние водные просторы, Джереми обнаружил на горизонте корабль. Сначала все обрадовались, но потом появился повод для раздумий. Флаг было невозможно разглядеть, очень может быть, что корабль пиратский, и его экипаж не прочь проверить содержимое трюма, там они, разумеется, ничего полезного не найдут, но и сам корабль имеет ценность, а ненужных свидетелей, которых не так много осталось, отправят на корм рыбам. Джереми коротко изложил свои соображения остальным, после чего решено было повернуть на другой курс и избежать встречи с непонятным судном.

Увы, быстро повернуть они не смогли, а на том корабле были свои наблюдатели. Корабль скоро стал приближаться, два часа спустя, они могли уже разглядеть его подробно. На флагштоке развевался голландский флаг, что вызвало у них вздох облегчения. С Голландией, что входила в состав королевства Бургундия только формально, а на деле была

почти независима, у Англии были натянутые отношения, временами приводившие к мелким войнам из-за дележа колоний и морских путей. Впрочем, конкретно сейчас был мир, поэтому можно было надеяться, что их не затопят артиллерийским залпом.

Залп всё же последовал, когда до голландского корабля осталось не более полумили, там выстрелили из двух пушек, а всего их было пятнадцать по одному борту. Если бы у них сохранилась команда, могли бы ответить и даже вступить в бой. А с хорошими канонирами и расторопными заряжающими вполне смогли бы и потопить наглецов. Но ничего этого не было, все они с трудом смогли бы зарядить одну пушку и выстрелить один раз, после чего оставалось бы только героически погибнуть. Да они бы даже оружейный порт отдраить не успели. Придётся сдаваться на милость голландцев и договариваться.

— Требуют лечь в дрейф, — озвучил Джереми очевидную вещь, — убираем паруса.

— Это опасно? — спросил Моррис.

— Не знаю, — честно ответил Морт, — меня они не тронут, я ведь посланник Святой Инквизиции, о чём есть соответствующий документ, а вам следует упираться на то, что вы гражданские лица и плывёте пассажирами. Это не пираты, договориться с ними можно.

Они послушно убрали паруса и легли в дрейф, скоро корабль голландцев приблизился к ним вплотную, можно было выслать шлюпку, но капитан предпочёл более плотный контакт.

Скоро с борта на борт перекинули сходни, и по ним на корабль важно прошествовал некто в щегольском мундире, белоснежных чулках и треуголке поверх огромного парика. Он опирался на трость с позолоченным набалдашником. Сопровождали его двое солдат с мушкетами, одетых в старомодные кирасы и шлемы, которые уже нигде не носят. Встав на палубе, этот человек, видимо, капитан, несмотря на свою очевидную молодость, оглядел собравшихся, соображая, к кому следует обращаться. Не найдя таковых, он какое-то время смешно жевал губами, отчего тонкие усики на худом лице смешно дёргались. Наконец, он сказал:

— Я - Альберт Ван Белт, капитан корабля «Стремительный», Его Величества короля Бургундии Карла I, — английский язык он знал хорошо, слова выговаривал старательно, — отвечайте, что вы делаете в этих водах, какова цель вашего плавания, где находится порт приписки корабля, каков груз и где ваш капитан?

Это была наглость, даже Морт, невеликий специалист в международных делах, понимал, что все эти вопросы капитан не имел никакого права задавать, уже хотя бы потому, что они находились не в чьих-то территориальных водах, а в открытом море. Но голландский капитан, видимо, почувствовал себя хозяином положения, увидев горстку беззащитных людей. Придётся ему объяснить, что это не так. Если мандат Святой Церкви на него не подействует, то у Морта найдётся мандат противоположного ведомства, тот самый, что висит у него на поясе в ножнах. Оглядев остальных, охотник вздохнул и начал разговор:

— Мы вышли из порта Бристоль, в Англии, шестнадцатого декабря этого года, держали курс в сторону Южной Каролины, о чём подробно написано в судовом журнале, груз на корабле составляет только почта. Кроме того, было шесть пассажиров, они и стоят перед вами.

— Пассажиров я вижу, — капитан улыбнулся, — а что с командой?

— Они погибли, — ответил Морт.

— Все? Каким же образом?

— Объяснить это я не смогу, — честно признался Морт, — в пути с нами произошло нечто, что не поддаётся разумному объяснению, на корабль напала нечистая сила, что

погубила команду и едва не погубила нас.

— Вы держите меня за дурака? — фыркнул капитан, — что за нечистая сила, и куда она потом девалась? Уж не чума ли не вашем корабле?

Последние слова прозвучали тревожно.

— Нет, чумы здесь нет, равно, как и других болезней, — ответил Морт, — о природе этой напасти есть несколько записей в судовом журнале, капитан вёл его почти до самой смерти, можете в этом убедиться. Что же до того, куда она потом делась, то я её прогнал, прогнал насовсем, добрым словом и молитвой.

— Экзорцист? — подозрительно спросил капитан.

— Не совсем, — Морт вынул из кармана бумагу, — я посланник Святой Инквизиции, направлялся в Новый Свет по делам, касающимся поисков одного опасного преступника. Конечный пункт моего назначения — испанская Флорида.

— А остальные? — спросил капитан, просматривая бумагу, столь солидный документ заставил немного убавить спеси, — они тоже с вами?

— Со мной двое святых братьев, — он указал на своих спутников, — они упомянуты в документе, что же касается этой семьи, то они подданные английского короля, направлялись в Чарльстон в Южной Каролине, чтобы остаться там навсегда.

Капитан закончил читать и вернул охотнику документ, тут один из солдат принёс ему судовой журнал, который так и лежал в каюте капитана, раскрытый на последней странице. С письменной английской речью у капитана Ван Белта было гораздо хуже, поэтому читал он медленно, но, по мере чтения, лицо его приобретало мрачный оттенок, а к концу начал дёргаться глаз. Видимо, он уже сожалел о том, что вообще поднялся на борт.

— Здесь говорится о некой книге, — осторожно спросил он, — она ещё на борту?

— Её выбросили в море, — объяснил Морт, — книга была сатанинским артефактом, который призвал на борт потусторонние сущности, но из неё же я узнал то, что помогло нам спастись, увы, слишком поздно, когда команда уже была мертва.

— Что вы намерены делать теперь? — спросил капитан, — ваш корабль почти неуправляем, куда вы намерены плыть?

— Лучше всего, если вы доставите нас вместе с грузом к берегам Южной Каролины, меня, впрочем, можете высадить у берегов Флориды, а корабль, думаю, теперь ваш, если английская сторона не заявит свои права.

— Немного желающих найдётся идти на таком корабле, — заметил капитан, — мы доставим вас, куда следует, а корабль передадим англичанам.

— Мудрое решение, господин капитан, — одобрил Морт, — пусть несколько матросов перейдут к нам, но постарайтесь отправлять менее набожных.

— Я вас услышал, — сказал капитан, после чего поспешил вернуться на свой корабль.

Часть команды голландского судна «Стремительный» перешла на борт «Королевского льва», где сразу же поставили паруса и взяли курс на северо-запад, надо полагать, к берегам Нового Света. Пассажиры, оставшись не у дел, вернулись к своим прежним занятиям, то есть, сидели в каютах и отдыхали от трудов последних дней. Моррис высказывал недовольство поведением голландского капитана, но, к счастью, не делал этого прилюдно. В конце концов, их натуральным образом спасли, в противном случае всех ждала бы куда худшая участь.

Берегов Южной Каролины они достигли всего за три дня, оба судна бросили якорь в гавани Чарльстон после чего капитан Ван Белт отправился на берег, утрясать все

формальности, а Моррис вместе со своей семьёй, собрался сходить на берег. Уже прибыли грузчики, чтобы забрать тюки с личными вещами, а с ними и встречающий, в обязанность которого входило сопроводить почтенного господина к месту, где его ждут. На прощание старик подошёл к охотнику и ещё раз искренне его поблагодарил:

— Благодарю судьбу за то, что послала мне вас, уважаемый мистер Морт, я уже стар для приключений и умереть от лап гнусной твари из Преисподней мне совсем не хотелось. Я не так много проживу на свете, но помните, что здесь, в Новом Свете, у вас есть друг, который всегда придёт к вам на помощь.

— Не стоит благодарностей, — Морт уважительно склонил голову, — я мог бы сделать это раньше, но моё промедление стоило жизни всей команде и замечательному капитану. Что же касается вашей дружбы, то с удовольствием приму её и, если судьба когда-нибудь занесёт меня в эти края, обязательно загляну на огонёк.

Они пожали друг другу руки, после чего Моррис начал раздавать указания грузчикам, а его жена и дочь молча поклонились охотнику, а затем поспешили сойти на берег.

Капитан Ван Белт вернулся на борт мрачным, надо полагать, договориться с англичанами не удалось, и судно всё же пришлось вернуть, ограничившись денежным призом. Морт ожидал, что его вызовут на допрос, но, по всей видимости, хватило бумаги с его письменными показаниями и статуса посланника церкви.

— Что нам делать сейчас? — спросил Морт у капитана, перебравшись на голландское судно.

— Можете остаться здесь и проделать остальной путь по суше, — равнодушно ответил он, но тут же сменил гнев на милость, — но можете остаться с нами, наш дальнейший путь лежит на Кубу, но ради вас мы сделаем небольшой крюк.

— Премного вам благодарен, — отозвался Морт, — думаю, с вами всё получится быстрее. Сейчас я позову братьев.

Корабль был куда быстрее кареты, поэтому плавание вдоль берега отняло у них чуть более суток. Скоро показались берега искомой Флориды. Причаливать капитан не стал, но пожертвовал одной шлюпкой, сказав, что её можно оставить в порту, а он заберёт её на обратном пути. Такое отношение к вещам немного удивляло, но, видимо, Ван Белт хорошо знал местное начальство и доверял ему.

Прихватив нехитрые пожитки, охотник в сопровождении святых братьев погрузился в лодку и, пожелав капитану всего хорошего, оттолкнулся веслом от борта. Море было беспокойным, шлюпку немилосердно раскачивало, поэтому им пришлось налечь на вёсла и как можно скорее грести к пристани.

Стоило им причалить и привязать конец к столбу, как на пристани, в сопровождении двух солдат, появился некий важный господин в шитом золотом камзоле, которые носили в Европе лет пятьдесят назад, и подозрительно оглядев прибывших, обратился к ним на испанском. Морт, в отличие от братьев, язык этот знал, поэтому сразу ответил по-испански:

— Я посланник Святой Инквизиции, моё имя — Петер Морт, со мной святые братья Иеремия и Иаков, — Морт решил играть в открытую, вынюхивать что-либо тайком ему надоело, — мы здесь по неотложному делу, разыскиваем опасного преступника, колдуна и вероотступника. Нам понадобится ваша помощь.

— Энрике Диас, помощник губернатора, — важный господин ощутимо напрягся, в голосе добавилось уважения, — могу ли я увидеть документ, не сочтите бестактностью, но...

— Разумеется, — перебил его Морт, протягивая бумагу, — написано на английском, на

другой стороне то же самое на латыни, — если не понимаете, я могу перевести.

— Нет, не нужно, — ответил помощник губернатора, — я не так хорошо знаю английский, но подписи мне знакомы, а печать подлинная, вам окажут всю необходимую помощь. Только скажите.

— Для начала, — усталым голосом сообщил Морт, — мне хотелось бы отдохнуть. Дайте нам ночлег, а делом займёмся завтра.

— С этим проблем не будет, — Диас улыбнулся, — думаю, в моём доме найдётся пара комнат для святых братьев.

Морт не стал уточнять, что сам он святым братом не является, это, в конце концов, было не так уж важно.

Глава двадцать первая

Сан-Августин Резиденция губернатора Флориды 18.01.1699 г.

Вечером того же дня их ждал довольно роскошный ужин, стол накрыли в одной из многочисленных комнат в огромном дворце, именуемом резиденцией губернатора. Сам губернатор их не принял, сказавшись больным. Впрочем, возможно, так оно и было, местный климат отнюдь не шёл на пользу здоровью. Но это было и неважно, Энрике Диас, его помощник, обладал всеми необходимыми полномочиями, чтобы помочь им в расследовании.

Усевшись за большим столом, где легко разместились бы тридцать человек, они воздали хвалу Господу за счастливое спасение, после чего приступили к трапезе. Во главе стола сидел Диас, который, на правах хозяина, разливал вино в красивые хрустальные бокалы и развлекал путешественников беседой.

В голосе его чувствовалась напряжённость, об истоках которой Морт догадывался. Здесь, вдали от зоркого королевского ока, люди, облечённые властью, ведут себя достаточно вольно. Если казнокрадство и взятки посланника церкви не интересуют, то многие аморальные поступки, вроде разврата с женщинами аборигенов, которые они могут себе позволить (и позволяют), мало понравятся представителю Инквизиции. Очень может быть, что в будущем это повлечёт проблемы, которых никогда не было с местными священниками. Вот только Морт не был фанатиком, рьяно желающим искоренить любой грех с помощью костра и пытки, дело его было совершенно конкретным, остальное же можно оставить на совести местного начальства и королевских инспекторов.

— Поймите меня правильно, сеньор Диас, — начал Морт, пригубив вино, оказавшееся неожиданно хорошим, — это местное?

— Нет, — с улыбкой покачал головой Диас, — мы экспериментируем с виноградной лозой, но наши результаты далеки от идеала, вино привозное, из Испании.

— Оно великолепно, — искренне похвалил Морт, — так вот, я хотел бы вам сказать кое-что, дабы развеять некоторое недопонимание. Дело в том, что посланников Святой Инквизиции часто воспринимают, как фанатиков и моралистов, готовых объявить еретиком любого человека, пропустившего службу или сходявшего к чужой жене. Это не так, грехи людские, даже тяжкие, остаются в ведении обычного духовенства. Ересь и колдовство — преступления, которые не допускают двойного толкования, только они интересуют Трибунал. Не стоит нас бояться или что-то от нас скрывать, мы сделаем своё дело и покинем ваши владения, а если вы окажете нам помощь, то и мы замолвим словечко перед церковью.

— Понимаете, брат Педро, — начал объяснять несколько смягчившийся помощник губернатора, — мы здесь, в провинции, привыкли жить тихо и размеренно, потрясения нас пугают, что же касается грехов...

— Оставьте, сеньор Диас, — махнул рукой Морт, нарезая на ломтики кусок сочного мяса, — вы невнимательно слушали меня, когда я представлялся, я не святой брат, не принимал монашеского обета, я просто охотник, сыщик и следопыт, я работаю на Святую Инквизицию, помогаю раскрыть дела, выследить преступников и арестовать их. Для этого меня и держат, несмотря на отсутствие монашеского звания. Мои спутники дали таковой

обет, но вести расследование они не умеют, а потому сопровождают меня, придавая легитимности документу, который вы, подозреваю, так и не удосужились перевести.

— Не монах? — растерянно спросил Диас, — а разве так бывает?

— Насколько мне известно, нет, — подтвердил Морт, — я единственный, не считая небольшого подразделения солдат и нескольких учёных книжников, что работают на Инквизицию, не дав монашеского обета. Все остальные, кто работает в Инквизиции, — монахи, как правило, из ордена святого Доминика. Их обет, которому они следуют беспрекословно, обеспечивает беспристрастный суд и честность во всём. Увы, расследования часто требуют появления в таких местах и совершения таких действий, которые святому брату напрямую заказаны, да и просто противны. Тогда-то и нужен бывает охотник, не связанный обетом, но от того не менее фанатично преданный ордену.

— Допустим, — не стал спорить Диас, — а всё-таки, что привело вас в наш скромный уголок, неужели и здесь есть гнёзда ереси и, чего доброго, колдуны?

— Один человек, — Морт сделал паузу, — я надеюсь, что это человек, был замешан в страшных преступлениях, которые он совершил во многих местах, в Германии, Венгрии, Османских владениях, он колдун и адепт Сатаны, вовлёкший в свою веру множество примерных христиан, они совершали обряды с человеческими жертвоприношениями, его колдовская сила велика, он опасен и хитёр, поймать его нам никак не удаётся. Мы долго вели его, последний след привёл нас сюда, он отбыл из Бристоля в Англии на корабле «Святой Николай», который следовал сюда. Вы, полагаю, что-то знаете об этом?

Энрике Диас вдруг помрачнел.

— Знаю? Да, знаю, то есть, думаю, что знаю. Название, о котором вы сказали, мне знакомо. Корабль этот до сих пор здесь. То есть... — он растерялся, — названия на нём не было, но на досках обшивки угадывались буквы, их не до конца соскоблили.

— А экипаж? — Морт оставил еду, готовый броситься в погоню немедленно.

— Не могу сказать точно, он прибыл в такое время, когда на пристани никого не было. Они бросили якорь, сошли с корабля и более не появлялись. Есть свидетели, которые видели их. Они говорят, что с корабля сошли только двое. Один из них выглядел, как приличный человек, а второго словно из ада выволокли. Я всяких людей видел, здесь много, кто живёт. Есть белые христиане, есть индейцы, которых мы постепенно загоняем в лоно Святой Церкви, есть негритянские невольники, полно мулатов. Этого человека я не видел, но описали его, как индейца с чёрной кожей и рыжими волосами, ещё сказали, что у него дёргался глаз, а на шее висела связка амулетов. Тот, кто его видел, до сих пор боится. Я сразу не подумал, что это тот самый колдун, только когда вы сказали название корабля...

— Вы правильно подумали, — успокоил его Морт, — это не колдун, это всего лишь его спутник, настоящим колдуном был второй, который выглядел нормально.

— Здесь не так много людей живёт, — заметил помощник губернатора, узнав, что его грехи никого не интересуют, он заметно приободрился, — думаю, мы его найдём, вот только сможем ли арестовать? Вы говорили, что он опасен, а солдаты очень суеверны, как только они узнают, кого мы ищем...

— Не стоит беспокоиться, — сказал Морт, возвращаясь к еде, — от вас требуется только найти его, арест и конвоирование оставьте мне и святым братьям, это наша работа. Думаю, начнём завтра, отдельно замечу, что ваши методы поиска меня не особо интересуют, главное, чтобы результат был.

— Будет, — уверенно сказал Диас, — особенно, если не оглядываться на средства.

Утром начались облавы. Солдаты шарили по городу, хватая всех подозрительных и стаскивая их во двор тюрьмы, откуда поодиночке выдёргивали на допрос. В допросе участвовали помощник губернатора Энрику Диаш, капитан Гарсиа, командовавший солдатами гарнизона, сам Морт и оба святых брата. Причём допросом занимались именно последние, а Диас только стоял рядом и при необходимости переводил слова с одного языка на другой, испанский язык Морта был далёк от совершенства. пытки, которые готовились пустить в ход, не понадобились. Хватало взгляда Морта. Стоило ему посмотреть в глаза очередному проходимцу, вору или скупщику краденого, как тот сразу начинал лепетать всё, что ему известно, капитан и помощник губернатора попутно раскрыли несколько дел о воровстве в порту, убийствах и контрабанде английских товаров.

Злобный колдун сваял дурака, взяв себе в помощники человека со столь запоминающейся внешностью, нашлись те, кто видел его, те, кто видел тех, кто с ним разговаривал, и, наконец, те, кто разговаривал с ним. Оказалось, что все переговоры вёл именно Рыжий Эванс, а сам Шамаэль только стоял рядом и важно кивал.

Но это было уже что-то, быстро выяснилось, что именно им было нужно. Проводник в некое место, находившееся в самом центре полуострова, среди болот и непроходимых джунглей. Таковой нашёлся, в виде одного метиса, пьяницы и бездельника. Тот согласился вести странную парочку в указанный район. Но, получив задаток, незамедлительно напился и обронил пару слов своим собутыльникам. Теперь следовало поднимать солдат и организовывать облаву в джунглях.

Солдат помощник губернатора отбирал лично, в большинстве своём это были молодые стрелки, весёлого нрава, не верящие ни в бога, ни в чёрта. Нашлись и собаки-ищейки, напоминавшие тех, что Морт видел у пастухов в Шотландии, две огромные лохматые твари, способные пополам перекусить волка. А поводок держал чернейший негр, явно привезённый сюда из Африки, но отлично говоривший на испанском языке и одетый, как христианин. Командиром назначили молодого лейтенанта (помощник губернатора, разумеется, в джунгли идти не собирался) по имени Диего Рамирес и ещё дюжина имён, которые Морт благополучно пропустил мимо ушей, запомнив только первые два. Отряд насчитывал три десятка стрелков, вооружены они были тяжёлыми мушкетами и мечами. Морт отметил, что оружие их здорово устарело, но, за неимением лучшего, сойдёт и это.

В путь отправились рано утром, была мысль выступить на лошадях, но, по совету проводника, её сразу отбросили, местность не располагала к конным прогулкам, кое-где было невозможно пройти без топора, а кроме того, часто попадались болота, которые приходилось обходить. Двое индейцев-христиан, которые были проводниками, упирали на то, что начало пути будет лёгким, поскольку имеется дорога, но дальше придётся свернуть в почти непроходимый лес.

Так и вышло, место, где они шли, дорогой можно было назвать условно, просто просека в лесу и хорошо утоптанная тропа, позволяющая солдатам идти в колонну по пять. Справа и слева была непролазная чаща, а в воздухе висели болотные миазмы, затрудняющие дыхание.

Они прошли больше десяти миль, когда оба проводника вдруг остановились. Один из них неуверенно показал в сторону леса. Морт проследил за направлением и различил в сплошной стене стволов, веток и лиан узкий проход.

— Здесь, — коротко сказал индеец, — если бы я шёл туда, то тоже повернул бы в этом месте.

Из небольшого сундука достали донельзя замызганный плащ того, кто шёл с колдуном.

Пьяница удачно его пропил в портовом кабаке незадолго до того, как ушёл в свой поход. Понюхав его, оба пса с видимым омерзением фыркнули, после чего начали нюхать землю. Взяв след, они потащили за собой обоих негров, а следом уже пошли остальные. Тропа, которую прорубили их предшественники, уже частично затянулась, оставив проход, по которому можно было идти только вытянувшись в линию, что сильно беспокоило лейтенанта. Диего Рамирес-как-его-там вполголоса сквернословил и оглядывался по сторонам.

— Местные индейцы опасны? — спросил его идущий следом Морт.

— Они не были бы так опасны, — проворчал лейтенант, — если бы проклятые англичане, проклятые французы и проклятые голландцы не натравливали их на нас. Подозреваю, в будущем мы ещё наплачемся с ними.

— Сеньор Диас говорил, что их постепенно обращают в христианство, — напомнил охотник.

— Да, и это хорошо, — не стал спорить Рамирес, — вот только индеец, принявший христианство, остаётся индейцем, он дикарь и мечтает убить всех пришельцев, то есть, нас с вами. Не удивлюсь, если они уже здесь и наблюдают за нами.

Даже если это было так, дикари пока себя никак не проявили, видимо, соображали, чего стоят три десятка людей с мушкетами и предпочли не рисковать. А погоня продолжалась, пока не упёрлась в болото. Собаки растерянно встали на берегу, глядя на мутную воду под ковром из растительности. Негры некоторое время стояли и смотрели, но потом один из них неуверенно сказал:

— След ведёт туда.

— Так чего вы встали? — строго спросил командир, — идите дальше.

— Болото непроходимо, — заметил индеец, — мы там утонем. Все.

— А они? — не понял Морт, — куда они делись.

— Тот, кого мы ищем, ушёл туда, — негр указал на болото, — наверное, он утонул.

Морт некоторое время раздумывал, потом, поняв, что погоня зашла в тупик, присел на корточки и начал рассматривать берег. Прошло уже много времени, собаки у них отменные, раз смогли почуять след даже теперь. Проводник вполне мог утонуть, особенно, если ему помогли, а вот двое других отнюдь не были склонны к самоубийству.

Один из индейцев присел рядом с ним и тоже начал рассматривать старые следы. Было слишком поздно, даже сверхъестественное чутьё охотника было бессильно. Некоторое время они вдвоём пялились на землю, после чего индеец неуверенно заявил:

— Они пошли туда, — он показал пальцем влево.

Морт видел все приметы, указывающие на его правоту, но это были лишь косвенные признаки, сказать что-то определённо никто не мог. Тем не менее, других вариантов у них не было, колонна повернула налево и отправилась дальше, огибая болото по большой дуге. Следы всё же нашлись, собаки теперь были почти бесполезны, зато охотник с индейцем смотрели на землю и видели то, что было скрыто от глаз остальных. Скоро они вновь зашли в чащу, где можно было видеть узкую просеку. По всему выходило, что преследуемые просто убили проводника, сбросили труп в болото, а сами повернули назад, дорога вела прямо к побережью.

— Что это? — спросил брат Иеремия, когда лес расступился, и они вышли к берегу моря.

— Море, — спокойно сказал Рамирес, — разве не видно?

— Ложный маневр, — сделал вывод Морт, — они заставили нас поверить, что пойдут в лес, а сами убили проводника и отправились на побережье.

Дальнейший осмотр места не дал им ничего. Или почти ничего. Неподалёку от того места, где они вышли, в море впадала крошечная речка, которую при желании, вполне можно было перепрыгнуть. Обследовав берег, они нашли колышек, вбитый в плотную глинистую почву берега, а к нему уже был привязан обрывок верёвки.

— Лодка, — констатировал Морт, — они ушли в море. Куда отсюда можно добраться на лодке.

— Куда угодно, — фыркнул лейтенант, — через океан они не пойдут, но вдоль берега могут добраться хоть до Юкатана.

— Порт находится к северу отсюда, туда они не пойдут, — начал рассуждать охотник, пытаясь сделать хоть какой-то вывод из увиденного, — значит, пошли на юг. Юкатан им не нужен, иначе они просто отправились бы туда на корабле. Нужно им место здесь, на полуострове, возможно, у западного побережья.

— Если это так, то они уже туда добрались, — заметил лейтенант, — времени у них было с избытком.

Глава двадцать вторая

Западное побережье Флориды 22.01.1699 г.

Лодка стояла на песке, она была довольно тяжёлая, два человека вытащили её на берег с большими усилиями. Цепочка едва заметных следов уходила в лес. В отличие от прошлого раза, Морт теперь не стал брать с собой проводника и солдат. Чутьё подсказывало, что теперь он найдёт колдуна сам. Почему? Он и сам не смог бы это объяснить. Его внутренняя сущность, которая, как он теперь знал, была просто изнанкой его собственной души, чётко установила направление, словно компас. Только в роли севера выступало нечто, что было там, в лесу. Что-то очень плохое, магический артефакт огромной силы, или сам колдун, совершавший обряд. Но это нечто влекло его к себе, не позволяя пройти мимо.

С ним отправились святые братья, которых он об этом не просил, но и отказываться от их услуг не стал. Он умеют драться, имеют глаза и уши. Какая-то польза будет и от них. В прибрежной полосе лес был не таким густым, по крайней мере, им не приходилось прорубаться сквозь чащу.

Взгляд охотника выхватывал следы, оставшиеся от двоих человек, места привалов, сломанные ветки. Следы старые, но красноречивые. Прошло несколько дней, но он знал, что они всё ещё там.

Шли, не останавливаясь и не тратя времени на отдых и еду, на ходу перекусывая сухарями и солониной. Тревога росла, скоро он почувствовал на себе чьи-то внимательные взгляды. Это не был тот самый колдун, его бы он сразу узнал. Местные индейцы? Или рыжий негр?

Как бы то ни было, а остановить их пока никто не пытался, впрочем, если и попытаются, кончится это плохо. Для них. Морт в последнее время изрядно осмелел. Горстка индейцев его не пугала, как и колдун со своим помощником.

Когда они углубились в лес на десяток миль, под ногами, среди сплетённых корней деревьев, мелькнуло что-то белое. Пригнувшись, Морт разорвал руками корни и разгрёб землю. Под ними показалась каменная плитка правильной квадратной формы, раскопав ещё немного, он обнаружил вторую плитку, затем третью. Его взору открылась старинная дорога, построенная в незапамятные времена и уже ушедшая под землю.

Это заставило его задуматься. Неизвестные строители, кем бы они ни были, не станут прокладывать хорошую дорогу в лес. В конце этой дороги должно быть нечто, построенное с тем же мастерством. Храм, город, просто алтарь неизвестных богов. Мысль о городе была сомнительна, христиане уже изучили полуостров довольно хорошо, да и индейцы должны были знать о больших каменных постройках. Устав от размышлений, он просто пошёл вперёд.

Остановили их через полчаса, когда из зарослей на небольшую поляну вышли дикари в странных нарядах, точнее, нарядов на них не было, только набедренная повязка, узоры на лице и на теле и странный головной убор. Можно было посмеяться над их нелепым видом, если бы не их ярко выраженная агрессивность. Двое держали наготове луки, натянув тетиву до половины, остальные потрясали копьями, всем видом показывая, что сейчас пойдут в атаку. Всего их было человек пятнадцать. Интересно, что наконечники копий и стрел были

железными, сказывалось соседство с христианами, возможно, они и язык понимают.

— Что вам нужно? — спросил Морт по-испански, — мы вам не враги, просто идём через лес. Пропустите нас, и никто не пострадает.

— Не пострадает, — ответил один из индейцев, видимо, старший, он сносно говорил на испанском языке, а в руках держал ржавую саблю. — Уходите, и останетесь живы. Это дорога мёртвых, вы по ней не пройдёте. Посланник предков закрыл проход.

— А кто мне запретит? — с вызовом спросил Морт, чувствуя знакомое покалывание в кончиках пальцев и жар, разгорающийся в груди, подобно кузнечному горну, — может быть, ты?

Лицо индейца скорчилось в страшной гримасе, которую не мог скрыть даже толстый слой краски, он прекрасно видел, что чужаков только трое, и у них даже нет страшных гремящих палок, что убивают на расстоянии. Но чужаки никуда не убегали, они стояли и смело смотрели в лицо смерти, более того, это маленький, без волос и бледный, очевидно намеревался идти дальше.

— Братья, — сказал Морт по-немецки, не меняя тон, вправо и влево, падайте на землю, чтобы вас не задееееели стреееелыыы...

Последние слова он произнёс, растягивая гласные, что говорило о том, что он уже вошёл в своё привычное боевое состояние. Так и было, но, в отличие от прошлых случаев, когда он отключался от происходящего, теперь его сознание продолжало работать. Время послушно растянулось, рукоять сабли прыгнула в руку, ему даже показалось, что он её не вытаскивал, клинок сам выполз из ножен ещё до того, как он к нему прикоснулся.

Братья не стали ждать и прыгнули в стороны, скрываясь от стрел. Стрела, которая летела в самого охотника, по пути встретилась с клинком и полетела в сторону, распавшись на две половины. Настал черёд людей. Пропуская мимо направленное ему в грудь острие копья, он сократил дистанцию и чиркнул индейца по бедру кончиком клинка, рана была небольшой, но Морт знал, что жертву уже не спасти, разрезана артерия, он истечёт кровью за пару минут. Не останавливая ход клинка, он обрубил древко следующего копья, а хозяина рубанул по шее, сталь прошла, даже не заметив слабой преграды в виде человеческой плоти и костей. По воздуху медленно поплыли алые шарики крови, а голова так же медленно стала падать на землю. Ещё до того, как она упала, клинок распорол живот одному из лучников и врубился в плечо второго, буквально отрубая руку.

Отшвырнув ударом ноги следующего, он принял на острие того, кто подпрыгнул, нанося укол копьём, наконечник прошёл в двух пальцах от его шеи, понимая, что выдернуть саблю уже не успеет, отпустил эфес и выхватил нож, который, хоть и уступал в длине, но был гораздо привычнее.

Один из нападавших метнул копье, пытаясь достать его на расстоянии, уходя с линии удара, Морт немного подправил его траекторию, в результате чего оно вонзилось в живот того, кто пытался наскочить сзади. Следующему он поднырнул под руку, чиркнув острым изогнутым клинком по голому животу, после чего толкнул ногой в спину, индеец полетел вперёд, пытаясь на лету поймать свои внутренности.

Последний индеец, что оставался на ногах, принял единственно верное решение — бросился наутёк. Морт совершил умопомрачительный прыжок ему вслед и ударил двумя ногами в спину, при этом послышался треск ломающихся костей. Резким движением перевернув упавшего, он вонзил лезвие ножа ему в область печени и одним движением вскрыл грудную клетку наискосок, бросив нож, он погрузил пальцы в рану и, ломая рёбра

открыл грудь. Руки вцепились в бьющееся сердце и вырвали его из груди, заливая всё вокруг кровью. Последним, что увидел умирающий противник было его собственное сердце, которое продолжало биться в руках обезумевшего охотника.

Обернувшись, он увидел, что убивать больше некого, чуть поодаль, не решаясь подойти к нему, стояли оба святых брата. Иеремия держал в руке боевой цеп, а Иаков — дубинку из дерева, окованную железом на концах, оружие их было в крови, оба тоже успели кого-то прикончить.

На охотника было страшно смотреть. Весь залитый кровью, он рычал, оскалив острые зубы, голова тряслась, а выпученные глаза налились кровью. Некоторое время спустя, он начал понемногу успокаиваться. Время снова потекло с обычной скоростью, дрожь в конечностях проходила, а дыхание становилось ровнее.

— Всё? — с надеждой спросил Иеремия.

— Да, — глухо ответил охотник, отбрасывая сердце, которое продолжал держать в руках, — всё, я в порядке. Вас не задело?

— Нет, не задело, — Иаков, немного осмелев, подошёл к Морту и помог ему встать, — они мертвы. Все.

— Не нужно было так, — сказал Иеремия, — можно было...

— Нельзя, — отрезал Морт, — никак иначе, они нам мешали. Вы помните о нашей цели?

Оба брата о цели помнили хорошо, но им ещё не приходилось видеть охотника в бою, само собой, что в этот момент он казался им страшнее того колдуна, за которым они гнались. Но спорить никто не стал, просто глядели поле битвы и пошли дальше. Морт, вынув носовой платок, безуспешно пытался оттереть кровь. Клинок сабли он очистил, несколько раз погрузив его в землю, руки тоже были относительно чистыми, а вот одежду придётся стирать, или просто выбросить и заменить новой.

Но эти проблемы могли подождать, они шли вперёд, сам охотник иногда от нетерпения переходил на бег, а братья, которые не хотели отставать, спешили за ним.

К цели своего путешествия они подошли уже на закате. То, что открылось их взору, не было городом. Даже храмом это назвать было сложно. Остатки каменного строения почти полностью скрылись под сплошным покровом растительности. Это была старая постройка, она была старой уже тогда, когда предки местных индейцев пришли в этот негостеприимный болотистый край. Имена тех, кто возводил каменные стены и устанавливал на постаменты странного вида статуи, давно стёрлись из памяти людей, ибо некому было их сохранить в памяти, а записи на древних языках уже никто не умел читать. Теперь это были просто разрозненные камни, занимавшие пол акра земли, только в самом центре руин выделялось светлое место.

Они подошли к этому месту. Все деревья и лианы были заботливо срублены, камни очищены, а статуи, весившие не одну сотню фунтов, кто-то водрузил на полуразрушенные постаменты. Впрочем, такая забота коснулась не всех статуй. Одна из них, изображавшая половину мужской фигуры с поднятыми руками, была разбита снизу, присмотревшись, они увидели, что внутри камня было пустое место, некий тайник, где что-то хранилось, а теперь исчезло. Чуть дальше они нашли погасший костёр и остатки стоянки. Колдун пробыл здесь не один день, а потом?

Лодка его оставалась на берегу, там же стоял испанский военный фрегат, способный перекрыть выход к берегу, уплыть тем же путём они не смогут. Тогда куда он делся? Мысль

была только одна, он пошёл на восток, через лес, возможно, пользуясь услугами индейских проводников, которые, вроде как, на его стороне. Посланник предков, надо же такое придумать.

Устало присев на камень, Морт поделился своими соображениями с братьями. Те согласились и высказали желание идти дальше, догнать колдуна в пути. Но охотник осадил их, колдун ушёл несколько дней назад, догнать его по следам они не смогут, да и он не сможет читать следы в наступающей темноте. Завтра они вернутся на корабль и поплывут в порт, где продолжат поиски. Туда вернётся колдун, оттуда начнёт свой дальнейший поход.

— Что будем делать сейчас? — тихо спросил Иеремия, присаживаясь на соседний камень.

— Заночуем здесь, — равнодушным тоном сказал охотник, — разведите костёр, на рассвете отправимся обратно, мы его потеряли.

— А если индейцы нападут? — с опаской спросил Иаков, доставая огниво, — мы ведь не всех убили, есть и другие.

— Отобьёмся, — равнодушно сказал охотник, что-то подсказывало ему, что индейцы сюда не придут, это место и для них запрещено. Если не придёт кто-то другой.

Темнота наступила быстро, но им это не мешало, все трое сидели молча, глядя на огонь и думая каждый о своём. На Морта навалилась апатия, он провалил дело. Слуга Дьявола нашёл то, что искал, а потом благополучно скрылся, а охотник только зазря проделал далёкий путь, убил кучу народа, но всё зря. Теперь оставалось только сидеть, и смотреть на огонь, скрывая от спутников своё разочарование.

Костёр уже не дымил, сухие сучья, найденные на руинах, разгорелись хорошо. Окружающая растительность, что была хорошо видна над пламенем, переливалась в мареве горячего воздуха, он видел её, словно через воду. Вот это марево сместилось влево, хотя головы он не поворачивал. Вот листья стали расплываться за спиной у Иакова. Он следил за этим странным явлением с помощью бокового зрения, а мозг его уже привычно переключался на боевой режим.

В нужный момент он отшатнулся назад, невидимый клинок, которому надлежало проколоть его шею прошёл мимо, а руки молниеносно схватили его и переломили пополам. Враг тут же стал видимым. Тот самый рыжий негр, стоял с обломком шпаги в руках и ошарашенным видом.

Через мгновение он пришёл в себя и попытался изготавиться к бою, пусть и безнадежному, но такой возможности ему не дали. Святые братья тоже кое-что могли. Боевой цеп с короткого замаха ударил в затылок, а слуга колдуна с тихим стоном упал вниз лицом, едва не угодив в костёр. Брат Иеремия тяжело вздохнул и стал заводить руки бесчувственного врага за спину, а Иаков подал ему лиану для связывания.

Рыжий Эванс пришёл в себя через два часа, со стоном открыв глаза, он попытался пошевелиться, но безуспешно. Тело его было туго перетянато лианами, не оставляя возможности пошевелить чем-либо, за исключением языка. Именно его язык интересовал тех, кто сидел рядом и с интересом смотрел на него.

— Чего ты хочешь, убийца? — спросил он с вызовом, глядя на Морта.

— Ты знаешь, — равнодушным тоном сказал охотник, — ты всё знаешь. Знаешь, кто я. Знаешь, зачем я здесь. Знаешь, что мне нужно. Отвечай на мои вопросы.

— Размечтался, — Эванс хотел плюнуть в охотника, но слюны в пересохшем рту не нашлось, — ты ничего от меня не узнаешь, мой хозяин...

— Бросил тебя на погибель, — напомнил Морт, — он дал тебе поручение, которое ты выполнить ни за что бы не смог, ты бы просто погиб ради него, вот и всё.

— Я не боюсь смерти, — прошипел сквозь зубы пленник, — мне плевать, что...

— Не смейся, — Морт широко улыбнулся, — ты и такие, как ты, как раз больше всего боитесь смерти, ваш хозяин может пообещать вам бесконечную жизнь, может дать удовольствия земного бытия, но он не бог, и жизнь вечную подарить не в силах. Ты это знаешь, знаешь, что, кроме адского пекла, тебя впереди ничто не ждёт.

— Плевать, — окрысился Эванс, — мне всё равно, моя жизнь и так ничего не стоило, можешь убить меня, а пыток я не боюсь. Хозяин избавил меня от боли.

— С чего ты взял, что я буду тебя пытать? — с насмешкой спросил Морт, — ты плохо меня знаешь.

— А на что вы ещё способны? Святоши, заляпанные кровью по самую макушку, вы можете только пытать людей и сжигать на кострах...

Морт не дал ему договорить. Пленник был прав отчасти, разговорить его с помощью дыбы, испанского сапога и прочих прелестей допроса, было невозможно. Его хозяин об этом позаботился. Адская печать, закрывающая его уста, была сильнее любой боли и даже сильнее слова божьего. А снять её мог только тот, кто её наложил. Или же тот, кто сильнее.

Схватив пленника за голову, он притянул его к себе и пристально посмотрел в глаза. Его демоническая сущность, взяла в клещи пропащую душу моряка и стиснула её, не давая вырваться. От этих мучений хозяин его бы не защитил, зрачки пленника расширились, крик боли замер в горле, а из глаз потекли слёзы.

— Отвечай, — прорычал Морт, голос его был настолько страшен, что братья сочли за лучшее отсесть подальше, — что здесь делал твой хозяин?

— Камень... — трясущимися губами пролепетал Эванс, — краеугольный камень, в нём сила Сатаны, он разбит...

— Сколько частей осталось? — Морт усилил нажим, хотя жертва и не сопротивлялась.

— Эта... и ещё одна... — он говорил сдавленно, словно его душили удавкой. Так оно и было, вот только удавка была не материальной, щупальца Тьмы, исходившие из Морта душили его изнутри.

— Где она? — Морт чуть ослабил нажим, поскольку жертва уже готова была умереть.

— Не знаюуу... — завыл Эванс, — правда, не знаю. Где-то там, в Старом Свете, на севере, он не сказал мне точно, где-то очень далеко, куда трудно добраться.

— Что он тебе пообещал? — спросил Морт, снова наваливаясь.

— Вечную жизнь, богатство, власть, силу, а ещё...

Пленник на секунду замолчал.

— Что? — поторопил его Морт.

— Мщение, он знал всё. Всю мою жизнь, всех тех, кто унижал меня, грабил и обзывал, считал меня хуже скотины. Он знал это, знал их поимённо, знал каждую обиду, каждый шрам на моём теле, каждое проглоченное оскорбление. Он обещал, что я расплачусь со всеми. Кое-кого он уже отдал мне в руки, и они получили своё сполна. Мне теперь не страшно умирать...

— Что ещё ты знаешь? Говори, или станет ещё хуже.

Приободрившийся, было, Эванс снова выгнулся в приступе боли и залепетал жалобно:

— Я скажу... всё скажу... камень, он у него с собой, он всегда его носит, он почти собран.

— Как он выглядит?

— Как алмаз, только желтоватого цвета, но иногда его цвет меняется, он размером с ягнёнка, он переливается, а если заглянуть внутрь, то можно увидеть ад. Не хватает одного маленького куска, но он его найдёт. Это его повинность, его хозяин заставил его делать это.

— Что делает этот камень?

— Не знаю точно, но он придаст ему силу, которой не владеет никто, кроме самого Сатаны, а ещё он говорил, что нужно убить тебя, только ты представляешь угрозу, только тебя он боится. Боится, что ты...

Эванс замялся, подбирая нужное слово.

— Станешь сильнее его, станешь более сильным колдуном, будешь в милости у его хозяина.

— Это бред, — спокойно сказал Морт, отпуская пленника, — я не просил этой силы, он может забрать всё себе. А я просто выпущу ему кишки, если, конечно, мне не удастся определить его на костёр.

Пленник лежал, тихо подвывая от внутренней боли. Хозяин запер его разум большими замками, что не позволили бы рассказать известные ему тайны, но пришёл некто, кого эти замки не остановили, он просто выломал их, вырвал с мясом, не заботясь о сохранности самого разума. Что теперь с ним будет, известно только богу.

Охотник погрузился в раздумья. Колдун ушёл. Они вернутся в Сан-Августин, устроят ещё одну облаву, да только всё без толку, в Испанию уйдёт ещё одно судно, где он спрячется в трюме. Привык путешествовать с комфортом, но теперь придётся этим поступиться, он уже понял, что оставляет слишком много следов. Теперь он ляжет на дно, высовываясь только по большой необходимости. А таковая необходимость у него только одна. Камень. Сложно сказать, что это такое, какая-то тайна мироздания. Эти руины, где они сейчас сидят, — ровесники мира, камень был создан во времена противостояния двух начал, Творец сокрушил Врага, запер его в преисподней, а силу его, заключённую в этом камне, спрятал во множестве мест. Теперь Адепт Сатаны скитается по миру, обращает в свою веру людей, изучает науки, но основная его цель в этом. Что будет, когда он соберёт камень? Сатана наделит его силой, но это не всё. Будет ли Антихрист столь силён, что бросит вызов Господу? Он помотал головой. Всё это его мысли и более ничто. Возможно, всё не так, он многого ещё не знает.

Из оцепенения его вывел голос брата Иеремии:

— Что делать с ним? — брат указал на связанного пленника, который после допроса пребывал в прострации.

— Не знаю, — честно сказал Морт.

— Может, аутодафе? — злобно оскалившись, предложил Иаков, — без пролития крови?

— Нет, — охотник хотел согласиться, но тут из-под оболочки закоренелого убийцы постучались остатки человечности, не до конца заглушенные жестоким ремеслом, — не наше это дело, возьмём его с собой, он предстанет перед судом, суд решит его судьбу. Не мы.

Глава двадцать третья

Резиденция Святой Инквизиции Австрийские Альпы 20.03.1699 г.

— Больше мы от него ничего не добьёмся, — сказал брат Доминик, присаживаясь на стул в доме Морта, — он сломан, душа его, словно умерла. Но он понимает, где находится, проблески сознания помогают ему осознать содеянное и покаяться. Мы дадим ему эту возможность, дадим много времени для покаяния. Он останется здесь, будет вымаливать свою душу до конца дней.

— Справедливо, — заметил охотник, наливая вино в две больших глиняных кружки, с некоторых пор он стал хозяином собственного дома, находившегося неподалёку от резиденции, где его поселили вместе с любящей женой. Там он сейчас и принимал гостя. — А что с колдуном?

— Нам уже известно, что в порту Лиссабона причалил корабль из Флориды, как обычно, на борту никого, в трюме нашли несколько сморщенных трупов, которых словно высосали досуха. Колдуна не нашли, но это ничего не значит, он в Европе, и отследить его передвижения мы не можем.

— Значит, нужно найти место, куда он стремится попасть, — предложил Морт.

— Тут всё сложнее, — брат Доминик нахмурился и пригубил вино, — мы разослали весть во все отделения, ему нужен будет корабль, чтобы отправиться добывать последний кусок камня. Мы не знаем точно где он собирается отплыть.

— Где-то на севере, в ледяных землях, — напомнил Морт, — туда редко ходят корабли, нужно просто обыскивать каждое судно.

— Он может нас обмануть, — развёл руками Доминик, — сила его велика, не уверен, что мы сможем его перехватить. Но меры уже принимаем. Можно представить себе, что это за северные земли. Это может быть, например, Гренландия, где когда-то жили христиане, а теперь почти все вымерли, разорвав связь с внешним миром. Её заселяют снова, но медленно, датский король не особо ценит эти владения. Возможно, оставшийся камень находится там.

— А на востоке? — спросил Морт.

— Этот вариант мы тоже рассматриваем, — согласился инквизитор, — морской путь в Московское Царство, торговля эта очень прибыльна и год от года всё больше кораблей идёт по опасным северным морям в гавань Архангельска, другой путь, менее опасный и длинный, через Балтику, прочно удерживают шведы, а северный делят между собой Англия и Дания.

— Московский царь так богат, что христиане встали в очередь, чтобы торговать с ним, — заметил с улыбкой Морт.

— Я не знаю, насколько он богат, — пожал плечами инквизитор, — но могу сказать точно, что некоторые товары, вывозимые оттуда, больше негде достать, поэтому тот, кто наладит их бесперебойную доставку, быстро озолотится. Но это, впрочем, неважно, нас интересует другое, поток кораблей велик, а колдун умеет прятаться и вербовать себе сторонников. Сомневаюсь, что мы сможем его поймать.

— А если сможем, то не успеем среагировать, — подлил охотник масла в огонь, — пока придёт доклад из местного отделения, пока мы его прочтём, пока отправим погоню. Он всё

успеет сделать.

— Это так, но не стоит терять надежды, — в задумчивости проговорил Доминик, — кроме того, меня интересует другое.

— Что? — с интересом спросил охотник.

— Ты, — спокойно ответил инквизитор, глядя ему в глаза, — я боюсь потерять тебя, Петер.

— Он меня не убьёт, — равнодушно отмахнулся Морт, — если бы он мог, то давно бы это сделал, но пока что он предпочитает убегать от меня и прятаться.

— Убить можно не только физически, ты это прекрасно знаешь, — напомнил инквизитор, — ты не задумывался, кем был Шамаэль до того, как стал слугой Сатаны. По нашим подсчётам, это случилось давно, лет пятьсот назад, по крайней мере, мы располагаем сведениями, что он был в одном из Крестовых походов. Ведь когда-то он был обычным человеком, как ты считаешь?

— Наверное, был, — задумчиво проговорил Морт, — а к чему ты это вспомнил?

— К тому, что он не первый и не последний, что ты можешь точно так же попасть под власть Тьмы, она всё больше овладевает тобой...

— Это я овладеваю ей... — возразил охотник, но Доминик его перебил.

— Это одно и то же. Тебе ли не знать, что Дьявол знает разные подходы к человеческой душе? Ты ведь знаешь, что дьявольское искушение доброго христианина зачастую начиналось с благих поручений, он мог приказать христианину совершить паломничество, или сделать пожертвование, или заказать молитву. Потом поручения становились всё сложнее, а христианин до последнего не понимал, кому он служит, только потом, когда уже становилось поздно.

— Меня ему точно не обмануть, — настроение у Морта испортилось окончательно.

— Да, конечно — с горькой усмешкой напомнил Доминик, — Князь Тьмы, сокрушивший тысячи человеческих душ, не совладевает с душой одного молодого охотника.

— Я его одолею, — упрямо произнёс охотник.

— А кем ты будешь, когда одолеешь его? — резко спросил Доминик, после чего допил вино и встал, — береги себя, Петер, останься пока здесь и не думай о работе, деньги у тебя есть, побудь с женой, она отвлечёт тебя о мрачных мыслей. Пока мы справимся без тебя.

Доминик ушёл, оставив Морта в тяжких раздумьях. Доля правды в его словах была. Сила его растёт, это радует, она позволит победить Зло. Вот только какая это сила? Он становится всё более похож на того, за кем давно и безуспешно охотился. Он вспомнил схватку на корабле, адские сущности, почти непобедимые, подчинились ему, как самому Князю Тьмы. А бой с индейцами? Он ведь действовал сознательно, даже тогда, когда вырезал сердце поверженному врагу. Зачем? Раньше он оправдывался тем, что в эти моменты Тьма управляет его телом, а он только даёт ей свободу. Но теперь он понял, что всё не так, Тьма не подчиняет его, она служит ему. Брат Доминик сказал, что это одно и то же. Может быть. Но как иначе повергнуть Зло?

От мыслей начинала болеть голова. Нужно отдохнуть, тут Доминик прав, нужны светлые мысли, которые выгонят из головы мысли о пролитой крови и щупальцах Тьмы, пробивающихся из его нутра.

— А почему брат Доминик такой хмурый? — спросила Мария, входя в дом, — что-то случилось?

— Иди ко мне, — позвал Морт, хватая жену за руку.

Он ухватил её маленькую ладонь и потянул к себе, усаживая на колени, так и есть, Доминик был прав, только она и держит его на стороне добра, только ей он обязан всем светлым, что ещё осталось в его душе. Он крепко обнял её и прижал к себе. Даже, пожалуй, слишком крепко, она ойкнула и попыталась отстраниться.

— Осторожнее, — напомнила она, прикрывая живот руками, — меня нельзя так мять. Доктор говорил, что ребёнок будет в августе. Я думаю, что будет мальчик. Ты не думал, как его назвать?

— Есть одно имя, но я пока придержу его, вдруг родится девочка, — он улыбнулся и поцеловал её в губы, — что там с ужином?

— Готово, я сварила суп и испекла хлеб, а вино вы уже сами открыли.

— Ставь на стол, будем ужинать и спать.

— Спать? — она игриво улыбнулась.

— Да, а потом спать, — путано ответил он, девушка, что стала его женой, способна была вызывать в нём дикую страсть даже сейчас, когда живот уже начал выпирать. Как и прежде они ублажали друг друга до поздней ночи, зная, что скоро им опять расставаться. Как скоро? Долг толкал его на продолжение работы, но Доминик советовал отвлечься, пока ситуация позволяет. А Доминик, как это ни печально порой, всегда оказывается прав. Да и сам он хотел, чтобы эти мгновения длились как можно дольше.

Не переставая целовать свою женщину, он переместился в сторону кровати, удерживая её на руках, она, впрочем, по дороге вывернулась, едва не упав на пол, и напомнила, что сперва следует поужинать. Трапеза не затянулась, отличный мясной суп с клёцками охотник проглотил за полминуты, после чего закинул в рот кусочек хлеба и снова повернулся к жене. Теперь уже препятствий не было, она легко поддалась, и он спокойно положил её на кровать, не переставая целовать. Постепенно летели в сторону детали одежды, а потом начало раздаваться довольное постанывание. Она потянулась, чтобы заглушить светильник, но длины руки ей не хватило, впрочем, это и не требовалось. Природная скромность девушки из крестьянской семьи постепенно уходила, муж приучил её к наслаждениям, внушил мысль, что стеснение перед супругом не есть большая добродетель, он научил её получать удовольствие разными способами, она была счастлива и просто таяла в его объятиях. Запоздалый стыд по окончании любовных занятий ничего не менял.

Так было и сейчас, она стояла на четвереньках, её крепкое тело было полностью обнажено, а наливающаяся грудь раскачивалась в такт движениям мужа. Глаза её постепенно застилал туман удовольствия, а стоны становились всё громче. Иначе выглядел Морт. Страсть, которая только что переполняла его, стала сменяться беспричинной яростью, гладкая обнажённая спина любимой женщины, теперь всё сильнее требовала ударить, вцепиться когтями, провести глубокие кровоточащие борозды, увидеть кровь, почувствовать её запах. Знакомое возбуждение боя стало его охватывать, ещё немного и...

Громкий крик жены вывел его из оцепенения, он пришёл в себя и ужаснулся, он только что планировал рвать на части собственную жену. Мысль эта показалась ему нелепой, но от того не менее страшной. Отпустив жену, которая сразу же свернулась калачиком и довольно замурлыкала, он лёг рядом, стараясь не показать ей своих глаз.

Поцеловав её в шею и за ухом, он прижался к тёплому телу, накрыл обоих одеялом и потушил светильник. Любимая скоро довольно засопела, а сам он спать не мог, неприятные мысли начинали глотать его изнутри. Что это было? Он совершенно перестал владеть собой. Не в бою, а просто так. С ним творится что-то странное, более того, страшное. Такого

никогда не было, разум его был холоден, а эмоции просто отсутствовали. Первого человека он убил в тринадцать лет, не испытав при этом ни страха, ни злобы, ни стыда. Да и потом всё было примерно так же. Просто работа, не лучше и не хуже других. Тьма, поглотившая его однажды и исторгнувшая обратно, повлияла на его разум, подарив приступы боевой ярости, делавшие его непобедимым бойцом, но лишаящие возможности контролировать свои действия во время боя. Но и тогда это не было проблемой, просто нужно было стараться, чтобы в момент наступления боевой ярости никого лишнего не было рядом. Да и он всё же мог как-то контролировать это, мог включить и выключить такое, пусть и с трудом. Но теперь...

Начитанный брат Доминик как-то рассказывал ему о старинных воинских культах, что восходили к языческим временам, но не исчезли и с принятием христианства, в них особое внимание уделялось фигуре воина-шамана, впадающего в боевую ярость, дающую ему победу над любым количеством врагов. Такие люди упоминаются в легендах северных людей под именем «бер серкр» медвежья шкура. Их боялись и уважали другие воины, но сами они за пределами поля боя не могли ужиться ни с кем, были изгоями, их отвергали и старались держаться подальше. Примеряя эту роль на себя, он был уверен, что всё не так, что это не про него, что он обычный человек. До последнего времени это так и было.

Кто он теперь? Сила переполняла его. Очень может быть, что и магия ему подвластна, убить другого человека он сможет даже силой своей мысли или слова. Или не сможет? Проверять не хотелось. А как совладать с этой силой? Отказаться от неё и просто выбросить не получится, это не старая одежда. Да и, чего скрывать, ему это нравится, раньше нравилось просто чувство собственной непобедимости, теперь же он не только стал получать удовольствие от самого убийства, от криков боли, от хруста ломающихся костей, от вкуса и запаха крови, но и сам теперь ищет этого.

А если не он, то кто? Кто сокрушит Зло? Кто остановит колдуна, готовящего второе пришествие Антихриста? Или он что-то другое готовит? Увы, проникнуть в его мысли не...

Внезапно его осенило. Почему нет? Почему не получится проникнуть в мысли колдуна, хоть он и находится за тысячи миль. Что для этого нужно? Он немного расслабился, и мысли перешли в практическую плоскость. Что он знает о магии? Несколько магических трактатов из библиотеки, что он некогда прочитал, сводили магию к приземлённым бытовым задачам, вроде наведения на человека порчи, отвода глаз ради удачного воровства, или заговора на удачу. Эффективность, вроде бы, считалась доказанной, но ему требовалось другое. Что? Нужно будет сходить в библиотеку и найти источники понадежнее, которые затрагивают вопросы поиска людей. Не может быть, чтобы колдуны, древние и современные не задались этим вопросом.

С этими мыслями он проворочался до самого утра, а утром встал с отвратительным настроением, с порога начал кричать на Марию, но, встретившись с ней глазами, вдруг резко одёрнул себя, замолчал и обнял жену. С ним, действительно, неладно, нужно будет попытаться держать себя в руках, но при этом придётся совершенствовать свою тёмную силу. Тяжело вздохнув, он отмахнулся от готового завтрака и отправился напрямик в библиотеку.

Библиотека Святой Инквизиции, была настоящей сокровищницей, где собирались все тома, написанные когда-либо людьми и избежавшие огня, плесени и забвения. Литература, одобренная отцами церкви, стояла свободно, и даже те книги, которые отдавали ересью и вольнодумством, здесь хранились и были доступны святым братьям, желавшим обогатить

свой опыт. Часть книг была написана на редких языках, их переводили, отыскивая нужных специалистов по всему миру, Святой Престол не жалел денег на свой следственный орган, позволявший контролировать души огромного количества людей.

Особняком стояли откровенно еретические сочинения, вроде тех, что писал когда-то мятежный монах Мартин Лютер, тогда Инквизиция среагировала быстро, большинство его сочинений не увидело печати, оставшись в единственном экземпляре, а сам он моментально оказался в тесной келье, где до конца дней замаливал грехи. Тем не менее, та же рука церкви, что покарала монаха за его произведения, отпечатала эти книги в нескольких томах и использовала для своих внутренних целей. Наведение порядка в церкви тогда помогло избежать страшных последствий, что могли принести книги вольнодумца в мятежные умы.

Сейчас здесь были и они, но Морта интересовало другое. Был в библиотеке закрытый отдел, книги из которого выдавались только с разрешения руководства и требовали особо осторожного обращения. Обычно их брали учёные богословы исключительно с целью изучения описанных там явлений и сопоставления их с имеющимися примерами из жизни.

Морт часто приходил в библиотеку и всегда брал то, что ему заблагорассудится. Сегодня же, когда он попросил книги из закрытого отдела, смотритель библиотеки, брат Томас, нахмурился и начал задавать вопросы. Морт ответил честно:

— Хочу понять самого себя?

— Для этого тебе нужны книги из закрытого отдела?

— Да, и не одна, если ты беспокоишься, сообщи брату Доминику, он тебе всё объяснит.

Брат Томас не стал больше ничего спрашивать, он извлёк из складок своего одеяния ключ и отпер дверь в комнату, где на длинных полках хранились многочисленные тома. Книги эти не только содержали сведения о магических практиках, многие из них сами по себе были мощными артефактами, Морт чувствовал наполнявшую их силу, особенно сейчас, когда его собственная сила возросла, а чувствительность доставляла большие неудобства. Перешагнув через порог хранилища, он просто ошалел от количества струящихся через него потоков энергии. К счастью, большая часть томов была копиями, оригиналы от времени давно рассыпались в прах, поэтому с них сделали копии которые только содержали информацию. Он слышал, что настоящие магические книги пишутся на человеческой коже человеческой же кровью (не чистой кровью, понятно, а чернилами на её основе), только так можно было придать заклинаниям силу. Зная о потенциальной опасности этих книг, он старался выбирать для себя только такие копии, напечатанные в типографии обычной краской на обычной бумаге.

С выбором конкретных книг он особо не церемонился, лишь бы произведение было написано на знакомом языке, в роли которого выступала обычно латынь. Попадались и многочисленные переводы на немецкий и французский, сделанные некими книжниками, что давным-давно сгинули в застенках Инквизиции.

Набрав дюжину томов, он устремился к выходу, где его остановил брат Томас, не то, чтобы он хотел ему воспрепятствовать, но все тома были на особом учёте, а потому святой брат немедленно переписал названия и авторов в журнал, а потом заставил охотника поставить свою подпись под каждым наименованием. Разумеется, он потом (а возможно, и прямо сейчас) доложит руководству, но это неважно, книги у него точно не отнимут.

По дороге домой он успел пожалеть о своей жадности, заставившей его набрать всего и сразу. Книги не были тяжёлыми, но нести их в руках было жутко неудобно, а идти пришлось далеко. Теперь он, как человек семейный, оставил свою просторную келью и поселился в

небольшом посёлке неподалёку от резиденции. Там проживали ремесленники, которые обслуживали резиденцию, учёные книжники, в чьи обязанности входило переводить книги (под строгим надзором святых братьев, разумеется), особняком стояла казарма, где размещался гарнизон солдат охраны. А теперь в одном небольшом домике на окраине поселился охотник с женой. От ворот резиденции до его дома было десять минут ходьбы, что показались ему мукой, благодаря стопке книг, которые он нёс перед собой, не догадавшись попросить у брата Томаса мешок.

По приходу домой, даже не взглянув в сторону кухни, где хлопотала его жена, он пододвинул стол к окну, чтобы дневной свет падал на страницы, взял из стопки первую книгу и, опустив подробности про автора и его судьбу (надо полагать, печальную, иначе бы книга не оказалась в хранилище Инквизиции), углубился в чтение.

Первый том был трактатом о лечебной магии и заговорах, написанным, как говорилось на первых страницах в Константинополе, в правление императора Анастасия, Морт не помнил точно, что это за император и когда он жил, но дату представить себе смог, тем более, что там же было указано, что сей труд перевёл монах Бонифаций в 810 году от Рождества Христова. Тогда были другие времена, и учёный монах мог заниматься, в том числе и такими книгами.

Читал он выборочно, стараясь пропускать некоторые моменты, точно не относящиеся к делу. В итоге, одолев больше половины, захлопнул книгу и взял следующую. Но и тут его ждало разочарование, любовная магия, привороты и отвороты, написанные в Александрии давным-давно одной дамой, вряд ли это могло помочь в деле поиска кого-либо.

Относительно удачной была восьмая книга, целиком посвящённая гадостям, которые колдун может устроить любому человеку. Некоторые советы не касались магии, просто набор способов отравления, причём, в качестве ядов выступали абсолютно обычные, доступные всем растения и минералы. А результат мог быть разным, от недельного поноса, до смерти или тяжёлого заболевания. Были перечислены два десятка способов наведения порчи. В том числе, весьма оригинальных, как, например, заклинание, воздействующее на кусок мыла, которым потом воспользуется жертва. Морт отметил про себя, что грязнуля окажется надёжно защищён. Ближе к концу находились несколько глав, посвящённых взысканию долга, это было уже интересно, ведь должника зачастую сперва нужно было найти. Нельзя сказать, что этот раздел ему не пригодился, один из способов требовал обязательно брать расписку, а если она по каким-либо причинам не помогла, то выбрасывать её не стоит, ибо расписка, даже юридически недействительная, остаётся предметом, который должник создал сам, а потому она несёт в себе его след. Правда, дальше автор резко перескакивает на другое, упомянув мельком, что благодаря расписке (и вообще, любой вещи должника) можно найти его, используя метод, описанный Ильмаром из Равенны, в его знаменитом труде.

Морт в задумчивости закрыл книгу, с удивлением обнаружив, что уже глубокая ночь, а на столе стоят две свечи, заботливо принесённые женой, которая, так и не дождавшись мужа, уже легла спать.

Следовало пойти и поесть, но он, как всегда, когда нападал на след добычи, голода не испытывал, более того, он готов был прямо сейчас бежать в библиотеку и переворачивать её вверх дном, чтобы найти труд того самого Ильмара. Остановил его только тот факт, что библиотека, как и сама резиденция, давно закрыта, а брат Томас спокойно спит у себя в келье вычитав положенные молитвы. Теперь он не уснёт до утра, размышляя над тем, что

делать дальше.

Глава двадцать четвёртая

Австрийские Альпы 30.04.1699 г.

Стояла глубокая ночь, но почти полная луна ярко освещала широкую поляну, окружённую густым лесом. Почти в самом центре этой поляны стоял Петер Морт, который держал в руках толстую книгу в переплёте из бронзовых дощечек. У ног его стоял мешок с неизвестным содержимым. На лице застыла злорадная ухмылка, наводящая на мысль, что этот человек собирается делать нечто, что делать нельзя, но очень хочется.

Где-то далеко послалось уханье совы, но охотник и ухом не повёл, да и сова, узнав, кто именно пришёл в лес, постаралась бы улететь за десяток миль. Перед ним стоял широкий пень, оставшийся от собственноручно им спиленного дуба, дерево было толстым, пришлось изрядно повозиться, чтобы его свалить, а на помощь он никого не звал, чтобы избежать ненужных расспросов.

Сейчас он собирался заняться тем, за что ещё совсем недавно хватал людей и отдавал их на суд святых братьев. Пусть даже, для большинства из них всё проходило относительно благополучно, а наказание сводилось к длительному покаянию, дело это было строго предосудительным. Но что такое осуждение церкви в сравнении с возможностью выполнить, наконец, свой долг?

На пень легла тускло блеснувшая в лунном свете свинцовая бляха, которую некогда отдал охотнику сильно пьющий английский моряк. Это было то, что нужно, вещь, сделанная колдуном собственноручно, более того, магический жетон имел соприкосновение с его внутренней силой, а потому, при правильно проведённом обряде, безошибочно укажет на колдуна. Тот явно не ожидает, что его будут бить его же оружием.

Лунного света не хватало, поэтому Морт зажгёт две свечи, которые закрепил по краям пня. В центре он нарисовал углём магический знак. Это было слово на латыни, только писать его следовало своеобразно, сначала первую букву, потом вторую, внутри неё, и так до последней, шестой, которая получилась с горошину. Значение этого слова он не знал, но это и не требовалось, достаточно было одного только написания, чтобы открыть врата магии. Вглядевшись в замысловатое переплетение чёрных линий на дереве, Морт невольно ими залюбовался, через некоторое время он почувствовал, что магический знак притягивает его, словно приглашая провалиться внутрь. Он резко отшатнулся назад, решив, что такие эксперименты ему не нужны. Пока.

Поставив бляху в центре знака, он открыл книгу и, повернув её так, чтобы свет от свечи падал на страницу, начал читать заклинание. Язык был латинский, но почти все слова были ему непонятны. Это были, скорее, не слова даже, а простой набор букв, но он старательно повторял их, стараясь нигде не ошибиться. Скоро ему стало казаться, что магический знак наливается багровым свечением, а бляха начала подпрыгивать на месте, словно по ней стучали снизу.

Настал черёд жертвы. Развязав мешок, он вынул оттуда чёрного петуха и, прижав руками крылья, положил на пень. Удерживая несчастную птицу одной рукой, он вынул тесак и, коротко замахнувшись, отсек ей голову. Петух продолжал трепыхаться, а из обрубка шеи потекли обильные струи крови, которые сначала сформировали небольшую лужу, а затем

кровь начала принимать форму магического знака, впитываясь в нарисованные линии. Ритуал работал.

Морт снова начал читать, при этом заметив, что свечи разгорелись так, словно их кто-то начинил селитрой. С каждым новым словом, магический знак вспыхивал огнём, становясь всё более ярким, закончив читать заклинание, он уставился на полыхающие линии. Тот, кто разрабатывал обряд, обещал, что именно глядя на эти буквы, можно увидеть нужного человека. А если повезёт, то и запомнить место, где он находится. Вот только этот результат подходил для обычного человека, а охотник себя уже таковым не считал, ему требовалось нечто большее. Потусторонний мир готовился показать ему палец, тогда как он рассчитывал отхватить руку.

Яркая вспышка озарила голову изнутри, он уже не видел ночного леса, одинокого пня и горящих свечей, вместо этого перед ним был корабль, что шел на всех парусах через море. Где именно он был, понять не получилось, картинка стала расплываться, казалось, что сеанс магии окончен. Но Морту этого было мало, он хотел ещё. Невидимая рука его воли тряхнула изнанку мира, после чего изображение вернулось. Он разглядел на палубе корабля того, за кем гонялся уже много месяцев, колдун Шамаэль стоял на палубе, кутаясь в меховую шубу до пят. Вокруг него сновали матросы, иногда испуганно оглядываясь на необычного пассажира. Интересно, многие из них доживут до конца плавания, и зачем ему забирать жизни в море, он ими питается?

Внезапно колдун начал проявлять признаки беспокойства. Не стоило недооценивать его силу. Он почувствовал на себе чьи-то глаза и начал встревоженно оглядываться по сторонам. Неизвестно, смог бы он увидеть Морта, но тот и не стал дожидаться, в данный момент сам колдун его интересовал мало, поймать его посреди моря у них не получится. Куда важнее было узнать, куда и зачем он направляется. Как это сделать, охотник не имел ни малейшего представления, а потому просто влил в открывшуюся картинку большую порцию той тёмной силы, что бурлила в нём, словно вода в котле.

Он почувствовал, что его уносит вперёд, туда, куда следовал корабль. Его взгляд проносился над морскими волнами, скалистыми островами, берегами, изрезанными узкими заливами, всё дальше на север, где среди безбрежного океана ему открылся довольно крупный остров. Здесь его движение замедлилось, казалось, что он медленно спускается на негостеприимную каменистую землю, которую кое-где покрывают льды. Здесь не было ничего, только камень, лёд и отчаяние.

Но, спустившись вниз, он понял, что остров этот не совсем пустынный, более того, там есть люди. На небольшом расстоянии от берега стоял домик, построенный из камней, льда и обломков деревянного судна. Над ним вился слабый дымок, указывая, что обитатели ещё живы.

Через некоторое время дверь этого домика отворилась, оттуда вышел немолодой мужик, одетый в длинный овчинный тулуп. Голову закрывала меховая шапка, а лица почти не было видно из-за огромной бороды с многочисленными седыми прядями. На лице его можно было увидеть только большие серые глаза, да слегка обветренный нос, что торчал из лохматой бороды. Затворив за собой дверь, он медленно пошёл к морю, никакой определённой цели у него не было, просто хотелось прогуляться.

Остановившись у самой кромки воды, он присел на камень и стал смотреть вдаль. Так продолжалось довольно долго, скоро из домика вышел ещё один, он был похож на первого, только помоложе, пониже ростом, и борода его была ярко-рыжей. Он подошёл к своему

товарищу и присел рядом.

— Ждёшь, Клим? — спросил он, так же печально глядя в сторону горизонта. — Жди, может, и дождёшься.

— Не жду, — отозвался Клим с тоской в голосе, — смотрю только, насмотреться не могу, всю жизнь только море и видел, хочу и дальше смотреть.

— Насмотримся ещё, чего ты так рано помирать задумал, а ну, как приплывёт кто?

— Нет, — Клим покачал головой, — не приплывёт. Кому надо в это время сюда? Если и будет кто, так только кости наши приберёт по-христиански, и на том спасибо.

Видимо, Клим был прав, потому что его собеседник сразу заметно приуныл и глубже спрятался в свой тулуп. Эти люди готовились к смерти, они ещё не начали голодать, но уже понимали, что их ждёт впереди. Понимал это и Морт, но сейчас его не заботила их судьба, он только удивился, что язык, на котором говорят эти люди, ему знаком, хоть он и не разговаривал на нём почти двадцать лет. Русский язык.

Теперь он начал понимать, что даже его силы не хватает, чтобы удерживать картинку дальше, изображение стало расплываться, пока не сменилось полной темнотой.

Когда Морт открыл глаза, было уже раннее утро, в лесу пели птицы, солнце слепило глаза, а сам он лежал на спине. Привстав, он разглядел пень, плохо переживший вчерашние издевательства. В центре зияла выжженная дыра, едва ли не до самых корней, а по краям находились две небольшие застывшие лужицы воска.

Встав на ноги, охотник наспех прибрал следы колдовского ритуала, после чего скачками побежал в резиденцию, чтобы держать совет со святыми братьями.

Карта, развёрнутая на столе, была нарисована плохо, да и места, изображённые на ней, были мало изучены. В том месте, где заканчивался берег Норвегии, начинались белые пятна. Но остров далеко на севере был обозначен. Прикоснувшись к карте, Морт провёл пальцами линию по морю, пока не уткнулся в этот остров, стоило прикоснуться к его изображению, как в голове вспыхнула виденная ночью картина. Серые волны, каменистый берег, частично затянутый льдом и одинокий домик. Под ним стояло название «Шпицберген».

— Он здесь, — заявил Морт, поднимая глаза на собравшихся, — то есть, пока нет, но он туда направляется. Нужно его догнать.

— Не догоним, — сказал брат Николас, один из старших следователей, что тоже занимался этим делом, — слишком далеко, а нам до моря добираться не одну сотню миль. Он успеет скрыться, сделав то, что требуется.

— Есть скоростные корабли, — напомнил Доминик, — попробуем перехватить его на обратном пути.

— Что же, — брат Николас не стал спорить, — раз ты так говоришь, то попробовать стоит, немедленно отправляйте экспедицию в ближайший северный порт.

Увидев глаза Морта, внезапно загоревшиеся надеждой, он добавил:

— Отправьте в погоню не менее десяти святых братьев, для надёжности, мало ли что.

— Он что, мне не доверяет? — спросил Морт у брата Доминика, когда они остались наедине, — считает, что я могу предать церковь?

— Более того, — согласился брат Доминик, — я тоже тебе не доверяю. И со временем всё больше. Поделись, откуда у тебя эти сведения?

— Было видение, — признался охотник, — я разглядел картину этого острова и даже двух русских моряков, потерпевших кораблекрушение, они сидят там и ждут смерти.

— Видение? — подозрительно спросил Доминик, — сдаётся мне, что видения так

просто не случаются. Кроме того, ты несколько недель изучал книги по магии, сатанинским культам и алхимии, а теперь у тебя видение. Уж не сам ли ты его подстроил?

— Сам, — Морт не стал отрицать, — я провёл обряд, который мне показал это место.

Брат Доминик побледнел.

— Ты понимаешь, Петер, что я теперь обязан отдать тебя под арест?

— Понимаю, — смиренно сказал охотник, — а отдашь?

— Нет, — буркнул инквизитор, — не отдам, я думаю, ты ещё не встал на сторону врага рода человеческого, а потому не буду на тебя доносить, тем более, что схватить колдуна не сможет больше никто, нам придётся взять тебя с собой, но учти, за тобой будут постоянно следить.

— Пусть, — отмахнулся охотник, — я знаю, что и зачем я делаю.

— Уверен?

— Да.

— Хорошо, я постараюсь правдоподобно объяснить остальным, откуда ты взял сведения о местонахождении колдуна, а теперь собирайся, дорога каждая минута.

Сборы не заняли много времени, вещи им не нужны, всё необходимое они получают в порту. Поэтому те несколько часов, что были в его распоряжении, Морт потратил на то, чтобы побыть со своей женой. Они почти не разговаривали, просто сидели, обнявшись, и глядели друг другу в глаза. Морт пытался прислушаться к своим чувствам. Что-то происходило, но описать это словами он бы не смог. Как будто в нём разгорался пожар, пламя которого делало его сильнее и злее, а рядом с Марией это пламя почти сразу гасло, он внезапно становился спокоен, накатывало необъяснимое блаженство, сопоставимое, разве что, с тем, которое испытывает человек, сбросивший со своих плеч непосильное бремя. С ней он чувствовал себя... живым.

— Я боюсь, — проговорила она, наконец, глядя его маленькой ладонью по щеке, — боюсь, что ты не вернёшься.

— Я вернусь, — уверенно заявил он, — я сильнее колдуна, мне нужно только найти его и Зло, что ненавидит человеческий род, будет побеждено. Навсегда.

— Я боюсь другого, — сказала она, промокая платочком слёзы в уголках глаз, — ты меняешься, Петер, становишься кем-то, кого я не знаю, я помню тебя другим, ты и есть другой, но иногда становишься кем-то...

— Кем?

— Не знаю, но я давно заметила, стоит тебе заговорить о деле, как прежний Петер куда-то исчезает, появляется другой, страшный, опасный для всех.

— Только такой я смогу победить Зло, — упрямо сказал он, понимая, к чему клонит жена, в душе его стала закипать злоба, но он смог её задавить, — я люблю тебя, и люблю его. Его рука погладила женщину по животу.

— И мы тебя любим, Петер, вернись к нам, пожалуйста, не оставайся там.

Что именно имела в виду Мария под этим словом, объяснять не требовалось, он сам это понимал, и снова делал выбор в пользу другого себя, того, кто своим злом сокрушает ещё большее зло.

— Мне пора, — сухо сказал он, с трудом расцепив её руки, — береги себя и жди. Месяц, может быть, два. Я вернусь, думаю, что с победой.

Во дворе уже цокали копыта лошадей, экипаж, призванный доставить группу инквизиторов на северный берег Германии, остановился во дворе, ждать было больше

ничего. Нежно поцеловав жену, он вышел на улицу. Никаких вещей у него не было, только он сам и оружие, давно ставшее частью его тела.

Глава двадцать пятая

Северный Ледовитый океан остров Шпицберген 16.05.1699 г.

— С чего ты взял, что это были русские моряки? — спросил брат Доминик, закутанный по самые глаза в меховую шубу, — ты разве знаешь их язык?

— Знаю, — кивнул Морт, он, в отличие от инквизиторов, почти поголовно происходивших из южной Европы, холода не боялся и был одет только в свой дорожный плащ.

— Откуда? — снова спросил Доминик, — ты не говорил, что бывал там, ведь дела Святой Инквизиции не распространяются на территории, занятые московскими схизматиками.

— А ты никогда и не интересовался, откуда я родом? — напомнил Морт с усмешкой, — и чем я занимался до того, как стал работать на Инквизицию, тоже тебе неизвестно.

— Расскажи.

— Места, где я родился, тогда назывались Литвой, но сейчас, насколько мне известно, они отошли к Москве. Вряд ли я смогу показать это место на карте, тогда я не знал географии.

— Я знаю, — кивнул Доминик. — Князь литовский постоянно грызётся с королём Польши, даже папа не в силах помирить их, а тем временем царь схизматиков постепенно прибирает их земли к рукам. И чем же ты там занимался?

— Мой отец был охотником, — начал рассказывать Морт, его почему-то потянуло на откровенность, — мы жили в небольшом домике в лесной глуши, даже дорог поблизости не было. Матери я не помню, она умерла, когда мне было два года. Отец растил меня один, он же научил меня всему, что знал сам.

— Так вот откуда твои навыки охотника, — подвёл итог Доминик.

— Да, к восьми годам я уже умел ориентироваться в лесу, читать следы, звериные и человеческие, стрелять из лука и арбалета, последний мне давался плохо, не хватало сил, чтобы натянуть тетиву. А чуть позже отец раздобыл ружьё, настоящий кавалерийский карабин, свинец и бочонок пороха. Не знаю, где он его взял, украл у солдат, а может, выменял на что-то, с ружьём мне было проще управляться. Отец часто куда-то пропадал, а возвращаясь приносил с собой одежду, хлеб, соль и новости, которые пересказывал мне. Думаю, он ходил туда, где жили крестьяне и выменивал у них всё это на мясо и шкуры. Но важнее всего были новости. Другим детям родители рассказывают сказки, но отец сказок не знал, а потому ночью, когда мы укладывались спать, он рассказывал мне о жизни в большом мире. Кто-то женился, а кто-то умер, кем они были, как выглядели, чем знамениты, от него я узнавал, что есть другой мир, где живут люди, много людей, живут они вместе, много домов называются деревней, а очень большая деревня называется городом, людей там, как муравьёв в муравейнике. Отец говорил, что в городе был только один раз, ему не понравилось. Изредка он рассказывал о войне, когда много людей с оружием собирались и убивали друг друга, примерно так, как мы с ним убиваем зверей. Рассказывал часто подробно, думаю, он сам успел где-то повоевать в молодости. Иногда я видел других людей, изредка они останавливались в нашем доме, ночевали, а потом снова отправлялись в путь. Это были

мужчины и женщины, иногда даже дети, но с ними я почему-то не сходилась. Они все подолгу беседовали с отцом, но смысл тех бесед я понял намного позднее, когда подрос. Тогда я понимал только одно, что не все люди хорошие, многие из них злые и жадные, а другие люди от них страдают.

— Кем были эти люди? — спросил Доминик, переваривая услышанное.

— Отец укрывал беглых, крепостные, сбежавшие от своих хозяев, они искали лучшей доли, бежали чаще на запад, надеясь пристроиться там. Возможно, кто-то пристроился, другие же снова попадали в неволю, но я помню их глаза, им было неважно, куда бежать, важно было, откуда они бежали. Из их объяснений я вынес только одно, что на старом месте их ждала только смерть. На новом же они могли на что-то надеяться.

— Это пограничные места, — заметил инквизитор, — они часто подвергались разорению, думаю, местным крестьянам, и правда, жилось нелегко.

— Они не упоминали врагов внешних, — возразил охотник, — все беды приписывались помещику, неважно, литвин он, поляк или русский. Тот, кто отбирал у них последнее. Такое было повсеместно, но в некоторых местах приходилось тяжелее всего.

— А что было потом?

— Отец был уже немолод, его мучила какая-то болезнь, он слабел на глазах, а добывать зверя ему было всё труднее. Правда, подрастал я, всё чаще отправляясь на охоту в одиночку. Но в тот раз медведь подошёл слишком близко к нашему дому, мы поздно его слышали, отец схватился с ним, имея в руках только короткий нож. Это было не так страшно, ведь он уже не раз участвовал в таких схватках и всегда выходил победителем. Увы, старость и болезнь отняли у него все силы, я успел схватить ружьё и выстрелить. Медведя я убил, но поздно, отец был уже мёртв.

— И что ты сделал?

— Я слышал, что такое похороны, а потому закопал отца в землю, завернув в шубу. А сверху поставил крест, сколотив две палки. Потом ещё немного подумал и украсил могилу рогами оленей и клыками медведя. Решил, что так будет лучше. Дальше я жил один, но недолго, мне стало невыносимо жить там, где нет отца, единственного близкого человека.

— Ты ушёл? — спросил Доминик очевидную вещь.

— Да, я собрался, взял вещи, какие были, даже тощий кошелёк с серебром, отец мне показал, где оно хранится и даже объяснил, как следует им пользоваться. Взял с собой и ружьё, к которому почти не осталось пороха, нож, с которым не расставался тогда и сейчас. Перед уходом я сидел на могиле отца и прощался с ним, слов подобрать не мог, просто плакал и бормотал что-то. А потом ушёл, в путешествии по лесу не было ничего нового или необычного, мы часто уходили далеко от дома в поисках зверя. А теперь я зашёл чуть дальше обычного, шёл на закат, я помнил, что беглые люди направлялись туда, думал, что и мне там будет лучше. Я легко добывал пропитание охотой и ни в чём не нуждался. Первое время.

— И как?

— Моё удивление было велико, когда лес внезапно кончился, только что я шёл среди деревьев, а теперь их не стало. Я не на шутку испугался и хотел повернуть назад. Но потом мне стало любопытно, я увидел людей и большие красивые дома. Нашёл дорогу, по которой шли люди, ехали телеги и верховые. Они говорили на непонятном языке, я пытался запоминать слова, но получалось плохо. Очень скоро я убедился, что не все люди хорошие, на одном из перекрёстков меня встретили солдаты, отняли ружьё и сильно побили. Вещи мои их, впрочем, не заинтересовали, я сохранил нож и серебро, которое помогло мне не

умереть с голоду. А ружьё было не такой уж большой потерей, охотиться мне теперь было не на кого, звери не живут там, где нет леса.

— Что было потом? — спросил Доминик, поскольку охотник на какое-то время замолчал.

— Меня приютил монах, это был настоящий слуга божий, фанатик веры, он был грамотным и начитанным, а в его доме хранилось несколько книг. Жил он отдельно от других людей, мне это нравилось, я поначалу видел в нём того, кто заменит мне отца.

— Не заменил. — скорее утвердительно, чем вопросительно сказал святой брат.

— Я благодарен ему за всё, он учил меня языку, а следом и грамоте, немецкой и латинской, я оказался способным учеником, уже через год я смог самостоятельно читать Святое Писание, что, как он мне по секрету сообщил, не все монахи могут.

— И что же тебе не понравилось?

— Он хотел, чтобы я стал монахом, а мне этого не хотелось. Не то, чтобы я не верил в бога, я и само понятие это поначалу плохо воспринимал. Отец использовал это слово, но не объяснял его смысла. А монах объяснил, и мне предстояло этому богу служить всю жизнь, не занимаясь более ничем, а в мире было столько интересного, я не хотел пройти мимо этого.

— Сбежал?

— Да, прощаться я не хотел, только оставил записку из десятка слов, а потом снова ушёл. Я прибил к цыганам, которые ездили по разным землям со своим цирком, развлекавая горожан за звонкую монету. Они поначалу хотели, чтобы я водил дрессированного медведя, но медведь отчего-то боялся меня и начинал вырываться. Пришлось стать акробатом. Я и раньше был силён и ловок, а постоянные тренировки сделали меня подобным обезьяне. Там же мой опекун научил меня драться на ножах. Однажды представление завершилось пьяной дракой, в которой я впервые убил человека. Перерезал ему горло, чтобы спасти своего друга. Мы тогда успели сбежать, а потому отвечать за убийство не пришлось, когда этот случай начали расследовать, наш табор был уже далеко.

— Что же тебе не понравилось у них?

— Всё понравилось, я думал, что всю свою жизнь буду так путешествовать. Но вышло иначе. Мне было уже шестнадцать. Как раз тогда случилась война между Австрией и Венгрией, продолжалась она недолго, но нас угораздило оказаться меж двух огней, я ненадолго отлучился по делам, а когда вернулся, узнал, что всех арестовали, какой-то капитан принял их за шпионов и приказал повесить. Всех, даже детей. Я ничего не смог сделать, только потом, когда их тела сняли, смог их похоронить в общей могиле. А потом я шёл по следам пехотного батальона, выжидая момент. Моих умений хватило, чтобы не попадаться. В одну из ночей я забрался в лагерь, не спрашивая, как мне удалось пройти мимо часовых, видимо, навыки охотника и акробата помогли. Я зарезал капитана, а потом двоих солдат, их я хорошо запомнил, именно они набрасывали петли на шеи моих друзей. Потом я снова бродяжничал. Меня привлекли города, странно, но множество людей, собранных в одном месте, позволяло неплохо прятаться. Когда вокруг тебя десяток человек, ты видишь их, а они видят тебя. А когда кругом тысячи, никто никого не видит. Я тогда ничего полезного не умел делать. Будучи грамотным, я мог пойти в помощники к торговцу, но мне это показалось скучным.

— И ты стал воровать?

— Да, у меня это отлично получалось, я познакомился с другими ворами, научился от

них новым трюкам, более того, воры меня уважали и побаивались. Знали, что мой нож куда быстрее, чем их язык. Тогда я и взял себе фамилию Морт, а звали меня с рождения Петром. Я убивал довольно часто, более того, несколько раз мне приходилось делать это по заказу, некие влиятельные господа, желая решить свои проблемы, обращались к ворам и разбойникам. А лучшего специалиста было сложно себе представить. Когда слава обо мне доходила до первых лиц города, мне становилось неуютно жить там, меня могли просто схватить и повесить, не утруждая себя доказательствами, тогда я просто переезжал на новое место.

— И ни разу не попался? — с недоверием спросил Доминик.

— Однажды чутьё мне изменило, я был схвачен, хотя моих грехов именно в этом городе не хватило бы для виселицы. Но судья, познакомившись со мной поближе, предложил сделку. Он меня отпускает, а я убиваю, кого скажут. Выглядело это заманчиво, я понимал, что меня потом, скорее всего, тоже убьют, но, как всегда, надеялся выкрутиться. Но дело оказалось сложнее, чем я думал, это не просто было убийство конкурента в торговле, или любовника жены, или просто врага, оказалось, что судья, как и очень многие в том городе, занимались колдовством, без особого, впрочем, успеха, теперь-то я в этом разбираюсь. Ими заинтересовалась инквизиция, которая и арестовала меня сразу, как только я покинул тюрьму. Пригрозив мне пытками, они потребовали сотрудничать уже с ними, была придумана замечательная ловушка, смерть заказанной жертвы мы инсценировали, просто спрятав её. Потом следовало взять их с поличным, да только, и они не сидели сложа руки. Так вышло, что святые братья, которые должны были производить арест, были сами арестованы городской стражей. Так вышло, что я оказался на шабаше один против всех. Ещё был брат Иоганн, ныне покойный ты его, наверное, помнишь, но он не был бойцом, только наблюдателем. Их было больше двадцати человек, а я один, с ножом и своим умением.

— Дальше я знаю, — подвёл итог Доминик.

— Именно, драка началась прямо в разгар обряда, кровь хлестала во все стороны, я хотел выжить и дрался отчаянно. Возможно, эта кровь и повлияла на дальнейшие события, на поляне, где всё происходило, разверзлись ворота в ад, куда я благополучно провалился.

— Ты говорил, что ничего не помнишь, — напомнил Доминик.

— Я хотел бы ничего не помнить, — Морт криво улыбнулся, — вот только не получается. Я видел слишком многое, что помнить не стоит, видел огненную пропасть, что засасывает отчаянно вопящих людей, видел мерзкую рожу Сатаны, видел, как нечто дьявольское проникает сквозь меня, а на теле золотым огнём выжигаются эти символы. Что произошло потом, я сказать не берусь. Долгое время я считал, что мои усилия помогли противостоять силам ада, но это было не так. Теперь я думаю, что Сатана намеренно отпустил меня.

— Зачем?

— А зачем Господь позволяет жить убийцам и бандитам? Почему не испепелит колдунов и еретиков, глумящихся над верой? Это испытание. Мне. Ему. Другим людям. Его слугам.

— Дальше я расскажу сам, — прервал его инквизитор, — всё, что нам тогда рассказал брат Иоганн, вместе с колдовскими знаками на твоём теле, было весомым аргументом, чтобы отправить тебя на костёр.

— Но вы этого не сделали. Почему?

— Ты ведь помнишь, как тебя держали в застенках, ежедневно выводя на допрос,

кажется, даже пытки применяли.

— Ничего особенного, — Морт как-то слишком спокойно махнул рукой, — я немного повисел на дыбе, да пару раз прижгли огнём. Но в сравнении с огнём Преисподней, что выжигал клеймо на моём теле, это было почти не больно.

— Так вот, в итоге, мы пришли к выводу, что с нашей точки зрения прегрешений за тобой нет. Была мысль сослать тебя в дальний монастырь, где-нибудь в Ирландии, но мы от неё отказались, куда лучше было использовать тебя в своих целях. Ты умел проникать туда, куда был закрыт вход другим, умел красть улики и вынюхивать секреты. Всё это не умеют делать святые братья, да это и противно их принципам. Кроме того, ты стал замечательным бойцом, а после этих событий и вовсе непобедимым, наша армия мала и не всегда её можно использовать, а вот одинокий профессионал с ножом очень может пригодиться. Когда принимали решение о твоей судьбе, кто-то из святых братьев, не помню уже, кто именно, сравнил тебя с волкодавом, который тоже чудовище, но полезен людям, он может поймать волка и защитить овец. Все сомнения относительно твоей верности испарились, когда мы раскрыли благодаря тебе несколько громких дел. Именно тогда твою свободу перестали ограничивать и поселили тебя в резиденции.

— Я искренне благодарен вам, святые братья, — спокойно сказал Морт, — вряд ли другая судьба была бы для меня более удачной.

— Да, — сказал Доминик и замолчал, он явно хотел добавить что-то ещё, но не стал.

— Братья, — крикнул им капитан корабля, — мы встали на якорь, шлюпка спущена, готовьтесь.

Команда инквизиторов направилась к борту.

Глава двадцать шестая

Остров Шпицберген, несмотря на тёплое время года, оттаивать не думал, широта к такому не располагала. Каменистый берег тянулся только на пару десятков шагов, а дальше начинались ледяные горы, где сложно было различить камень и лёд. Всегда здесь такое, или же просто этот год выдался холодным, Морт не знал.

Лодка причалила не к тому берегу, который он видел, просто здесь можно было плыть, не рискуя разбиться о камни, а относительно пологий берег располагал к высадке. Теперь им предстояло пройти несколько миль вдоль берега, потом найти русских моряков, у которых они попытаются узнать о присутствии на острове колдуна. Корабль в это время дрейфовал вдоль берега на расстоянии в полмили, команда внимательно наблюдала за передвижениями святых братьев, в любой момент готовая выслать им шлюпку.

Группа, что шла по берегу, выделялась на светлом фоне в своих тёмных одеяниях на меху. Только Морт, который плевать хотел на холод, шагал впереди всех, запахнув плащ и придерживая шляпу, которую норовил сорвать с него холодный ветер.

— Слушай, Петер, — спросил вдруг Доминик, — ты не задумывался, почему каждый раз, когда он куда-то плывёт на корабле, гибнут матросы?

— Нет, — честно ответил Морт, — а ты?

— Я думаю, что дело здесь отнюдь не в злобности природы колдуна, — предположил инквизитор, — подозреваю, что он производит какой-то магический обряд.

— Который непременно следует проводить в открытом море? — уточнил Морт, — вызов ветра, или, наоборот, успокоить начинающийся шторм?

— Может быть, всё так и есть, — инквизитор снова задумался, — вот только, подозреваю, что тут нечто большее, что-то, без чего он не может обойтись.

— На суше он обходится редкими обрядами, смерти нужны раз в год, — напомнил охотник, — а в море он буквально выедаёт свою команду. Хорошо, если не в прямом смысле.

— Думаю, он слабеет, когда оторван от земли, — предположил Доминик, — его колдовская сила имеет земное происхождение, а в море она угасает. Думаю, он даже испытывает муки, лишаясь своего могущества, а восполнить его можно только убивая людей.

— Хорошая версия, — одобрил Морт, — если получится, попробую схватиться с ним на море, вдруг сумею схватить его. Как думаешь, где его корабль?

— Здесь много удобных бухт, весь берег изрезан фьордами, можно загнать судно туда, и никто его не найдёт. В любом случае, команда, по крайней мере, большая её часть, жива. Ему предстоит обратный путь по опасным морям.

— Можно было попробовать найти корабль и взять на abordаж, — предложил Морт, — тогда он окажется заперт на острове, а мы, рано или поздно, его найдём.

— А ты уверен, что мы сможем это сделать? — подозрительно спросил инквизитор. — Их корабль больше и экипаж на нём куда как многочисленней нашего.

Морт только презрительно хмыкнул.

— Хорошо, сейчас осмотрим берег, поговорим с моряками, а потом будем искать корабль, — подвёл итог инквизитор.

Скоро они вышли на берег, где стояла избушка, прошло уже много дней, уверенности в том, что русские моряки ещё живы, у них не было. Братья рассыпались полукольцом, придерживая за спиной богоугодное, но надёжное дубьё. Морт осторожно постучал в дверь.

Ему никто не ответил, но за дверью послышалось какое-то шевеление. Они живы, но открывать не хотят. Подозрительно. Или гости к ним уже приходили, и им это не понравилось?

Дверь в избушке не была настоящей дверью, это был просто деревянный щит, привязанный верёвками. Морт аккуратно чиркнул ножом по верёвочным петлям, потом осторожно потянул дверь на себя, в любой момент ожидая нападения. Тот, кто стоял за дверью, отчаянно шарахнулся назад, в руках его было какое-то оружие, вряд ли ружьё, скорее, копьё или острога, рассмотреть лучше не позволяла темнота. Охотник снял шляпу и осторожно шагнул за порог.

— Стой! — заорал человек с копьём, бешено вращая глазами, — стой, немец, не подходи!

Внутри дома был небольшой светильник, каменная площадка с фитилём, где горел тюлений жир, небольшое коптящее пламя позволяло хоть немного рассеять темноту. С копьём в руках стоял тот, кого называли Климом, а товарищ его лежал чуть поодаль, он тоже сжимал в руке нож, но был так слаб, что подняться уже не получалось. Морт продемонстрировал им пустые руки и сказал, стараясь произносить русские слова без акцента:

— Я не немец, я русский, меня Петром зовут, Пётр, Иванов сын, из Литвы я, — всё это время он смотрел Климу в глаза и понемногу двигался вперёд, тогда как сам Клим отступал, несмотря на наличие в руках оружия, — не надо меня бояться, я здесь, чтобы вас спасти.

— Перекрестись, — вдруг потребовал Клим, копьё он держал нетвёрдо, да и сам был готов упасть, голодовка сделала своё дело.

Морт перекрестился, более того, сделал это по-русски, тремя пальцами справа налево. Клим облегчённо вздохнул и опустил копьё.

— А теперь скажи мне, — попросил Морт, — что заставило тебя кидаться с копьём на гостя, ведь вы тут скоро умрёте и должны радоваться помощи?

— Приходила уже, «помощь», третьего дня — Клим зло сплюнул в сторону, — от той помощи мы чуть все не сгнули. Пятеро нас было, а теперь вот...

— К вам приходил кто-то, кто убил троих, — уточнил Морт.

— То бес приходил, — Клим уронил своё копьё и устало опустился на камень, заменяющий сидение, — может и не убил, а прямо в пекло уволок. Мужики кричали, будто их жрут заживо. А вечер снова пришёл, вокруг дома ходил, да внутрь зайти не смог, мы тут с Гришей сидели, обнявшись, да молитву творили, потому и побоялся. Уж лучше от голода сгнать, чем так.

— Умирать не нужно, — спокойно сказал Морт, — теперь вас спасут, вы пойдёте с нами, а потом вас увезёт корабль. Правда, в немецкие земли, но оттуда обязательно вернётесь домой. Со мной монахи, правда, латинские. Мы здесь колдуна ловим, это он ваших людей убил.

— А пожрать у вас нет? — подал голос из угла Гриша.

— Сейчас спрошу, — Морт выглянул наружу, — есть у кого еда?

Один из святых братьев молча подал свёрток с сухарями и флягу с вином.

— Вот, подкрепитесь, — посоветовал Морт, передавая припасы морякам, — а потом пойдёте с нами, колдун вас точно уже не достанет.

Пока оба моряка ели, в домик вошёл Доминик с двумя братьями. Оглядев двух истощённых мужчин, он понимающе кивнул, потом повернулся к Морту.

— К ним приходил некто, — начал объяснять охотник, — он уже убил троих, надо полагать, колдун изголодался, убивать своих матросов было нельзя, а тут для него нашлась пища. Эти двое заперлись в доме, говорят, что смогли отогнать его молитвой, хотя мне в это слабо верится.

— Спроси, как он выглядел? — попросил Доминик.

— Как выглядел тот бес? — Морт обернулся к морякам.

— Как бес и выглядел, — проворчал Клим, отбирая сухарь у своего друга, сам он тоже съел только два, остальное аккуратно завернул и спрятал себе за пазуху. Опытный, знает, что после голодовки сразу много есть нельзя. — Большой, чёрный, глаза, что угли горят. Я его только мельком и увидел, когда он Тимоху поволок за собой, да не поволок, а словно бы по воздуху нёс, а тот кричал, сначала громко, а потом всё тише, пока вовсе на писк не сошёл.

— А приходил он откуда? — не унимался Морт, ему следовало с чего-то начинать поиск.

— Оттуда, — Клим ткнул пальцем влево, — так по берегу и шёл, или не шёл, не видно, как ногами перебирал, будто летел по воздуху.

— Там есть бухта? Чтобы большой корабль поместился?

— Есть, как же, тут кругом бухты, вот и там есть, всего вёрст пять по берегу.

— Надо идти, — сказал Морт по-немецки, повернувшись к Доминику, — может быть, мы успеем, или, хотя бы, найдём их корабль.

Оба моряка собирались недолго, накинули тулупы, взяли кое-какие необходимые предметы и отправились вместе со всеми. Доминик просигналил наблюдателю на корабле, чтобы двигались дальше, тот всё это время должен был смотреть на них в подзорную трубу.

Прошли они недалеко, на берегу обнаружили следы. Точнее, увидел их один только Морт, для остальных это просто были голые камни и снег. Охотник остановился, резко втянул носом воздух, после чего развернулся и сказал братьям:

— Возвращайтесь на корабль, он пошёл в горы, совсем недавно, я его догоню, плывите вдоль берега и постарайтесь найти его судно.

— Ты уверен, Петер? — испуганно спросил Доминик, — нам следует пойти с тобой.

— Вы ничего не измените, — он отмахнулся, — взять его смогу только я, может быть, ещё до того, как он возьмёт артефакт. Займитесь лучше кораблём.

Больше он ничего не говорил, гибкая подвижная фигура запрыгала по камням, поднимаясь всё выше. Горами это можно было назвать лишь условно, просто нагромождение из огромных валунов и ледяных глыб. Но следы были, колдун, напившись жизнями моряков, отправился за добычей. Это было недавно, всего час или два назад. Есть время его перехватить и, возможно, убить. Про то, чтобы доставить колдуна на суд и предать потом огню, он даже не думал, слишком опасно, этот враг сможет сбежать из любой тюрьмы и даже из зала суда.

Местность равномерно поднималась, скоро лёд исчез, оставив под ногами только гранитные скалы, теперь можно было бежать быстрее, чтобы его не задерживал сильный ветер, охотник сбросил свой плащ и положил его на камни, придавив небольшим валуном. В рубашке и жилете было холодно, но быстрый бег немногосогревал.

Цель его была всё ближе, пара миль, не больше. В воздухе повисло нечто, чего он не смог бы описать словами, какое-то предчувствие. Что-то очень плохое должно было случиться с минуты на минуту, он не знал, что именно, но это внушало страх и заставляло бежать всё быстрее.

Наконец, он увидел того, кого так давно преследовал. Шамаэль стоял спиной к нему и добывал последний артефакт. Тот, как и следовало ожидать, был заключён в камне. Он не разрубил скалу призрачным лезвием, не расплавил её адским огнём, не заставил раскрыться магическим заклинанием, вместо этого могущественный колдун стоял и долбил камень обычным кайлом, словно простой рудокоп. Вряд ли он не заметил появление Морта, но, видимо, работа его не позволяла отвлекаться, кайло поднималось снова и снова, чтобы очередным сильным ударом отколоть ещё один кусок серого гранита.

Вынув нож, Морт бросился в атаку, но наткнулся на невидимую стену. Магия. Попытка прорваться сквозь неё силой результата не дала, стена держала крепко. Тогда он призвал на помощь другую силу, ту, что бурлила в глубине его тела, постоянно требуя свободы. Не представляя, какие заклинания можно использовать, он просто приказал силе войти в его левую руку, а потом, что было сил, ударил раскрытой ладонью по невидимой стене. Раздался звон и грохот, говорящий о том, что невидимая стена раскололась на тысячи невидимых осколков.

Теперь враг был перед ним. Морт шагнул вперёд, но сразу увидел, что опоздал, колдун обернулся и с торжествующим видом продемонстрировал камень, размером с кулак, который переливался всеми цветами радуги.

— Ты опоздал, охотник, — колдун осклабился, показав крепкие белые зубы, — теперь у меня есть все части Камня, я соберу его и получу силу, сравнимую только с силой Хозяина. Но Хозяин мой там, а я здесь, на земле. Я, а не ты, слышишь?

Глаза его горели огоньком безумия. Морт понимал, что пришёл поздно, что камень в руках колдуна. Но сам колдун при этом здесь, рядом с ним, до него можно дотянуться рукой. И ножом.

Первый выпад Шамаэль пропустил, лезвие царапнуло руку, державшую камень, потекла кровь странного, почти чёрного цвета, которая почти сразу остановилась. Камень исчез в его руке, а сам он кинулся в атаку. Кайло просвистело по воздуху, едва не пробив голову охотника. Он увернулся, отступив на шаг назад, и, в свою очередь сделал выпад ножом. Сталь распорол ткань одежды, но до тела колдуна не достала, снова они обменялись ударами, и разошлись в сторону.

Колдун начинал заводиться, глаза его снова горели колдовским огнём, а зрачки стали вертикальными, как у кошки. Отступив чуть назад, он отбросил кайло и метнул в охотника сгусток белого света, по задумке, колдовство должно было его убить, но свет, ударив в тело охотника, только рассыпался на тысячи искр, которые почти сразу угасли.

— Ты стал силён, охотник, — в рычащем голосе колдуна невольно прозвучало уважение, — но ты меня не остановишь, ты — всего лишь препятствие на пути. Не самое трудное.

Хлыст, сотканный из яркого света ударил поперёк тела охотника, но он моментально рассёк его ножом. Кинувшись вперёд, он нанёс удар ножом, что должен был рассечь колдуна пополам, но сталь пронзила пустоту. Тело колдуна взорвалось облаком чёрного дыма, он снова материализовался за спиной у Морта, с адским хохотом, переходящим в визг, он царапнул по его спине когтистой лапой, прочная кожа жилета и стальные пластины выдержали это, а охотник, не поворачиваясь, нанёс удар ногой, отбросивший колдуна назад.

Прокатившись по земле, колдун вскочил на ноги, точнее, это был уже не просто колдун, тело его изменялось, приобретая черты настоящего демона. Когти на пальцах становились всё длиннее, морда удлинялась вперёд, а между острыми, как у крокодила зубами высунулся

раздвоенный фиолетовый язык, одежда на теле исчезла, а само тело приобретало всё большее сходство с обликом своего хозяина.

Но менялся и Морт, ярость, охватившая его, удесятряла силы, он двигался уже с такой скоростью, что сам не мог уследить за своими движениями, да это и не требовалось, тело само помнит, что нужно делать, на колдуна обрушился град ударов, часть из них пришлась в цель, демоническое тело начало покрываться порезами. Раны затягивались, но недостаточно быстро, а появлялись гораздо чаще. Атаковать он уже не мог, только пятился назад, пассивно защищаясь и уворачиваясь от ударов. В какой-то момент они встретились глазами, всего на миг, но за этот миг демон различил во взгляде охотника нечто такое, что заставило его отпрыгнуть назад и побежать, каждым прыжком преодолевая расстояние в десяток шагов.

Охотник не отставал, колдун бежал к берегу, следовало его перехватить раньше, чем он поднимется на корабль. Мелькнула мысль, что братья уже захватили корабль или, хотя бы, заблокировали выход из бухты. Море показалось скоро, колдун медленно, но верно, увеличивал разрыв, вся надежда только на святых братьев.

Когда Шамаэль оказался на берегу, его встретили, но толпа инквизиторов не смогла остановить этот комок ярости, он расшвырял их в стороны, словно тряпичные куклы, а раны, нанесённые ему, хоть и были тяжелы, но не причинили критического вреда. Разбежавшись, колдун прыгнул в ледяную воду и быстро, извиваясь всем своим телом, напоминая тело ящерицы, поплыл вперёд. Там, на рейде, стоял корабль инквизиторов, но колдун плыл куда-то в сторону. Они поняли его цель слишком поздно, когда на совершенно пустой воде показался корабль, прежде прикрытый колдовским мороком.

Цепляясь когтями за обшивку, Шамаэль вскарабкался на борт и что-то заорал матросам на непонятном языке. Те бросились по местам, а внезапно налетевший шквальный ветер надул паруса, и корабль стал удаляться.

Доминик, утирая кровь с лица, остановил Морта, который с рёвом пытался броситься в воду.

— Нет, Петер, не нужно, ты его уже не догонишь. Нужно сесть на корабль, наше судно самое быстрое из тех, что можно было достать, мы нагоним их в пути.

Он был прав. На то, чтобы прийти в себя и укротить свою бешеную ярость у Морта ушло несколько минут. Наконец, он сел на холодную землю и закрыл лицо руками, тело его подрагивало, со стороны могло показаться, что охотник плачет. Как знать, возможно, так и было.

В это время с корабля спустили шлюпку, а капитан приказал начинать разворот. Они теряли драгоценные минуты, а корабль Врага всё дальше уходил на юго-запад. Оставалось только надеяться, что скорость их корабля позволит наверстать упущенное, а чувства Морта помогут им не потерять след.

Глава двадцать седьмая

Северное море, недалеко от берегов Норвегии 26.05.1699 г.

Погоня затянулась. Были ли причиной того козни колдуна, или же просто стечение обстоятельств, осталось неизвестным. Корабль временами попадал в полосу штиля, потом начинался сильный встречный ветер, заставлявший капитана разворачивать судно под разными углами, чтобы хоть как-то двигаться вперёд. Море затягивал туман, который снижал видимость до пары десятков шагов.

Разумеется, они бы уже давно потеряли след корабля, что уходил от них, но был и у святых братьев свой козырь. Сейчас он сидел на носу и смотрел вперёд немигающим взором. Направление Морт указывал безошибочно по первому требованию, он, словно стрелка компаса, навёлся на своего врага и не желал отклоняться от курса. Так он сидел почти всё время. Кто-то из братьев приносил ему еду и питьё, кто-то заботливо накрыл тёплым одеялом. Охотник принял помощь с благодарностью, но со своего поста не уходил более, чем на пару минут. Он боялся потерять связь с беглым колдуном, боялся, что корабль собьётся с пути.

Но всё же удача им улыбнулась. Когда оба корабля оказались на равном расстоянии от берегов Англии и Норвегии, на горизонте показался корабль-беглец. Теперь им уже ничто не мешало. Расстояние сокращалось медленно, но шансы на успех у них были и немалые.

Капитан во всё горло выкрикивал команды, а часть матросов вместе с братьями изготовилась, чтобы идти на abordаж. Оба корабля были мирными, пушек на них не было, поэтому схватка, если она случится, будет такой, на саблях и пистолетах.

Догнали они беглецов только спустя пару часов. Морт, наконец-то, соизволил встать с палубы и сбросить с плеч одеяло. Его плащ остался на острове, но он о нём не жалел. В руке он сжимал abordажную саблю, а нож ждал своего часа на поясе.

Корабли сближались, матросы противника бросили паруса, признав это занятие бесполезным, и тоже изготовились к бою. Это были не просто моряки, какая-то очередная секта, созданная Шамаэлем для своего удобства. Они были вооружены саблями и короткими пиками, огнестрельного оружия Морт не рассмотрел. Сколько их там? Десятка четыре? Можно было даже попросить святых братьев подождать в трюме, он справится сам. Был уверен, что справится.

Повинуясь голосу разума (в лице которого выступил брат Доминик) он снял свой жилет, который мог утянуть его под воду в случае внезапного падения. Броня не понадобится, его сложно ранить.

До столкновения остались считанные секунды, святые братья приготовили кошки, чтобы зацепиться за борт вражеского корабля. Морт набрал воздуха в грудь. Началось.

Он не помнил, как оказался на борту вражеского судна, происходящее воспринималось им, как сплошной калейдоскоп, где ежесекундно менялись картинка, а предыдущие затягивало красным фоном. Только отдельные моменты запечатлелись в его мозгу. Вот какой-то матрос замахнулся на святого брата топором, а вот его рука вместе с этим топором летит в сторону, а сам он падает на палубу, заливая всё струями алой крови из обрубка руки. Вот по воздуху медленно проплывает отрубленная кем-то (он хорошо знал, кем) голова, даже

удалось рассмотреть на лице выражение крайнего недоумения. Вот его рука выхватывает пику какого-то матроса и, мгновенно её развернув, втыкает ему же в глаз, пробивая голову насквозь. Рубка остановилась тогда, когда клинок сабли переломился, застряв в трупe одного из убитых, быстро выхватив нож, охотник на мгновение приостановил боевую ярость, это позволило ему сообразить, что убивать больше некого, немногие враги, кто ещё оставался жив, ползали в лужах собственной крови и пытались запихнуть внутренности обратно в свой живот. Святые братья, увидев такой поворот событий, старались держаться позади, понимая, что он вполне способен перепугать и снести голову кому-то из своих.

Остался только один враг, он стоял на корме, медленно отступая назад. На лице его блуждала ехидная улыбка, говорящая о том, что у колдуна припасена очередная гадость. Но, в то же время, видно было, что он боится, что готов убежать хоть по морю вплавь.

Залитый кровью с головы до ног Морт медленно вытащил нож и начал подходить к нему. Колдун не стал ничего говорить, он просто попытался повторить свой давний трюк с летучими мышами, который уже однажды спас его от гнева охотника. Этот способ побега он применял редко, на него были наложены серьёзные ограничения, а вдобавок, колдовство требовало сил, которых катастрофически не хватало. Даже два убитых матроса, жизненная энергия которых немного подпитала его силу, не могла изменить это радикально.

От первых ударов он уклонился, но они заставили его упасть назад, а следом произошло то, что Морт успел рассмотреть подробно. Тело колдуна под одеждой пошло буграми, перекошенная яростью физиономия начала раздаваться в стороны, уши вдруг обернулись крыльями, а глаза — раскрытыми ртами отвратительных крылатых тварей, уже начавших разлетаться в стороны.

Но уловка не удалась, предусмотрительный брат Доминик с двумя помощниками быстро накинули сверху сеть для ловли мелкой дичи, которую теперь проворно стягивали. Мелкие монстрики беспомощно бились в сети, не в силах вылететь наружу. Колдун снова собрался в единое тело, теперь уже в демоническом облики, сетка затрещала под напором могучих лап, он вырвался, но повторить трюк уже не мог, сил хватало только на то, чтобы размахивать лапами, пытаясь достать хоть кого-то из окружающих.

Морт, рванувшись вперёд, раз за разом всаживал клинок ножа в неистово бьющуюся тушу демона, во все стороны хлестала чёрная кровь, тварь ревела и пыталась превратиться в кого-то ещё. Наконец, Шамаэля охватило пламя, словно он был облит нефтью, при этом раздался душераздирающий вой, от которого несколько матросов послабее упали в обморок, а сам демон, отыскав единственный путь к спасению — прыгнул за борт.

Над свинцовыми волнами Северного моря появилась небольшая воронка, которая сразу исчезла. Колдун ушёл под воду и более не показывался, хотя вся команда пристально следила с обоих бортов обоих кораблей. Они ничего не дождалось. Молчание затянулось, первым его рискнул нарушить Доминик:

— Он мёртв? — спросил он у охотника, который понемногу начал приходить в себя.

— Нет, — мрачно отозвался Морт, — он жив. Он слаб и ранен, ему понадобится много времени на восстановление, может быть, не один месяц, но мы его уже не догоним. Остаётся только ждать.

— Но он ведь теряет силы в воде, — продолжал настаивать инквизитор, — может, он не дотянет до берега и захлебнётся? Или его съедят хищные рыбы?

— Скорее, он их съест, — Морт встал на ноги и направился к себе в каюту. Там он заперся, громко хлопнув дверью. Кое-что при этом Доминика насторожило, а именно: дверь

он открыл и закрыл, не прикасаясь к ней руками, просто посмотрел на них, и материя ему повиновалась.

Два корабля ещё долго стояли на рейде, капитан вместе с братьями разбирались в документах и пытались опознать убитых членов экипажа, выяснилось, что судно прибыло из Франции, но экипаж сборный, среди матросов встречались самые разные имена, а судовой журнал вёлся на двух языках, французском и фламандском.

После изучения всех данных, матросы и капитан покинули корабль, забрав с него всё ценное, а само судно пустили ко дну, сделав пробоину ниже ватерлинии. Вообще-то корабль имел немалую ценность, вот только плавать на нём мало кто теперь решится, куда проще было поступить вот так, отдать судно и трупы моряков на поживу океану. А они направились домой, теперь, как ни странно, их ничто не задерживало, подул умеренный северо-восточный ветер, который быстро надул паруса, судно направилось к берегам Германии. Капитан рассчитывал прибыть туда через трое суток.

Ночью, когда немного успокоившийся Морт снова сел на носу и стал смотреть вперёд, рядом с ним сел и брат Доминик. Они долго сидели молча, разглядывая причудливый рисунок звёзд на ночном небе. Тишину нарушал только тихий плеск волн за бортом.

— Ты устал, Петер, — сказал инквизитор, не сводя глаз с неба. — Я думаю, тебе следует отдохнуть, займись другими делами, а лучше просто побудь с семьёй.

— Я должен его найти, — упрямо сказал охотник, — это моё дело, это то, ради чего я живу.

— Ты считаешь, что твой жизненный путь всегда вёл тебя к этому, — Доминик повернул голову, — что же, тут я с тобой соглашусь. Только есть кое-что, что важно для меня, и о чём ты совершенно забываешь.

— Расскажи, — сухо ответил Морт.

— Я хочу, чтобы твой жизненный путь продолжался и дальше, нет смысла гибнуть самому. Если приходится выбирать между твоей жизнью и смертью колдуна, я выберу первое. Ты, конечно, можешь не обращать внимание на моё мнение, только есть ещё Мария, о которой ты постоянно забываешь, хотя она тебя любит, а скоро появится ребёнок. Неужели, они недостойны иметь живого отца и мужа? Ты был лишён материнской ласки, а твоё дитя будет расти без отца.

— Не надо, — попросил Морт.

— Хорошо, не буду, просто постарайся вспоминать свою семью почаще, это полезно, ты слишком дорог Инквизиции и лично мне. Кроме того, меня беспокоят твои приступы ярости, тебе всё труднее сдерживать их, я боюсь, что однажды ты станешь совсем неуправляем.

— Я пока ещё хозяин самому себе, — Морт опять нахмурился.

— Пока, — напомнил Доминик, — а как долго это продлится? Ты наделён силой, это замечаю не только я. А источник твоей силы имеет отнюдь не божественное происхождение.

— Я знаю это, меня наделил силой Князь Тьмы, только я не могу сказать, зачем и почему он это сделал, если он заберёт свой дар обратно, я буду только рад, тогда можно будет оставить поиски и жить жизнью обычного человека.

— Петер, обычный человек — это не про тебя.

— Я знаю, но никак не могу повлиять на это.

— Давай сделаем так, когда вернёмся, просто перестань заниматься этим делом.

Найдутся другие сыщики, колдун, если он всё-таки жив, когда-нибудь себя проявит, тогда мы его и возьмём. А ты будешь делать что-то другое. Так будет лучше для всех нас.

— Думаю, ты прав, брат Доминик, — Морт неожиданно улыбнулся и нельзя было понять, что именно кроется за этой улыбкой.

Море они пересекли в указанный срок, корабль причалил в гавани Гамбурга, где их уже ждали. Кorteж инквизиторов, прибывший на пристань, был довольно велик, хватило бы и пары человек, чтобы обеспечить встречу. Во главе делегации был монах, имени которого Морт не знал, только видел несколько раз в резиденции. Изредка тот присутствовал на судебных процессах, опять же, не в роли судьи, а наблюдателем, лицезревшим процесс со стороны. Пока братья сходили на берег, он принял устный доклад от Доминика, после чего предложил написать подробный отчёт, которому надлежало лечь в архив Инквизиции.

И только когда дошла очередь до самого Морта, и охотник, набросив на плечи матросскую куртку сделал шаг вниз, высокопоставленный инквизитор преградил ему дорогу и ледяным голосом заявил:

— Петер Морт, именем Святого Престола, вы арестованы.

Морт застыл на месте. Не смог скрыть удивления и брат Доминик. За охотником водились мелкие прегрешения, но они, даже в совокупности не могли заслуживать ареста. Есть что-то, чего он не знает?

— Позвольте узнать, — таким же ледяным голосом проговорил Морт, — в чём меня обвиняют?

— Колдовство, сношения с Дьяволом, проведение магических обрядов с жертвоприношениями, вас надлежит доставить в резиденцию Святой Инквизиции в кандалах, сдайте оружие.

Доминик с ужасом увидел, как правая ладонь охотника сжалась в кулак, ещё немного, и произойдёт непоправимое.

— Петер, не нужно, не делай этого, — зашептал брат, — я уверен, что там разберутся и тебя отпустят.

Он вынул нож, святые братья, коих здесь набиралось более трёх десятков, охнув, раздались в стороны. Они прекрасно знали, на что способен этот человек.

Нож глухо стукнул по доскам мостовой. Морт спокойно пошёл вперёд, а святые братья, изображающие конвой, двинулись следом. Брат Доминик где-то позади негромко втолковывал начальнику:

— Кандалы — это лишнее, он никуда не станет убегать, ему и идти некуда, кроме, как в резиденцию. Зачем было устраивать это представление? Он ведь и так собирался туда, а уже там ответил бы на все вопросы. Не понимаю.

— Так нужно, — спокойно ответил ему инквизитор.

— Я снова спрашиваю вас, Петер Морт, что именно сказал вам Дьявол в тот момент? — в сотый раз спрашивал у него дознаватель, что ходил взад и вперёд вдоль решётки его камеры.

Морт сидел на чурбаке, заменявшем ему стул, и презрительно поглядывал на святого брата, который из кожи вон лез, чтобы придумать ему хоть какой-то состав преступления. Получалось плохо, единственное, в чём его смогли уличить, — это проведение обряда для выяснения местоположения колдуна, это он признал и раскаялся, сославшись на благие побуждения.

— Дьявол вообще неразговорчив, — заметил Морт, — он ничего мне не говорил, более того, и я ничего не сказал ему, мы не разговаривали. Все мои сношения с Дьяволом происходили помимо моей воли, я никогда не выполнял его поручений и всегда действовал на благо церкви. Что не так?

— Вы повторяетесь, Морт, — сказал вдруг инквизитор.

— Это вы повторяетесь, — парировал охотник, — а я всего лишь отвечаю на ваши вопросы, от которых, уверен, ваш язык, святой брат, уже покрылся мозолями.

Инквизитор задохнулся от возмущения.

— Напомню вам, Морт, что мы не любим использовать пытки...

— Так не используйте, — перебил его охотник с широкой улыбкой, — тем более, что руководство запретило вам меня пытать. Вам не надоело? Вы уже которую неделю расспрашиваете меня об одном и том же, а до вас то же самое спрашивал другой дознаватель. Чего вы хотите добиться? Если вам нужен результат, позовите брата Доминика.

— Брат Доминик предвзят, его связывает с вами давняя дружба, а потому ему запрещено вести это дело.

— Разумеется, — согласился Морт, — но дружба связывает не только его со мной, но и меня с ним, в его присутствии я точно буду разговорчивее.

Инквизитор замолчал на некоторое время, подозрительно посмотрел на Морта, после чего развернулся и, не прощаясь, покинул камеру.

Морт облегчённо вздохнул и прилёг на кровать, застеленную толстым тюфяком, набитым свежей соломой. За месяцы, проведённые им в узилище, он начал находить удовольствие в таком существовании. Здесь была камера для необычных преступников, которая предусматривала только изоляцию от мира, и ничего, кроме этого. Здесь его сносно кормили, разрешали читать книги (только контролировали их содержание), а с некоторых пор, очевидно, стараниями брата Доминика, разрешили видеться с семьёй. Мария приходила к нему уже трижды, принося в большой продолговатой корзинке сына. Мальчика крестили немецким именем Иоганн, но сам Морт продолжал называть его на русский манер Иваном, Петровым сыном. Почему-то он считал, что так правильно.

Такие дни были для него настоящим праздником, глядя на двух самых любимых людей, он оттаивал душой, уходили из головы страшные и кровавые воспоминания, он снова становился человеком. А сын вызывал в нём давно позабытые картины детства, когда он сам,

такой же маленький, с чистым разумом и помыслами, не испорченный злобой и грязью внешнего мира, жил в лесу под опекой любящего отца.

Что и кому доложил дознаватель, осталось неизвестным, но, спустя пару часов, дверь камеры отворилась и внутрь прошла Мария. От радости женщина светилась, как начищенный медный котелок. Её настроение передалось и младенцу, который по такому случаю проснулся и радостно гукал, предвкушая встречу.

После первых восторгов и объятий, они сели рядом, крепко обнявшись, Петер держал на руках сына, который хватал его маленькими ручками за лицо и что-то бубнил тонким голоском.

— Со мной всё прекрасно, — сразу успокоил Морт свою жену, — если не считать пытки глупыми расспросами, от которых у меня уже начинает болеть голова. Расскажи лучше, как живётся вам, нет ли нужды в чём-либо?

— Нет, что ты? Нам выплачивают небольшое содержание, вроде пенсии, нам хватает, если не тратить слишком много, но здесь и тратить негде. Кстати, я тебе пирожки принесла, а надзиратель разрешил прихватить ещё немного вина.

Морт усмехнулся, почти все святые братья, что занимали нижние должности, знали его и относились с уважением, даже палачи, как он подозревал, в случае нужды будут пытаться его вполсилы. Теперь он откусил большой кусок пирога с бараниной и луком, а потом отхлебнул добрый глоток вина. Домашняя еда давала ощущение спокойствия и уюта, камера уже не казалась сырой и тесной, вспоминался яркий солнечный свет и свежий ветер, запах свежего белья и домашнего очага. Прожевав кусок, он снова прижал к себе Марию и вдохнул запах её волос. Счастье было рядом, оставалось только дожидаться освобождения. В том, что его освободят, он не сомневался, руководство Святой Инквизиции не состояло из одних фанатиков, каковыми их привыкли представлять либерально настроенные писатели. Это были благоразумные люди. Они примерно представляют себе его природу, а потому боятся его (надо сказать, не безосновательно) выпускать. Никакой вины на нём нет, он просто опасен.

— Брат Доминик отдал мне твой нож, я дала сыну его подержать, он вцепился в него и отдавать не хотел. Будущий воин.

— Когда он подрастёт, — сказал Морт задумчиво, — я научу его драться на ножах, но буду молиться, чтобы это умение ему никогда не пригодилось. Он может быть воином, но становиться убийцей, вроде меня, совсем не обязательно.

— Ты не убийца, Петер, — сказала Мария, прижимаясь к его плечу, ты ведь делал это ради святой церкви.

— Я давно живу на свете, любимая, — напомнил Морт, — и не всю свою жизнь я работал на Святую Инквизицию, когда-то я был именно, что вором и убийцей, это не красит меня, но служит хорошим примером исправления через посредство церкви.

Как раз в это время ребёнок снова заснул, покосившись на дверь, они многозначительно переглянулись. Мария, как всегда, смущённо улыбнувшись, прошептала:

— Доктор сказал, что уже можно.

Ребёнок переключался в корзинку, а они слились в поцелуе. На двери был глазок, очень может быть, что святой брат, поставленный присматривать за ним, сейчас заглянет сюда и увидит, но, кому какое дело, чем занимаются муж и жена.

Только через полчаса, когда они немного насытились друг другом, а ребёнок снова захныкал и попросил есть, в дверь осторожно постучали. Голос надсмотрщика тихо и

ненавязчиво напомнил:

— Петер, свидание закончено, пусть ваша жена собирается.

Мария, смутившись, начала натягивать на себя платье, не заморачиваясь при этом нижним бельём, которое она просто сложила в корзину ребёнка. Оттуда она извлекла и мужское бельё, для мужа, дабы не зарос грязью в подземелье. Это была настоящая проблема, Морт любил регулярно мыться и быть чисто выбритым, а здесь такого позволить себе не мог, максимум, что удавалось выпросить у надзирателей, это таз с холодной водой, да кусок мыла. Лишь изредка кто-то из них давал ему бритву.

Поцеловав на прощание жену и сына, Морт снова уселся на кровати, настроение было приподнятым, он решил, что не стоит тратить время даром и принялся за силовые упражнения. Камера его представляла собой большую клетку квадратной формы, которая была собрана внутри каменного мешка с зазором в два шага. Желая сбежать должен был сперва разломать кованые прутья толщиной в три пальца, а потом сломать каменную стену или выбить дубовую дверь, скреплённую стальными полосами. Но его это волновало мало, он знал, что в итоге покинет эту камеру с разрешения надзирателей, они сами откроют двери, проводят его к выходу и пожелают удачи.

Зато решётка служила иному. Подпрыгнув вверх, он ухватился за прутья и стал подтягиваться, когда руки устали, он снова спрыгнул вниз и присел на корточки. Из такого положения он подпрыгнул вверх и снова схватился за прутья, подтянулся, поднял ноги, придав телу горизонтальное положение, зависнув так, он медленно сосчитал до двадцати, потом аккуратно опустился вниз. Несколько раз повторив эту процедуру, он встал на руки, ногами кверху и начал отжиматься, задевая пол бритой макушкой. Ловкость, гибкость и сила, приобретённые им в бытность цирковым акробатом, да сих пор были с ним, не раз выручая его в схватках и тайных операциях. Снова подпрыгнув вверх, он зацепился за решётку уже ногами и, закинув руки за голову, начал поднимать туловище вверх. Со стороны казалось, что он творит поклоны напрямую богу.

За этим занятием и застал его брат Доминик. Дверь тихонько приоткрылась, монах вошёл внутрь и подошёл к решётке. Повернувшись к надзирателю, он молча указал на второй замок. Тот не стал задавать вопросов, просто повернул ключ, впустив инквизитора к узнику.

— Рад, что ты не падаешь духом, — похвалил инквизитор охотника, — приятно видеть тебя в добром здравии.

— Спасибо тебе, брат, — ответил Морт, медленно опускаясь вниз, встав на пол, он сбросил рубашку, обнажив свой мускулистый торс, покрытый бесчисленными татуировками. — Хотелось бы знать, как тебя сюда пропустили? Они разве не боятся, что ты поможешь мне сбежать?

— Боятся, хотя и напрасно, — признал инквизитор, — но я здесь не за этим. Дознаватели тщетно пытаются тебя разговорить, а ты согласен откровенничать только со мной, так?

— Задавай свои вопросы, я, собственно, ничего и не скрывал, просто не те вопросы задавали.

— Они привыкли работать с преступниками, которые скрывают свои прегрешения, не стоит держать на них зла. Меня интересует другое, я знаю, что ты не преступник, более того, ты — верный сын церкви, не жалеющий себя ради святого дела. А потому я хочу узнать, всё ли с тобой в порядке? Я не про здоровье или достаток, я про...

— Не беспокоит ли меня Дьявол? — перебил его Морт, — нет, не беспокоит, я забыл о

нём, видимо, в эти стены не может проникнуть нечистая сила. Колдуна я тоже не чувствую, видимо, он сейчас далеко и никак себя не проявляет. Вспышки ярости тоже прошли, они не требуются, когда рядом нет противника, скоро стану подобен вам, но обет не приму, меня не устраивает целибат, слишком люблю Марию.

— Она хорошая женщина, Петер, светлое пятнышко твоей тёмной жизни. В том, что ты здесь, отчасти виноваты и мы тоже, о чём я честно и открыто сказал руководству. Ты был слишком удобен, тобой можно было заткнуть все дыры, святые братья оставались с чистыми руками, а неизбежный грех пролития крови оставался на тебе. Мы просто заигрались, такая жизнь не проходит бесследно, а теперь, спохватившись, они... мы решили, что прирученное чудовище нам более не подчиняется и может обернуть свой гнев против хозяев. Извини.

— Я понимаю, — спокойно сказал Морт, — такая роль устраивала и меня, ведь грехи мне отпустит святая церковь, а в тот факт, что убивать я стал с удовольствием, я сам долго отказывался верить. Но пока рано бояться, даже в самых безвыходных ситуациях я сохранял себя. Было трудно, но каждый раз я снова возвращался. Вернусь и теперь. Надеюсь, твоё начальство поймёт это.

— Я тоже на это надеюсь, — сказал инквизитор.

— Что с расследованием? — Морт решил сменить тему разговора.

— Ничего, — Доминик развёл руками.

— Ничего?

— Да, куча людей видела, как колдун, известный нам, как Шамаэль, объятый пламенем и с дюжиной ран на теле, упал в ледяную воду посреди моря. Шансов выжить у него не было, а потому его признали мёртвым, а дело закрыли.

Морт вздохнул. Хотя, в чём можно обвинять инквизиторов? Они поступили согласно здравому смыслу, а его личные ощущения к делу не пришьёшь.

— Значит, — печально сказал он, — нам следует ждать новый смертей, аппетиты его растут, пока он зализывает раны и сидит в тени. А скоро он соберёт артефакт, последний кусок которого у него. Тогда его мощь вырастет до небес, никто не сможет его остановить.

— А ты?

Морт пристально посмотрел на инквизитора.

— Он будет идти по земле, сея огонь и кровь, а единственный, кто сможет ему противостоять, будет сидеть в тюрьме и ждать, пока святые братья сочтут его безопасным.

— Я попробую ещё раз с ними поговорить, — сказал Доминик без особой надежды.

— Не трать время, брат, это не поможет. Только когда появятся новые трупы и возникнут новые толпы его поклонников, Святая Инквизиция задумается о методах. Надеюсь, будет ещё не поздно.

— Как думаешь, скоро ли это начнётся?

— Не знаю, он был еле жив, когда уходил от нас, раны, нанесённые мной отличаются от других ран, я повреждал не только плоть, но и его колдовскую сущность. Восстановиться после такого непросто. А будучи раненым, он не мог применить всю свою силу, сборка артефакта — это не просто головоломка, в которой нужно правильно сложить части, это магический обряд, совершить который можно, только достигнув определённых высот в магии. Он ведь живёт много столетий, но за это дело взялся не так давно. Почему?

— Не был уверен в своих силах, — догадался Доминик.

— Именно, — кивнул головой Морт, — нужна сила, которой он временно лишён. А потому он будет долго восстанавливаться. Думаю, стоит ждать тайных обрядов с

принесением жертв, это ускорит его восстановление, причём обряды не будут примитивным высасыванием жизни, как он поступал с матросами, это будут именно обряды со множеством участников, долгими молитвами и песнопениями. Обращайте внимание на подобные случаи, а когда найдёте следы, будьте уверены, это он. Только не знаю, что вы сможете сделать.

— Мы постараемся, — тихо сказал Доминик, но уверенности в его голосе по-прежнему не было.

Инквизитор ушёл, двери снова заперли на замок, а сам узник, решив, что упражнений на сегодня достаточно, прилёг на кровать и предался размышлениям. Что ему ещё оставалось?

Глава двадцать девятая

Прошло ещё три дня, охотника никто не навещал, и даже следователь временно прекратил допросы. Морт чередовал чтение и тренировки, сожалея, что у него нет ножа и тренировочного манекена. Но на третий день он почувствовал некоторое беспокойство, в воздухе повисло ощущение чего-то очень плохого, что непременно случится, и он сам, сидя здесь, никак не сможет этому помешать. Ощущение это со временем не проходило, наоборот, крепло.

К вечеру появился Доминик. Вид у святого брата был встревоженный, что-то определённо случилось. Вяло поприветствовав охотника, он присел на стул и, некоторое время помявшись, начал разговор:

— Кое-что случилось, Петер, — сказав это, он замолчал, собираясь с мыслями.

— Попробую угадать, — спокойно сказал Морт, присаживаясь рядом, — колдун, наконец-то себя проявил. Что именно случилось? Массовые жертвоприношения? Очередная секта? Просто показался где-то?

— Первое. В Дании вскрыли секту, не просто вскрыли, а взяли на месте преступления. Куча народа аристократических фамилий, их нашли на месте совершения обряда, все были без сознания, обнажены, а тела их расписаны колдовскими знаками не меньше твоего. А ещё там стоял круг из алтарей. Семьдесят девять человек, — он замолчал, потом сделал вдох и продолжил, — только дети и молодые девушки. Все мертвы, у всех вырезаны сердца. А в центре круга — выжженное пятно, трава сгорела, но можно было различить следы человеческих ног. Там стоял ОН, теперь он напитался колдовской силой и готов совершить то, что давно хотел.

Морт ничего не ответил, только пристально посмотрел на него, ожидая следующей фразы.

— Я поднял вопрос о твоём освобождении, но они... они боятся Петер, мы ещё не сталкивались с подобным чудовищем, но, в то же время они не могут решить, кто из вас опаснее. Скоро будут новые жертвы, может быть, это их убедит.

— Может быть слишком поздно, — задумчиво проговорил Морт, — очень может быть, что даже я не смогу его одолеть.

Некоторое время они молчали, потом Доминик встал и направился к выходу, бормоча на ходу:

— Будь готов, Петер, я найду способ тебя вызволить.

Как бы там ни было, а выпускать его не собирались, ни в этот день, ни в следующий. Чувство тревоги копилось, грозя прорваться нехорошими последствиями. Ему всё труднее было усидеть на одном месте, он метался по своей клетке, не находя себе места. Вернулись и забытые, было, вспышки ярости, руки крепко сжимались, представляя, как рвут плоть ненавистного колдуна, ему везде мерещился запах свежей крови, и слышался хруст ломающихся костей.

Его состояние не ускользнуло от внимания охраны, если раньше святой брат, дежуривший в подземелье, мог без страха отпереть его клетку и войти внутрь, то теперь они избегали делать это, а порцию еды передавали через специальное окошко. Если прежде его сон был спокойным, а в сновидениях он видел Марию с сыном, то теперь его сны наполнились кошмаром, убийствами, реками крови и разлагающимися телами. Более того, в

этих снах именно он, а не кто-то другой, приносил жертвы на алтарях, вырезая человеческие сердца. При этом его наполняла необъяснимая радость и удовлетворение, словно он долго страдал от жажды и только теперь смог напиться. Просыпаясь поутру, он долго приходил в себя, отгоняя ненавистные видения. Обычно сны быстро забываются, но эти картины продолжали стоять у него перед глазами.

Развязка наступила ещё через три дня. В его камеру пришли двое. Первым был Доминик, а сопровождал его брат Георг, тот самый, что производил арест в порту. Охотник постарался придать себе спокойный вид. Получилось плохо.

Они сели напротив друг друга и некоторое время переглядывались, наконец, Доминик, покосившись в сторону входной двери, сказал:

— Всё плохо, Петер, — тон у него был извиняющийся, надо полагать, его не выпустят, — колдуна нашли, он сейчас в Польше, но его не смогли задержать. Солдатам он просто отвлёл глаза, а святых братьев расшвырял в стороны, словно кегли. Теперь он затаился, думаю, всё уже готово. Войска прочёсывают местность, но найти его не могут, даже с собаками.

— Что со мной? — спросил Морт, заранее зная ответ, — меня отпустят?

— Я просил сделать так, но меня не поддержали, тебя, возможно, отпустят, но на это уйдёт ещё несколько дней, а действовать нужно сейчас. Ты понимаешь?

— Не совсем, — Морт всё понимал, но хотелось выслушать их версию.

— Брат Георг, объясните ему вы, — попросил Доминик.

— Ты должен сбежать, Петер, — голос инквизитора упал до шёпота, — мы тебе кое-чем поможем.

— ???

— За пределами резиденции, там, где ты привык купаться в реке, будет ждать лошадь со всем необходимым, тебе дадут подложные документы, позволяющие менять лошадей, так ты доберёшься до королевства Польского. Единственное, что требуется от тебя, — покинуть этот подвал. Ты сможешь?

Морт кивнул, он сможет.

— Всё должно быть натурально, братья, что охраняют тебя, не знают о нашем заговоре, потом мы во всём признаемся, но сейчас нужно таиться. Постарайся никого не убить. Начинать следует в полночь, ориентируйся по звону колокола.

— Я постараюсь, — сказал Морт без особой уверенности. Он справится с любым количеством охраны, но вот сделать это, никого не убивая, будет непросто.

Братья ушли, а он остался в камере, раздумывая о событиях ближайшей ночи. Задача непростая, обычный человек не сможет сбежать отсюда, не для того строили эти подземелья. Но он не был обычным человеком, даже само слово «человек» теперь уже надлежало брать в кавычки.

Замок он откроет. Потом второй замок на второй двери, это будет труднее. Дальше длинный коридор, где будет дежурить кто-то из братьев. Остановить его не смогут, но попытаются. Главное, чтобы не успели поднять тревогу. Лестница на первый этаж, наверху ещё охрана, выбора нет, охрану, двух или трёх человек, он успокоит, дверь придётся выбить, насколько известно, ключей у дежурной смены нет, их на ночь запирают снаружи. Дальше придётся пройти по коридорам, где, как он надеялся, ночью никого не будет. Дверь наружу совсем хлипкая, двор он пересечёт за полминуты, а дальше ворота резиденции, выломать их не под силу даже ему. Придётся карабкаться наверх, где торчат острые кованые шипы, задача

непростая, но и это выполнимо. С другой стороны стены ров, воды в нём сейчас нет, зато колья, торчащие из дна, на месте. Да не просто колья, настоящие пики с железными наконечниками, а даже не будь их, глубина рва составляет два человеческих роста, упав туда, выбраться сложно. Преодолев стену и ров, он окажется на свободе, если не считать патрулей, что ходят с фонарями вокруг здания резиденции. Несколько групп по три-четыре человека, вооружены дубинками, а передвигаются так, чтобы видеть следующую группу. Пройти без драки никак у него не получится, наверное, даже хорошо, что ножа при нём нет.

Время тянулось мучительно. Ночной охранник заглянул в одиннадцать, Морт притворился спящим, хотя наблюдал за вошедшим. Брат Феликс, он знал его и уважал, но теперь тот становился проблемой. Человек этот был огромного роста и обладал большой силой, справиться с ним будет непросто, и уж тем более, не получится это сделать тихо.

Наконец, послышался приглушённый звон колокола. Двенадцать ударов. Пора. Он встал с постели, натянул сапоги и подкрался к двери на решётке. Петли мощные из стального прута толщиной в палец, да и сам замок, что продет в них, неслабый, сломать его точно не получится, даже его силы не хватит, нужен лом, которого, как известно, нет. Можно было попытаться открыть его стальной шпилькой, которая у него имелась, но это займёт немало времени, да и будет шумно, железки имеют обыкновение громко лязгать.

Выхода не было, разбудив свою внутреннюю ярость (её и будить не пришлось, она словно ждала этого часа), он сосредоточился на замке. По рукам потекла сила, которой он не понимал, но уже мог направлять. Дужка замка раскалилась добела, потом расплавленный металл потёк в стороны, а замок упал на пол, то есть, упал бы, но предусмотрительный Морт успел поймать его на лету. Решётка отворилась.

Некоторое время он потратил на то, чтобы прийти в себя. Такие фокусы давались нелегко, его словно самого разогрело, на лбу выступил пот, а дыхание врывалось с хрипами.

Теперь то же самое следовало повторить с входной дверь. Та была сколочена из толстого бруса и скреплена стальными полосами. С той стороны стальной засов в петлях, а уже в него вставлен замок. Морт приложил руки к двери и напрягся. В голове сразу возник облик двери снаружи. Вот засов, полоса кованого железа, толщиной в три пальца. Он сосредоточился на петлях. Снова начала накаляться сталь, дерево стало тлеть, а по коридору потекла струйка дыма, нужно быстрее, ещё быстрее.

Засов вместе с замком глухо звякнул по каменному полу, Морт толкнул дверь плечом и вырвался наружу, нос к носу столкнувшись с братом Феликсом. То есть, это так говорится, что нос к носу, на самом деле нос охотника находился где-то на уровне груди охранника.

Глаза святого брата раскрылись от изумления. Морт его опередил на доли секунды, когда рука с дубинкой пошла вверх, рука охотника уже летела вперёд. Пальцы ударили в кадык, временно лишив того возможности дышать. Дальше последовал удар ногой в колено, нога гиганта подломилась, а Морт, ухватив его за воротник, слегка подправил падение, чтобы голова святого брата по пути встретилась с дверным косяком. Голова оказалась твёрже, косяк треснул по всей длине, но и Феликсу этого хватило, он потерял сознание, а по каменному полу растеклась лужа крови. Проверив пульс, Морт хотел оттащить беспамятного монаха в его каморку, но решил не терять времени, теперь счёт шёл на секунды. От вида крови в голове появился непонятный зуд, Тьма внутри стала брать контроль на себя, но он смог её до времени задавить.

Он надеялся, что узники в других камерах его не выдадут, да им ничего и не было понятно, какой-то шум в коридоре, мало ли чем охрана занята.

Длина коридора составляла полторы сотни шагов, и он преодолел их всего за полминуты. Теперь лестница. Стараясь ступать бесшумно, чтобы себя не выдать, он преодолевал пролёт за пролётом, пока наверху не послышались голоса. Судя по голосам, охранников было двое, кто именно, он не знал, да это было и неважно. С ними он разберётся так же, как только что разобрался с Феликсом.

Святые братья сидели за столом и ужинали, если можно назвать так приём пищи в полночь, но у тех, кто бодрствует по ночам, свои правила. В момент появления охотника один из них как раз приложился к кружке, в воздухе повис густой запах кислого пива, струйки которого стекали на небритый подбородок монаха и пятнали несвежую ткань сутаны.

Подосва сапога впечаталась ему в висок, удар был такой силы, что брат отлетел к стене, а глиняная кружка разлетелась вдребезги, залив пол остатками пива. Однако, второй охранник не растерялся, дубинка взвилась в воздух и опустилась в то место, где только что была голова Морта. Тот, разумеется, от удара ушёл, но и сам не смог ударить как следует. Кулак скользнул по блестящей тонзуре, не причинив никакого вреда монаху. Следующий удар монах нанёс снизу-вверх, достать Морта он снова не смог, зато сам получил ногой в живот. Сложившись пополам и выронив дубинку, он нашёл в себе силы закричать. Неизвестно, кто его услышал, но теперь следовало торопиться, план был под угрозой срыва. Два удара кулаком по голове оборвали крик и позволили Морту сосредоточиться на двери.

Теперь уже не получилось просто взять и аккуратно расплавить замок, тёмная сила бурлила в нём, разогретая схваткой и видом текущей крови. Приложив руки к двери он не смог сработать точно, а просто отпустил поводья. Раздался громкий треск, который точно услышали все, кто был в резиденции и даже вокруг неё. Дверь вылетела наружу, рассыпавшись на тысячу мелких щепок, а Морт оказался в новом коридоре. Здесь пол был выстлан плотным ковром, который так хорошо скрывает звук шагов (что, впрочем, после учинённого им грохота, было уже неважно), а с двух сторон были бесчисленные двери кабинетов, где святые братья работали с документами.

Его надежды оправдались, света нигде не было, а значит, можно хотя бы здесь обойтись без лишнего насилия. Впрочем, насилие уже не казалось ему лишним, запах крови и кураж схватки пьянили его, руки сами искали боя. Пробежав до конца коридора, он просто выбросил руку вперёд, мысленно приказывая двери открыться. Магия не разбила дверь в щепки, но с другой стороны упал висячий замок. Теперь Морт, впервые за последние несколько месяцев оказался на свежем воздухе и смог увидеть небо, усыпанное звёздами. Ночная прохлада немного его успокоила и вернула ясность мышления.

Но медлить было нельзя, резиденция просыпалась, повсюду слышались встревоженные голоса, в маленьких окошках монашеских келий поочерёдно зажигался свет. Он побежал через двор, стараясь держаться как можно ближе к стене, чтобы тень скрывала его от посторонних глаз.

Теперь следовало перелезть через саму стену. Камни, из которых она была сложена, снаружи были отшлифованы едва не до зеркального состояния, внутри же им оставили почти первозданный облик. Почему так, осталось неизвестным, но ему это было на руку. Охотник полез по стене, цепляясь пальцами за малейшие неровности. Невеликий вес и сильные руки сделали своё дело, через полминуты он уже забрался наверх, стараясь не проколоть себе ладони. Шипы, что торчали наверху, были всё же набиты не так плотно, нашлось место, чтобы ухватиться рукой. Теперь он, напрягая все силы, осторожно

перебрасывал своё тело через смертоносную сталь.

Тот, человек который когда-то учил его акробатике, сейчас был бы в восторге, тело охотника висело с наружной стороны, удерживаемое одной рукой. В голове он производил нехитрый расчёт. Ширина рва — восемь шагов, высота стены в полтора раза больше. Края рва очень рыхлые, чтобы не съехать вниз, следует приземлиться в одном шаге от края. Чуть подтянувшись и уперев ноги в стену, он оттолкнулся от камня и полетел вперёд, уже чувствуя, как острые пики пронзают его тело.

Обошлось, он упал на землю, совсем неизящно растянувшись. Вскочив на ноги, он побежал от стены, но наперерез ему уже бежали трое, а чуть поодаль показался второй патруль. Первые были ближе, но вторые перекрывали ему дорогу к отступлению. Он выбросил руку в сторону ближнего патруля, фонарь в руке святого брата разлетелся вдребезги, а сам он откатился назад, пытаясь сбить со своей одежды пламя от горящего масла. Двое его путников бросились тушить. Временно безопасны.

Теперь настала очередь второго патруля. Разбежавшись, Морт прыгнул вперёд, вытягивая в полёте тело. Его голова с треском влетела в лица бежавшего впереди монаха, тот откатился в беспмятстве, но двое других среагировали быстро и навалились на поднимавшегося охотника, выкручивая ему руки. Казалось, что вырваться из двух пар крепких рук уже не получится, но Морт, проявив чудеса гибкости, как-то неестественно извернулся, освобождаясь из захвата и оказываясь за спиной у братьев.

Первый отделался ударом под колено и, возможно, переломом ноги. А второй успел развернуться и нанести удар. Кулак его ушёл в пустоту, а Морт, оказавшись сбоку, резко повернул своё туловище и ударил ребром ладони в переносицу. Из носа хлынула кровь, снова опьянившая Морта, он кинулся, было, добивать поверженного врага, но здравый смысл в нём возобладал. С трудом сдерживая рвущуюся наружу ярость, он быстро побежал в сторону леса.

Погоню отправят ближе к рассвету. Это будут уже не святые братья, а солдаты с мушкетами и свора собак, которые, впрочем, ничем не помогут. Время у него есть, а в условленном месте его ждёт лошадь. Там же будут его вещи, в первую очередь, нож, без которого он чувствовал себя ущербным калеккой. Бежал он вдоль берега реки, приближаясь к месту купания. Ярость боя всё никак не оставляла его, заставляя стискивать зубы. Если бы кто-то попался ему сейчас, то, скорее всего, был бы уже мёртв.

Наконец, он достиг нужного места. Доминика здесь не было, он, надо полагать, был уже в резиденции, чтобы отвести подозрения от себя. Но это было и неважно, лошадь, привязанная к дереву, стояла неподвижно, а к седлу был прикреплён мешок с вещами, который он тут же раскрыл в поисках оружия. Нож его обрадовал, как ничто на свете, деревянная рукоять просто приросла к руке, не желая расставаться. В голове пробежала безумная мысль вернуться назад и посчитаться с теми, кто держал его в подземелье, кто обвинял его в каких-то несусветных вещах, кто называл его монстром...

— Петер, — раздался неподалёку женский голос.

Морт обернулся, ярость и безумство стали его покидать, словно вода, утекающая из ванны, когда выдернули пробку. В голове прояснилось, он обернулся и увидел Марию, что стояла у ближайшего дерева с фонарём в руке. Другой рукой она удерживала завернутого в одеяло Ивана.

— Брат Доминик сказал мне, что ты будешь здесь, — объяснила она виноватым голосом, — а ещё сказал, что мы должны обязательно с тобой повидаться, прежде, чем ты

пойдёшь выполнять свою работу.

Этого она могла и не говорить. Морт всё понял без слов, брат Доминик всегда был умным человеком, привыкшим всё просчитывать наперёд. Вот и сейчас он нашёл способ вернуть прежнего Петера Морта. Обняв жену, он прижал к себе её и ребёнка, чувствуя, как по телу разливается тепло, а на глазах появляются слёзы. Устыдившись, он промокнул их воротником рубашки, потом поцеловал плачущую жену и немного подержал на руках спящего сына.

— Ждите меня, — сказал он сдавленно, после чего вернул сына и запрыгнул в седло, — я вернусь. Обязательно.

Конь уносил его на восток, а Мария с сыном на руках ещё долго стояла и смотрела во тьму, поглотившую её мужа.

В этих местах он уже бывал когда-то. Тогда, в далёком детстве, этот лес ему ничем не запомнился, только деревья редко растут, да дичи мало. Теперь ему предстояло не просто идти по лесу. Где-то здесь скрывался его враг, ради поимки и убийства которого он готовился положить жизнь. Теперь он уже не был посланником Святой Инквизиции, очень может быть, что Инквизиция уже объявила на него охоту. Солдаты, что раз за разом прочёсывали лес, были для него такими же врагами, как и для самого колдуна.

Сюда он пробрался, крадучись, менять коней было слишком опасно, поэтому он, загнав скакуна до предсмертного состояния, просто расседлал его и отпустил. А дальше пробирался пешком. Точного места, где прячется колдун, он не знал. Просто прибыл, куда сказали, надеясь, что чутьё подскажет ему направление. Чутьё работало, но не так, как он ожидал, казалось, что колдун здесь повсюду. В земле, в листьях, что понемногу начинали желтеть, в стволах деревьев, и даже в головах у солдат, что в последнее время попадались ему на пути.

Это были солдаты польского короля, который, будучи добрым католиком отрядил войска по просьбе Святой Инквизиции, которая ловила в этих лесах, если и не самого Антихриста, то уж точно кого-то из его приказчиков. Поначалу солдаты проходили через лес частым строем, каждый шёл на расстоянии трёх шагов от соседнего. Ружья были заряжены, а курки взведены. Попадись им навстречу какой-нибудь заблудившийся крестьянин, из него моментально сделали бы решето.

Их Морт легко обманывал, проходя мимо зазевавшегося солдата или прячась на дереве. В сравнении с ним, колдун в этом деле куда больший мастер, а потому сможет водить солдат по лесу сколь угодно долго, они, возможно, несколько раз сталкивались с ним и никого не увидели.

Продолжая следить за солдатами, он стал замечать, что строй, шагавший в одну сторону, как-то странно заворачивает, оставляя большой кусок леса не прочёсанным. Сами солдаты, как и их командиры, этого не замечали, видимо, действовал морок, наложенный колдуном. Глядя на это, Морт безошибочно определил, где следует искать беглеца.

Но всё оказалось не так просто. Человек, выросший в лесу и просто не понимавший, как некоторые люди могут там заблудиться, через некоторое время определил, что ходит кругами. Приметы безошибочно указывали на то, что он проходит здесь уже пятый или шестой раз. Он вернулся в начало пути и повторил поиск. То же самое. Сила колдуна оказалась настолько велика, что он как-то смог замкнуть и искривить пространство вокруг себя, сам он где-то рядом, но найти его здесь не может даже опытный охотник, не говоря уже о простых солдатах, имевших весьма смутное представление о лесных облавах.

Поняв, что так он ничего не добьётся, Морт присел на трухлявый пенёк и задумался. Все эти дни, пока он добирался сюда, его не тревожила дремавшая внутри сила. Сам он не обращался к ней, да и эффект от встречи с родными делал своё дело. Теперь же выходило, что без неё он ничего не добьётся. Найти и убить колдуна такой силы может только другой колдун, пусть даже его сила не подкреплена книжными знаниями, а используется по наитию.

Закрыв глаза, он позволил своему внутреннему демону выйти наружу и осмотреться. В голове сразу возник образ лесной дороги, что по воле колдовской силы теперь была скрыта от глаз смертных. Вот она идёт через чащу, вот поднимается на холм. Там, на этом холме всё и происходило, там колдун делал своё дело, которое было призвано изменить мир до неузнаваемости, наделить его силой самого Князя Тьмы и превратить землю в подобие ада.

Морт медленно и с неохотой открыл глаза. Колдовское зрение позволяло видеть куда больше, чем глаза обычного человека. Итак, теперь нужно найти увиденное. Дорога отыскалась быстро, просто большая тропа, нагоптанная зверями через лес. Колдовской морок всё ещё действовал, пришлось напрячь все силы, чтобы не отвернуть в сторону. Теперь он был на правильном пути, дальше следовало идти только вперёд, никуда не сворачивая.

Постепенно дорога стала подниматься, а лес становился всё реже. Колдовская чувствительность тут же заявила о себе, словно зуд от комариного укуса, только не на коже, а в голове. Шамаэль. Он здесь. Где-то совсем рядом.

Пройдя ещё полсотни шагов, он оказался на пологом склоне холма, вершину которого было не разглядеть. Странно, холм этот должен был выделяться на общем фоне леса, но, видимо, благодаря всё тому же колдовству, оставался невидимым для человеческого глаза.

Морт поднимался всё выше, внезапно сообразив, что вокруг сгущается какой-то туман, который не только снижает видимость, но и мешает ему идти, опутывая руки и ноги. Усилием воли он заставил туман расступиться, после чего, прошагав ещё немного, наткнулся на направленный ему в лицо ствол мушкета.

— Стой! — рывкнул солдат, за спиной которого стояли ещё трое. Это были всё те же солдаты польской армии, вот только в глазах их стоял всё тот же туман, а сами они двигались, словно манекены, управляемые чужой волей.

Солдат более ничего не произносил, видимо, его мозг, полностью подчинённый чужой воле, просто не мог произносить длинные фразы. Что они здесь делают? Колдун взял под контроль нескольких мушкетёров, чтобы охраняли подступы к холму? Неужели думал, что они его задержат? Вряд ли, скорее, простая перестраховка.

Долгого разговора не получилось. Была надежда достучаться до разума этих солдат, вывести их из-под злой воли околдовавшего их монстра, но на это требовалось время, которого не было. Палец солдата нажал на спуск, а курок с зажатым кремнем начал медленно падать на полку. Морт среагировал быстрее, за то время, что потребовалось ружью для выстрела, он успел сместиться в сторону и оставить срез ствола у себя за плечом. Когда ружьё выстрелило, державшие его руки были уже руками мертвеца, Морт загнал нож ему в сердце. Прикрываясь убитым солдатом, словно щитом, он пошёл в атаку на оставшихся. Те успели вскинуть ружья, но ни одного выстрела не произвели, охотник двигался слишком быстро, а его нож проходил через плоть и кости, почти не встречая сопротивления. Все трое попадали на прошлогоднюю листву одновременно, пропитывая кровью лесную землю.

Отбросив убитого солдата, Морт двинулся дальше. Деревья постепенно исчезли, туман начал понемногу рассеиваться, открывая взгляду обширную поляну.

В центре её стоял большой каменный алтарь, на котором приспешники колдуна обычно приносили жертвы, но теперь он служил для другого действия. На высоте около двух пядей от камня висел в воздухе непонятный предмет, что-то, вроде большого камня, такого, что не всякий взрослый мужчина поднимет. Нельзя было сказать, какого он цвета и даже какой он формы, его очертания всё время менялись, а цвет переливался с золотистого на чёрный, а с

розового на фиолетовый.

Рядом стоял Шамаэль. Колдун, достигший высот мастерства, постигший все знания предшественников, вобравший в себя всю злую силу, что была ему доступна, тот, кому остался один только шаг до того, чтобы сравняться в своей мощи с самим Хозяином. Краеугольный камень, заключавший в себе великую силу, теперь был перед ним. Оставалось только его собрать, это было сложно и требовало долгой работы мысли. Но его самого это волновало мало, время у него теперь есть, он смог отгородиться от мира, от всех, кто хоть гипотетически мог его остановить. Все эти святоши с крестами, наивно полагающие, что их молодая религия даст им силу сокрушить самого Князя Тьмы, а тот, кто принёс себя в жертву на кресте, будь он хоть сто раз сын божий, поможет одержать верх над тем, кто создан одновременно с миром.

Лёгкое движение руки, и очередной осколок встал на своё место, свет, которым вспыхивал каждый раз камень, говорил о том, что кусок установлен в нужном месте. Теперь в его руках был следующий, он пристально вглядывался в края скола и прикидывал, куда он встанет.

Тут взгляд его повернулся вправо, глаза расширились от удивления. Морт, тот самый охотник, что по непонятной причине набрал силу, позволявшую соперничать даже с ним, был здесь. Он ведь надеялся, что охотника сожрут те самые монахи, которым он по глупости поклялся служить, теперь же он стоял здесь, более того, шёл к нему с намерением всё испортить. В голове прозвучал голос Хозяина, возвещающий о том, что он, Шамаэль, достигнет всех высот только тогда, когда убьёт охотника.

Отлично, вот только хватит ли сил? Что это вообще такое, какой-то безграмотный сиволапый мужик вдруг стал сильнее его? Ему конец, вот только нужно собрать камень, успеть, осталось всего два куска.

Сильнейший шквал ветра опрокинул Морта на спину, а сверху навалилось какое-то мелкое существо, что кусало его острыми зубами и рвало когтями одежду. Действуя больше наугад, он сомкнул пальцы на шее твари и поднял её над собой. Мелкий бесёнок с длинными руками и отвратительной мордочкой. Стиснув его шею, Морт вогнал клинок ножа прямо в глаз. Умирают ли черти от человеческого оружия? Вряд ли, вот только рука, что держала нож, делала его отнюдь не человеческим. Чертёнок умер, рассыпавшись хлопьями серой пыли, а на смену ему мчались ещё двое. Морт успел встать на ноги, первого он отшвырнул ударом ноги, а второго принял на клинок ножа. Но рана оказалась не смертельной. Бес проворно соскочил с клинка, распоров себе брюхо, после чего, не обращая внимания на вываливающиеся внутренности, атаковал снова. Морт повернулся всем телом, рука с ножом, описав дугу, прошла по шее чудовища, голова которого, почти отрезанная, откинулась назад, удерживаемая только полоской кожи. Следом на него кинулся последний, что уже оправился от удара, мелкие лапы не успевали за движением руки с ножом, каждая царапина у Морта возвращалась ему в виде глубокого пореза, через несколько секунд тело беса сползло вниз, искромсанное до неузнаваемого состояния.

Мёртвые тела, которые Морт отшвырнул с дороги, тоже рассыпались в прах. Он приближался, когда колдун вставил в камень последний кусок. Тот начал наливаться каким-то невообразимо ярким светом. Свет этот струился во все стороны пронзая тела колдуна и охотника, он заливал всё вокруг и ни одна травинка не давала тени.

Колдун расхохотался, постепенно его лицо приобретало уже привычные черты классического демона, руки становились толстыми от бугрящихся мускулов, пасть

распахнулась, обнажая два ряда острых зубов. Взгляд змеиных глаз вонзился в Морта, желая испепелить его на месте, но отчего-то этого не случилось.

Охотник спокойно подошёл к нему и, что было сил, ударил ногой по светящемуся камню. Артефакт такой силы должен был быть невообразимо прочным, его невозможно было разбить даже ядром из пушки, но теперь он отчего-то задрожал, поток света стал слабеть, а потом и вовсе погас, а сам камень взорвался изнутри, засыпая обоих тысячами мелких осколков.

Колдун стоял и растерянно смотрел на разбившуюся надежду. Он успел? Он получил свою силу? Если да, то почему не может убрать с дороги последнее препятствие?

Когтистая лапа нанесла удар, но Морт увернулся и пошёл в атаку. Он уже не сдерживал себя, да и некого ему было сдерживать. Он уже не был собой, удары ножа сыпались на колдуна, заставляя его пятиться и обороняться.

После очередной атаки, когда удар ножа достиг цели и разрезал толстую кожу, а из раны потекла чёрная кровь, колдун отпрыгнул назад и покатился по земле. Морт пошёл следом, желая добить поверженного врага, но тот вскочил на ноги и, пятясь назад, снова захохотал. Он понял всё. Понял, что испытание ещё не пройдено, что осталось только убить последнего врага, только тогда он получит желаемое.

Отступив ещё на два шага, он повернулся и, скривившись в дьявольской ухмылке, чиркнул когтем по воздуху сверху-вниз, распарывая ткань мироздания, раздвинув пространство, словно штору, он нырнул в непроглядную тьму, скрывшись от глаз противника.

Морт подошёл к тому месту, где только что стоял колдун, он некоторое время раздумывал над тем, что делать дальше, но кипевшая в нём ярость по-прежнему требовала боя, а не размышлений. Он знал, на что способна его сила, знал, что может многое, а потому уверенность его брала верх. Подняв нож, он напряг всё своё естество и повторил трюк колдуна. Привычный мир обзавёлся прорехой, как раз такого размера, чтобы можно было туда пролезть человеку. Зачем-то набрав воздуха в грудь, он шагнул в иной мир. Оказавшись во тьме, он начал падать вниз, прекрасно осознавая, что эта бездна где-нибудь кончится.

Глава тридцать первая

Нигде. Никакого числа, никакой месяц, никакой год.

Петер Морт шагал босыми ногами по раскалённым камням. Горячий воздух Преисподней обдувал его, смахивая капельки пота. Небо над головой было странного цвета. Точнее, оно было самых разных цветов, переливалось красным, фиолетовым, становилось зелёным, потом наливалось чернотой. На нём висели мутные светила, которые не давали света. Свет, тусклый и какой-то ядовитый, лился отовсюду, даже тени под ногами не было.

Он был почти раздет, при переходе на его теле остались только штаны, оружия тоже не было, без ножа он чувствовал себя неудобно. Он не знал, что будет делать, когда догонит врага, но отступать не думал. Вся его предыдущая жизнь подошла к своему закономерному итогу, он слишком долго ждал, теперь наступит финал, конец всего. Вряд ли он вернётся отсюда. Он не помнил многого из своей жизни, воспоминания стирались, голова его постепенно пустела и наполнялась одной только великой целью. Он должен сокрушить Зло, которое больше никто в этом мире не в силах одолеть, никто не пройдёт его дорогой, никто не преодолеет всего. Скоро он вообще перестал думать, просто шёл вперёд, глядя перед собой. Изредка попадались ручьи, в которых текла алая кровь, и засохшие чёрные деревца, которые никогда и не были живыми. Это мир был создан не богом, у него другой творец, сила которого, поддерживает всё это, позволяет ему существовать.

Скоро начался подъём в гору, местность поднималась всё выше, камни под ногами стали острыми, ноги были сбиты в кровь, но его это не волновало. Его уже ничто не могло волновать. Где-то впереди Он, тот, за кем охотник гонялся давно и, наконец, поймал. Странно, осталось совсем немного, только схватить беглеца и убить, но теперь он уже не был так уверен в себе. Нельзя было сказать определённо, кто из них теперь охотник, а кто дичь.

Наконец, на горизонте показалось какое-то строение, напоминающее дворец из чёрного камня. Он вздохнул и направился туда, ошибки быть не могло. Он ждёт его там, ему некуда бежать больше, этот мир служит только для одного, чтобы они вступили в бой.

Расстояние оказалось обманчивым, он думал, что дойдёт быстро, но время шло, а дворец едва приблизился. Но это тоже неважно, здесь вообще нет времени, кроме того, что чувствует он сам. Не сейчас, так через час, день, год, вечность, он доберётся до этого дворца, увидит противника и вызовет его на бой.

Так и вышло, спустя ещё несколько тысяч шагов, он подошёл к высокой, почти до неба, стене. Чёрный камень был отполирован до состояния зеркала, но ничего не отражал, он был абсолютно чёрным. Петер медленно пошёл вдоль стены, отыскивая вход, который обязательно должен был быть здесь.

Завернув за очередной угол, он оказался у широкого крыльца, ступени которого уходили далеко вверх. Там был вход в здание, он подумал, что стоит подняться и войти внутрь, но это уже не потребовалось. Далеко наверху распахнулись широкие ворота, из которых вышел Он.

Шамаэль, колдун, еретик, демон во плоти, постигший все тайны Тьмы, бывший в милости у самого Сатаны, напитавшийся силой Краеугольного камня, обладавший властью в мире людей, имевший последователей по всему миру. Теперь он выглядел иначе, из одежды

на нём была только набедренная повязка из тёмной ткани и широкий пояс, с непонятными предметами из блестящего металла, ноги были босыми, а в руках он держал длинную цепь с шипастым шариком на конце. Голова его была обрита, и на ней виднелись магические знаки, подобные тем, что покрывали тело самого охотника. Петер мельком посмотрел на себя. Знаки на его теле налились золотистым светом, они начинали жечь его тело, но он заставил себя забыть о боли, её нет, потому что он так решил.

Шамаэль спускался по ступеням медленно, походка была пружинистой, вообще он выглядел человеком сильным и ловким, вот только это не имеет значения, Петер пришёл за ним, за его жизнью, которая и так затянулась уже сверх всякой меры.

Когда осталось всего с полдюжины ступеней, демон остановился. Пристально посмотрев на охотника, он проговорил:

— Я ждал тебя, Петер, ждал давно, всю мою долгую жизнь, — голос был глухой и, как будто, неуверенный, — это то испытание, пройдя которое я поднимусь на неведомые прежде высоты, сравнившись с Хозяином.

Морту показалось, что он услышал где-то тихий смешок.

— Бери оружие и нападай, — всё тем же тоном продолжил Шамаэль, — ты ведь здесь за этим, так не останавливайся, ты смел, никто прежде не пытался сбросить меня с вершины, ты будешь первым и, наверное, последним.

Морт несколько растерялся, ведь оружия у него не было, только руки. Но это его уже не волновало. Он добился своего, враг здесь, он не бежит, никуда не прячется, нужно только убить его, это можно сделать и голыми руками.

Он ринулся вперёд, пытаясь схватить врага, но тот оказался быстрее. Ускользнув в сторону, он соскочил со ступеней и начал разматывать цепь. В глазах его появилось торжество.

Первый удар шипастого шара пришёлся в пустоту, охотник ушёл кувырком и встал уже за спиной у противника. Но тот снова увернулся от удара, отскочив назад, он снова махнул цепью, теперь уже на уровне пояса, увернуться не получалось, он только прикрылся рукой, не позволив цепи обвить его, шипастый шар ударил в бок, шипы вонзились в его тело, брызнула кровь, а от боли он сложился пополам. Тут же распрямившись, он попытался ухватить цепь, чтобы обезоружить противника, но не успел, цепь вернулась к хозяину, который снова намотал её на предплечье.

Теперь он решил испытать другой путь, сняв с широкого кожаного пояса диск из серебристого металла, он каким-то неуловимым движением метнул его вперёд. Полёт диска был почти не виден, но ловкость Морта и тут сослужила ему добрую службу, он смог сместиться вправо, смертоносный металл пролетел мимо и ударил в каменные ступени, высекая тучу искр. Охотник был уверен, что, попади этот диск в его тело, разрезал бы пополам и полетел дальше, даже не заметив препятствия. Шамаэль снова усмехнулся и снял второй диск, Морт был готов, но и противник его придумал новую подлость. В этот раз диск был пущен с упреждением, он знал, где тело охотника окажется через мгновение. Блестящая полоса пронеслась по воздуху, Морт, откатившись в сторону, схватился за второй бок, который пересекала резаная рана, длиной в пядь. Кровь хлынула ручьём, пропитывая штаны, ещё немного, и он ослабеет, тогда отражать атаки врага будет уже труднее, пусть даже у него и не осталось больше этих дисков.

Следующие два выпада цепи, пришлись в пустоту, но с каждым резким движением кровь из его ран текла всё сильнее, а боль становилась невыносимой. Откуда-то стал

подбираться страх, чувство, которого он никогда не испытывал. Уверенность в своих силах убывала с каждой каплей крови, покрывавшей каменный пол.

После очередного броска ему удалось ухватить цепь и дернуть на себя, Шамаэль резко метнулся вперёд, нанося в прыжке удар локтем. Удар был чувствительным, у Морта потемнело в глазах, но цепь он не выпустил, они сцепились, сила на силу, некоторое время оба пытались побороть друг друга, отчаянно напрягая жилы, но никто не мог взять верх. Наконец, Морт боднул противника головой в переносицу, тот отскочил назад, из ноздрей хлынула кровь, но на его боеспособности это не сказалось, нырнув вниз, он сбил охотника с ног подсечкой, после чего сильным ударом ноги приложил по ране на левом боку.

Взвыв от боли, Морт откатился в сторону. Дыхание сбилось, из груди вырывались хрипы, он приподнялся на четвереньки и смотрел, как торжествующий противник снова раскручивает цепь. Отчаяние придало ему сил, он вскочил на ноги, увернулся от следующего броска и достал врага ударом кулака, а потом добавил ногой в грудь.

Шамаэль отлетел назад, не устояв на ногах, лицо его перекосилось от боли, но он взял себя в руки и снова пошёл в атаку. Бросок отнял у Морта последние силы, он теперь уже не атаковал, только отступал назад, стараясь не попасть под удары. Противник его рычал сквозь зубы, глаза его горели, а руки двигались всё быстрее.

Очередной удар охотник всё-таки прозевал, шар прилетел в левое плечо, сустав, вроде бы, уцелел, но кожа превратилась в кровавое месиво, а левая рука повисла плетью.

Сделав несколько шагов назад, Морт упал на спину. Противник торжествовал и даже, казалось, не стремился добивать свою жертву. Теперь уже ясно было, кто из них жертва.

— Петер, — раздался в голове знакомый голос, — ты глупец.

Сознание охотника уже помутилось, но голос этот он узнал. Сатана. Властелин Тьмы. Злое начало мира. Он пришёл сюда лично, чтобы наблюдать за поединком.

— Ты думаешь, что я отправил тебя в бой без оружия? — голос Дьявола был насмешливым и тихим, — ты считаешь, что я нечестен с тобой? Ты глупец. Здесь у тебя нет оружия, но и у противника твоего ничего нет. Ты думаешь, что здесь есть твоё тело, но его нет, нет твоих сильных мускулов, ловких рук и ножа, который стал частью твоего тела. Сражаются не тела, а разум.

Новый удар раскрошил каменную поверхность, Морт откатился в сторону, только это он и мог, кататься.

— Ты сам создаёшь своё оружие, ненависть заменяет тебе силу, злоба будет твоим оружием, перед тобой враг, которого ты ненавидишь, ты ненавидел его всегда, даже тогда, когда не знал о нём. Только так его можно победить, пойми.

Новый удар снова прошёл мимо. Слова Дьявола упали на верную почву. Ненависть, которая давно горела в мозгу, начала придавать ему сил, кровоточащие раны уже почти не болели, он снова поднялся. Встретившись глазами с противником, он ещё сильнее поддался своему чувству, ещё сильнее возненавидел того, кто стоял перед ним, взгляд стало застилать красным. В глазах демона мелькнул страх. Новый выпад цепью не заставил охотника уворачиваться, он просто поймал шипастый шар в кулак, шипы не пробили кожу, так он стоял и держал цепь за конец, голова, казалось, сейчас лопнет от переполнявшей её злобы.

Он вытянул руку вперёд и заставил появиться в ней нож. Его нож. Тот самый, с кривым лезвием, тот, драться которым его когда-то научили цыгане, тот, которым он отнял бесчисленное количество жизней, пролил реки крови, и всё во имя... чего?

Пальцы крепко сжали рукоять, костяшки побелели, лезвие рубануло по цепи,

казавшейся такой прочной, и перерубило звенья. Шар полетел в сторону, а противник остался с одним обрубком цепи в руках. Теперь жертвой был он, теперь ему предстояло извиваться и отбивать удары. Это пока получалось, но Морт всё шёл вперёд, он превратился в вихрь, движения ножа уже нельзя было уловить взглядом, они сливались в одну блестящую полосу. Вот кривое лезвие чиркнуло по запястью, кровь демона брызнула на пол, смешавшись с кровью самого Морта, вот глубокий порез перечеркнул ему грудь наискосок, а следом лезвие царапнуло по подбородку. Хлёсткий удар цепи пришёлся по спине, но Морт не чувствовал боли, он вообще уже ничего не чувствовал, все его чувства сосредоточились на узком кончике ножа.

Шамаэль стал отступать вверх по ступеням, так легче было наносить удары цепью — единственное, что он мог противопоставить нападавшему. Новая рана разрешила ему живот, порез был неглубок, но кровь потекла рекой. Ещё немного. Они поменялись ролями, Морт, с перекосившимся до неузнаваемости лицом, рычал, словно дикий зверь, зубы его были стиснуты так, что начинали крошиться, а глаза налились кровью, от которой стали не видны белки.

Новый удар перерезал сухожилия на руке врага, тот выронил цепь и упал назад, ударом ноги Морт заставил его скатиться вниз, оставляя на ступенях кровавую дорожку. Сам охотник прыгнул вперёд, преодолевая разделявшее их расстояние. Двумя ногами он ударил противника в спину, вышибая из него дух. Через секунду он уже сидел на нём верхом, поднимая нож.

— Убей! — прозвучал в голове голос Сатаны, но он уже и не требовался, ничего не требовалось, ненависть, которая долго спала внутри, заполнила его разум, не оставив места для всего остального. Нож опустился, потом поднялся снова и снова опустился, с чавкающим звуком он погружался в тело уже мёртвого Шамаэля, вырывая куски мяса и расплёскивая кровь. Демон давно был мёртв, а он продолжал кромсать его тело. Наконец, он отвалился от бесформенного куска мяса, бывшего когда-то демоном, и посмотрел вокруг.

Он много раз становился таким, но всегда возвращался к себе, но не теперь. Ненависть завладела им окончательно. Где-то раздался радостный смех Дьявола.

— Я говорил тебе, что ничего не потеряю. А ты не верил. Думал, что сможешь победить демона добротой? — Дьявол снова зашёлся в приступе дикого смеха, — чтобы победить демона, нужно стать демоном самому. Теперь ты занял его место, теперь ты — моя правая рука, мой верный слуга, мои ученик и последователь. Помнишь, что я говорил об испытании? Ты его прошёл, прошёл с блеском, я потерял своего слугу, но, раз ты его победил, значит он был никчёмным, когда-то и он сам так же стоял над телом своего предшественника. Я получил, что хотел, теперь ты заменишь мне моего заместителя на земле.

Тот, кто когда-то был охотником и отзывался на имя Петер Морт, служил церкви, верил в бога и боролся со злом, сейчас стоял на коленях перед Дьяволом. Его мысли были подчинены Тьме, ненависть полностью сожгла его чувства, он не помнил никого и ничего из своей жизни, осталась только чёрная злоба ко всему живому, злоба, которая поведёт его вперёд, к славе его Хозяина.

Он видел, как изменялось его тело. Руки, бывшие когда-то тонкими и даже изящными, словно у дворянина, стали толстыми, кожа приобрела цвет сосновой коры, о на пальцах выросли когти, от попыток встать, но это было трудно сделать, ступни ног стали твёрдыми копытами, он всё же поднялся на ноги и осмотрел мир вокруг, выглядел мир

странно, видимо, причиной тому были вертикальные зрачки, подобные кошачьим. Где-то внутри в последний раз жалко пискнул прежний Петер, но быстро затих и растворился в безбрежном океане злобы. Клыкастая пасть извергла проклятия, после чего он распростёрся ниц перед своим Хозяином.

Внезапно легкий холодок пробежал по его телу, он приподнял голову и посмотрел вперёд. Маленькая детская ручка взяла его за толстый палец с когтем и попыталась поднять. Ему это удалось. Морт поднялся на ноги, и пошёл вперёд, постукивая копытами при каждом шаге. Белокурый ребёнок лет трёх, одетый в рубаху из мешковины, вел его вперёд, крепко держа за палец.

Дворец из чёрного камня куда-то пропал, местность шла под уклон, постепенно появлялись естественные цвета, голова его становилась ясной, он снова вспоминал себя, цвет неба и запах травы, вкус еды и прохладу свежего ветра. Вспомнил он улыбку Марии и маленького Ивана, что тянул к нему руки и радостно бормотал. Он так похож на этого мальчика, но не он. А кто же?

Морт продолжал меняться и внешне, детская рука сжимала уже нормальный человеческий палец, ноги стали обычными человеческими ступнями, а глаза видели мир по-человечески. Мельком глянув на себя, он заметил, что знаки на теле стали совсем бледными, постепенно исчезая с его кожи. Скоро они вышли на открытое место, здесь росла трава, неподалёку шумел лес, над головой было чистое голубое небо, а на его теле откуда-то взялась одежда.

Мальчик вдруг остановился и указал вперёд. Потом отпустил его руку и прощально помахал ладонью, широко улыбаясь, а потом сделал шаг назад и исчез, словно растворившись в воздухе. Морт запоздало помахал ему в ответ, а потом внимательно осмотрелся, прислушавшись, он различил шум текущей воды. Река. Внезапно он начал понимать, что места эти ему знакомы, он уверенно пошёл вперёд, постепенно углубляясь в лесную чащу. Прошёл он всего пару миль, когда давно заросшая дорога привела его к нужному месту. Небольшая рубленая избушка давно сгнила, крыша провалилась, остался только бревенчатый сруб и почти развалившиеся ступени крыльца.

Неподалёку от дома, бывшего когда-то родным, он нашёл едва заметный земляной холмик. Могила отца. Где могила его матери, он не знал, а отец никогда не говорил. Но отца он хоронил сам, копая могилу деревянной лопатой.

Присев рядом, он некоторое время молчал, словно беседуя со своим родителем. Вспоминал его суровое бородатое лицо, шрам на щеке, который не могла скрыть даже борода, могучие руки, что прекрасно стреляли из лука, а равно и из ружья, острый глаз и прекрасную память. Отец был неграмотным, зато умел читать следы так, как другие читают книги, своё умение он преподавал сыну.

Сидел он недолго. Скоро поднявшись, он срубил две берёзки, соорудил из них крест и водрузил его на могилу, нацарапав на поперечной перекладине: «Иван, охотник и следопыт, отец Петра». Русской грамоты он не знал, потому сделал надпись латинскими буквами, но это было неважно, в этом лесу некому было читать, но это нужно не другим, это нужно ему самому.

— Прощай, отец, — сказал он по-русски, после чего поднялся и зашагал по лесу. Прошло уже двадцать лет, здесь всё здорово изменилось, но заблудиться он не сможет. Ему просто незнакомо такое, сын охотника и следопыта ходит по лесу, как по проезжей дороге. Он знал в какой стороне его дом и шёл туда.

— Знаешь, это странно, — сказал брат Доминик, который сидел за столом в домике Морта, Мария накрывала на стол, а маленький Иван возился под ногами. — Я полагал, что твой сын, невинное дитя, которое я не зря называл якорем, удерживающим тебя в этом мире, именно он вывел тебя из ада, именно он вернул тебе человеческий облик.

— Нет, — Петер покачал головой, — он был совсем на него не похож, другие волосы, другие глаза, другая улыбка, всё другое. Это был не он.

— Но кто? — не понял Доминик.

— Я думаю, — сказал Морт, — нет, я знаю, кто это был. Это был я. Тот я, что существовал когда-то, тот, кто помнил родительскую ласку и любил весь мир. Я был таким, но забыл это. А теперь вспомнил.

— И Дьявол более тебя не тревожит? — с тревогой спросил его святой брат.

— Он проиграл, и он это знает. Он говорил, что наблюдал за мной с детства. Полагаю, он вёл меня и подбрасывал мне испытания, во время которых я впервые и оказался в его владениях, где получил метки на теле. А потом он вёл меня по следу, иногда сам, а иногда руками своего слуги, ныне горящего в аду. Всё шло к одному. Шамаэль мог меня одолеть, став ещё сильнее и доказав своему господину, что он достоин быть его первым учеником. А мог и проиграть, тогда его место занял бы я, но все его планы расстроил ребёнок из прошлого. Он жил во мне, где-то глубоко, настолько глубоко, что я не подозревал о его существовании.

— Что ты теперь будешь делать? — с интересом спросил инквизитор, — церковь тебя простила, и даже обиженные тобой братья не держат зла, но ведь нужно тебе чем-то заниматься.

— То, что делал всегда, искать людей, расследовать и наказывать. Я не стал мирным человеком, я просто стал собой. Я не ношу более Тьму внутри себя, а колдовские знаки исчезли с моего тела, я — это я, сильный, ловкий, умелый, это моё, мой разум теперь только мой и ничей больше.

— А семья?

— Она никуда не денется, я буду любящим отцом и мужем, правда, Мария?

Женщина смущённо отвернулась и пошла на кухню, под платьем уже снова виднелся живот. Инквизитор и охотник подняли кружки с вином, и, улыбнувшись друг другу, выпили.

Больше книг на сайте - Knigoed.net